

0-59

26204 Академия наук СССР
Сибирское отделение
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Выпуск 26

Серия языковедческая

ОНОМАСТИКА БУРЯТИИ

УЛАН-УДЭ 1976

ЧС(Бур)
0-59

Академия наук СССР
Сибирское отделение
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Выпуск 26

Серия языковедческая

ОНОМАСТИКА БУРЯТИИ

26204.
ас
1976
ЧС

БИБЛИОТЕКА
Байкальского научно-
исследовательского
института
языковедения, фольклора и литературы

УЛАН-УДЭ * 1976

Редакционная коллегия:

*В. И. Рассадин, Ц. Б. Цыдендамбаев (отв. редактор),
Л. Д. Шагдаров*

Ц. Б. Цыдендамбаев

ИЗУЧЕНИЕ ОНОМАСТИКИ БУРЯТИИ И ИСТОРИЧЕСКИ
СВЯЗАННЫХ С НЕЙ РЕГИОНОВ - ОДНА ИЗ АКТУАЛЬНЫХ
ЗАДАЧ СОВРЕМЕННОГО БУРЯТОВЕДЕНИЯ

За последние десятилетия во многих странах, в том числе и в Советском Союзе, интенсивное развитие получило исследование собственных имен. По вопросам ономастики публикуются не только отдельные статьи, сборники статей, но и специальные словари, журналы и монографии; проводятся локальные совещания, национальные конференции и международные конгрессы, материалы которых также печатаются. Короче говоря, уже накопилась большая литература по ономастике самых различных стран мира.

Языковеды Бурятии, принимая меры к преодолению отставания от общего уровня развития этой молодой отрасли науки, также занялись изучением своих местных собственных имен.

Было бы однако опрометчиво умалять хотя и скромные, но все же наметившиеся у бурятоведов сдвиги прежде всего по изучению топонимов. Имеются в виду такие работы, как статьи лингвиста и археолога Э.Р.Рыгдылона, появившиеся в печати в 50-х годах и посвященные разбору отдельных бурятских

топонимов¹; книги и статьи географа М.Н.Мельхеева о географических названиях Бурятии, Иркутской и Читинской областей, изданные в 60-х годах², в которых автор рассматривает пути формирования в прошлом и создавшуюся ныне систему местной топонимии, дает этимологию многих названий топонимических объектов; статьи географа Б.В.Башкуева, опубликованные в 60-х годах и трактующие эвенкийское и бурятское происхождение большинства топонимов Бурятии³; статьи других авторов, появившиеся в последнее время.

Из упомянутых работ, на наш взгляд, заслуживает специального внимания монография М.Н.Мельхеева "Топонимика Бурятии". В ней М.Н.Мельхеев пред-

¹ См.: Э.Р.Рыгдылонов. О названиях "Байкал" и "Ангара". - "Изв.АН СССР, серия геогр." М., 1953, №5, с. 75-78; е г о ж е. Топонимические этюды. - "Зап. БМНИИ", вып. XX. Улан-Удэ, 1955, с. 155-162; е г о ж е. Топонимические этюды. - "Зап. БМНИИ", вып. XXII. Улан-Удэ, 1956, с. 89-96.

² М.Н.Мельхеев. Географические имена. Топонимический словарь. Пособие для учителей. М., Учпедгиз, 1961; е г о ж е. О топонимике побережья озера Байкала. - "Краткие сообщ. о науч.-исслед. работах Иркутского ун-та". Иркутск, 1962; е г о ж е. Происхождение географических названий Иркутской области. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1964; е г о ж е. Материалы по вопросу о названии "Байкал". - "Краткие науч. сообщ. Иркутского ун-та". Иркутск, 1964; е г о ж е. Географические названия Восточной Сибири, Иркутской и Читинской областей. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969; е г о ж е. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1969.

³ Б.В.Башкуев. О географических названиях Предбайкалья и Забайкалья. - "Изв. Всесоюз. геогр. о-ва", т.97, вып.4. Л., 1965, с. 346-352; е г о ж е. Система географических названий. - В кн.: Предбайкалье и Забайкалье. М., "Наука", 1965, с. 17-19.

принял трудный, но крайне важный шаг по возможному выявлению языковой принадлежности многочисленных и вместе с тем запутанных неоднократно лингвистическими наслоениями топонимов нашего обширного края.

Опираясь на труды языковедов А.П.Дульзона, Г.М.Василевич, историков А.П.Окладникова, Г.Н.Румянцева, географа Э.М.Мурзаева и других ученых, занимавшихся вопросами топонимики, М.Н.Мельхеев выделяет в качестве примеров, употребительных среди топонимов этнографической Бурятии, более трех десятков кетоязычных названий¹, около пяти десятков самодийских², более ста эвенкийских³, более семи десятков тюркоязычных⁴, около трех десятков названий с ираноязычными субстратными элементами⁵.

Мы не случайно обращаем внимание именно на эти, то есть кетские, самодийские и эвенкийские, ирано-персидские и тюркские по своему происхождению географические названия. На нашей территории это самые древние топонимы, относящиеся главным образом к гидронимам и оронимам.

Но возникает вопрос: когда были созданы топонимические названия на этих языках, обнаруживаемые ныне в окрестности Байкала? Проф. М.Н. Мельхеев осмотрительно ограничивается двумя датами, считая что тунгусоязычная топонимия Прибайкалья берет свое начало с эпохи так называемой глазковской культуры, датируемой акад. А.П.Окладниковым около

¹ См.: М.Н.М е л ь х е е в. Топонимика Бурятии, с. 32-33.

² См.: т а м ж е, с. 34-36.

³ См.: т а м ж е, с. 28-32.

⁴ См.: т а м ж е, с. 37-39.

⁵ См.: т а м ж е, с. 41-42.

1700–1300 гг. до н.э.¹. Говоря же о тюркоязычном пласте топонимии этнографической Бурятии, М.Н.Мельхеёв ссылается на времена орхонских надписей (УІ–УШ вв.) и на период обитания курыканов в Прибайкалье (УШ–ХІ вв.)².

Что касается кетоязычных и самоедоязычных названий, то они М.Н.Мельхеевым оставлены без датировки, а ираноязычные субстраты относятся ко времени согдийских колонистов, живших, по утверждению акад. А.П.Окладникова, на Унге в эпоху орхонских тюрков и Уйгурского каганата³.

Так, например, Г.Н.Румянцевым было замечено, что в самодийских языках нохо означает 'песец', сунэгэн – 'собака', тьона – 'волк', хорра – 'олень', а в монгольских, в том числе бурятском, нохой – 'собака', үнэгэн – 'лисица', чоно (бур. шоно) – 'волк', оро(н) – 'олень' (последнее употребительно также в эвенкийском языке). Но в самодийских и монгольских языках нет ни прямого, ни косвенного соответствия в животноводческих терминах, тогда как названия многих домашних животных корреспондируются в монгольских, тюркских и отчасти тунгусо-маньчжурских языках.

По мнению Г.Н.Румянцева, приведенные им факты свидетельствуют о контактировании в окрестностях Байкала самодийцев, протобурят и эвенков в

¹ См.: М.Н.М е л ь х е е в. Топонимика Бурятии, с. 28.

² См.: т а м ж е, с. 37.

³ См.: т а м ж е, с. 42.

доскотоводческий период их жизни, то есть приблизительно во II тысячелетии до н.э.¹.

Говоря о доскотоводческом (или охотничьем) периоде истории прибайкальцев, Г.Н.Румянцев выдвигает на первый план самодийцев, считая их, должно быть, наиболее древними обитателями края. Такое предположение, как нам кажется, вполне согласуется с тем, что многие топонимы Прибайкалья, ныне относимые к эвенкийским, в своем прошлом представляются самодийскими. Во всяком случае, В.Б.Шостакович находил, что 60 процентов прибайкальских топонимических названий по своему происхождению являются самодийскими².

Но кеты, также оставившие свои следы на прибайкальской земле, контактировали с монголоязычными племенами, судя опять-таки по косвенным языковым данным, в еще более ранние времена.

Дело в том, что если Г.Н.Румянцеву удалось заметить отдельные лексические параллели в названиях зверей в самодийских и монгольских языках, то нам не раз приходилось с удивлением подмечать, что целый ряд элементов структуры кетского языка, описываемого в лингвистической литературе и прежде всего в работах А.П.Дульзона, имеет сходство с соответствующими элементами монгольского и в особенности бурятского языков.

В связи с тем, что проводимое наблюдение не

¹ См.: Г.Н.Румянцев. О некоторых вопросах этногенеза монголов и бурят. М., Изд-во вост. лит., 1960, с. 4-7.

² См.: В.Б.Шостакович. Историко-этнографическое название рек Сибири. - В кн.: Очерки по землеведению и экономике Восточной Сибири. Иркутск, 1926.

доведено до конца, сошлемся лишь на некоторые разрозненные факты. Так, в частности сонорные согласные в кетском языке во многом ведут себя так же, как и в монгольских: звуки *p* и *l* почти не употребляются в начале слова, *m* чередуется с *b*¹. Шумные палатализованные *t'*, *s'*, *ш'* могут употребляться один вместо другого², как это имеет место в западно-бурятских говорах: тамт'и // тамс'и // тамш'и — 'табак'.

В кетском языке бытует формант множественного числа *n* (или *нг*)³, который изредка встречается и в бурятском языке. От имен существительных образуются прилагательные посредством суффикса *-ту*⁴, который по существу материально совпадает с бурятским суффиксом *-та* (*-тэ*, *-то*), образующим на основе существительных имена прилагательные со значением обладания.

В кетском языке местоимение *бин* // *б'ин* // *биеь*, означающее 'сам'⁵, весьма напоминает бурятское *бие* ('тело'; 'особа'), приобретающее в косвенных падежах также местоименное значение 'сам, себя'. Можно привести и некоторые другие кетские слова, сходные или напоминающие по своему корню монгольские, в том числе и бурятские, лексические соответствия. Но для кетского и монголо-бурятского языков характерно не столько материальное, сколько структурно-строевое

¹ См.: А. П. Д у л ь з о н. Кетский язык. Томск, изд. Томского ун-та, 1968, с. 37-39.

² См.: т а м ж е, с. 44-45.

³ См.: т а м ж е, с. 68 и 109.

⁴ См.: т а м ж е, с. 94.

⁵ См.: т а м ж е, с. II4.

сходство отдельных их микросистем.

Думается, что такое сходство свидетельствует об одном общем весьма раннем источнике, разнесенном, если можно так выразиться, ветром истории в разные стороны и потому давшем ростки в отдаленных друг от друга местах.

Таким образом, наиболее древние географические названия окрестностей Байкала и некоторые другие языковые данные дают известное основание утверждать о контактировании протобурят не только с эвенками и тюрками, что не вызывает сомнения, но и с кетами, самодийцами и персами. Вместе с тем нельзя не заметить, что языковая принадлежность наших наиболее древних топонимов, приписываемых на данном этапе названным здесь народностям, подлежит более обоснованному и уточненному анализу.

Более того, нуждается в объяснении даже своя монголоязычная топонимия. Дело в том, что более значительные или давно известные географические названия Бурятии обычно ищутся на монгольском лад: река Селенга (ср. бур. хэлэнгэ), хребет Улан-Бургасы (ср. бур. Улаан бургаан), местности Челутай (ср. бур. Шулуута), Бильчир (ср. бур. Бэлшэр), Загустай (ср. бур. Загачата) и т.п., тогда как они, если исходить из современных их бурятских звучаний, должны были бы оформляться в виде Хэлэнгэ, Улан-Бургаган, Шулута, Бильшир, Загагата.

Для того, чтобы понять, чем вызвана монголизированная передача на русском языке многих топонимов Бурятии, необходимо мысленно перенестись к тем временам, когда географические названия Бурятии начали употребляться на русском языке. В ХУП, ХУШ и XIX вв. сначала русские военные власти, а затем представители русской администрации имели контакт

с предводителями бурятских родов и через них усваивали топонимию края. Надо полагать, что некоторые бурятские князья или отдельные лица из числа их окружения являлись тогда грамотными людьми. А в те времена, как известно, официальным литературным языком у бурят был монгольский письменный язык. Вот почему более ранние географические названия Бурятии должны были войти и вошли в русский язык в монгольском написании и звучании.

Иначе обстоит дело в XX в., особенно в советское время: в связи с укреплением позиций самого бурятского языка на картах Бурятии появились такие написания, как Шулута (могло быть Челутай), Жипхеген (ср. Жипкесен), Худан (ср. Кудун), Харагун (могло быть Харасун), Байса (ср. Байца) и другие.

Далее хотелось бы обратить внимание на необходимость изучения собственно бурятских географических названий, в особенности тех, которые не находят отражения при передаче обозначаемых ими объектов в русском языке и которые условно могут быть подразделены на три группы.

Одни из бурятских топонимов переводятся на русский язык, поэтому они обычно остаются вне поля зрения. К ним относятся, например: Галуута нуур — Гусиное озеро, Охин булаг — Окино-кючи, Баргажанай адаг — Усть-Баргузин, Нарьята нуур (или просто Нарьята) — Сосновоозерск и т.п.

Другие бурятские топонимы не совпадают со своими соответствиями в русском языке и именуют географические объекты по-своему: уст. Хул нуур (досл. озеро Куль) — Гусиное озеро, Доодо Онгостой (досл. Нижний перевоз) — Нижняя Березовка, Дээдэ Онгостой (досл. Верхний перевоз) — Верхняя Березовка, разг. Удын байшан (досл. город на Уде) —

Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ), Тэнгэри болдог (досл. Небесная [должно быть, в значении "высокая"] кочка) - Карабаиновка (в Хоринском аймаке), Хахир (Скудная [растительностью местность]) - Тарбагатай (в Хоринском аймаке), Хэлтэгиш пошоолхо (досл. поселок Кривого мыса) - Иннокентьевка (в Кижингинском аймаке), Хутэл нуур (досл. озеро на косогоре) - Онинборск (в Хоринском аймаке), Харха (если это бурятское слово, то означает 'крот') - Погромное (в Еравнинском аймаке) и т.д.

Третьи бурятские топонимы вовсе не имеют соответствий в географических обозначениях на русском языке: Хойто Хори (досл. Северная Хора) - территория восточнее Улан-Удэ вплоть до Читы, занимаемая хоринскими бурятами; Урда Хори (досл. Южная Хора) - территория южнее Читы, занимаемая хоринскими бурятами, то есть в основном места расселения агинских бурят; Баруун Хори (досл. Западная Хора) - территория по Тугную (Мухоршибири) и Бичуре, занимаемая хоринскими бурятами; Баруун найман (досл. Западная восьмерка) - территория от Тамчи и далее до Закамны, занимаемая селенгинскими бурятами.

Кроме того, надо отметить, что в новейшее время преимущественно бывшие и лишь изредка сохранившиеся без изменений названия колхозов стали восприниматься как наименования населенных пунктов: "Карл Маркс" в Баргузинском аймаке - официальное название села Баян-Гол, "Сталин" в Селенгинском аймаке - село Загустай, "Жданов" в Хоринском аймаке - станок Анинский, "Молотов" в Кижингинском аймаке - местность Моксохон и т.д. Названия, подобные приведенным, употребительны в обиходе, лишь отдельные из них получили признание. Так, например, бывший станок Кульский в Хоринском аймаке ныне

именуется Улан-Одон (досл. Красная Звезда), что в прошлом являлось названием колхоза.

Топонимы, употребительные в разговорном бурятском языке, но не имеющие официального закрепления, довольно быстро забываются. Между тем, их регистрация могла бы принести известную пользу в исследовании истории развития и сложения системы топонимов Бурятии.

Переходя к антропонимам, следует признать, что они изучены значительно меньше, чем топонимы, и только в наши дни к ним стало проявляться заметное внимание со стороны исследователей.

Имеющийся материал позволяет не только удовлетворительно разобраться с современным составом личных имен у бурят, но и в определенной мере уловить характерные особенности бурятских антропонимов за сотни лет в прошлом. В этом отношении наиболее ценными представляются генеалогии бурят, исторические предания, легенды и другие фольклорные тексты, содержащие антропонимические данные, имена бурятских князей из русских исторических документов.

Известный персидский историк XIV в. Рашид-аддин, повествуя о монголах тюркского происхождения, пишет, что человека из племени тутукулуйт, "если он будет мужчина, его называют - тутукулитай, если он будет женского пола - тутукуличин. [Происходящие] из [племени] алчи-татар [называются] алчитай и алчин; из племени куин-татар - куитай и куичин, [из] племени терат - терати и тераучин"¹.

Это весьма интересное свидетельство Рашид-ад-

¹ Рашид-аддин. Сборник летописей, т. I, кн. I. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1952, с. 103.

дина вполне подтверждается именами легендарного прародителя хорибурят и его жены. Как известно, в "Секретной истории" монголов указывается, что главу хори-туматов называли Хорилартай-мыргеном, а его жену — Баргучжин-гоа¹. Думается, что так именovali их турки, которым подчинялись хоринцы в период их господства в Центральной Азии и Южной Сибири. Во всяком случае, окончание мужского имени -тай (-tæ), приведенное Рашид-ад-дином, близко напоминает турецкий суффикс местного падежа -ta// -tæ.

Судя по летописям хорибурят, они сами называли своего праотца Хоридаем. Это имя, как нам кажется, разложимо на корень хори, представляющий название племени, и суффикс родительного (точнее притяжательного) падежа -ай.

Такой лингвистический анализ, разумеется, не может осознаваться самими носителями языка. Тем не менее они, ставя имя Хоридай в ряд таких антропонимов, как Баргудай (от этнонима баргу), Сагаздай (от прилагательного сагаан 'белый'), Улаздай (от прилагательного улаан 'красный'), Хулздай (от прилагательного хула 'саврасый') и т.п., могут заключить, что оно, это имя, образовано на базе племенного названия хори при помощи окончания -дай.

И в самом деле, в бурятском языке существует уменьшительно-ласкательный суффикс -дай (-дэй, -дой), посредством которого создаются имена существительные: уст. диал. хор. даадай 'старший брат' (от дая 'большой'), дуудэй 'братишка' (от дуу 'младший'), маадай 'бляшка', 'блеющая' — об овце (от маа — звукоподражание бляению овцы), меедэй — досл.

¹ См.: С.А.Козин. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г., т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, с. 79.

мычащая - о корове (от мее - звукоподражание мычанию рогатого скота) и т.д.

Суффикс -дай (-дэй, -дой) и его фонетический вариант -тай (-тэй, -той) использовались и для образования личных имен. Эту же функцию выполняли уменьшительно-ласкательные суффиксы -лдай (-лдэй, -лдой) и -хан (-хэн, -хон). Достаточно сказать, что в первых рядах имен в родословных таблицах хоринских бурят встречаются Набадай, Шихадай, Мардай, Долоодой; Шаралдай, Боролдой; Баряхан, Хамархан и т.п. Из широко известных фольклорных персонажей можно напомнить такие имена, как Сагаадай мэргэн, Ногоодой дуухэй, Гургалдайн гурбан сэсэн; из числа эпонимов исторических легенд - Асуйхан одигон и Хусуйхан одигон.

Наконец, сошлемся на личные имена, известные из русских исторических документов, относящиеся к ХУП в.: Саадай - бурятский князец, давший ясак П. Бекетову в 1628 г. под Братским порогом, Уныгидей - один из "непослушных" бурятских князцов ХУП в.; Бачигалдай, который от имени ясачных улусов Удинского острожка жаловался на икинатского князца Баахая; Бугулдайко - сын князца Кодогуня, захваченный красноярцами как ясырь; Баяракан - один из князцов, давших ясак П. Бекетову в 1628 г.; Баракан - князец, велевший побивать служилых людей^I и т.д.

Если Рашид-ад-дин писал об общеплеменных именах мужчин на -тай и женщин на -чин, основываясь на

^I Бурятские личные имена, приводимые здесь и далее, встречаются во многих работах по истории. Нами они взяты из кн.: А.П.О к л а д н и к о в. Очерки из истории западных бурят-монголов (ХУП-ХУШ вв.). Л., Соцэкгиз, 1937, с. 35, 68, 94, 57, 36, 68.

данных, должно быть, XIII-XIV вв., то приведенные нами примеры, пусть немногочисленные и отрывочные, но взятые из наиболее достоверных источников последующего периода, свидетельствуют о том, что, по крайней мере, в XVI-XVII вв. были довольно употребительными личные имена в собственном смысле слова, моделированные посредством уменьшительно-ласкательных суффиксов. Более того, как явствует из материалов, в XVII в. наряду с суффиксальными не менее распространенными были как однокорневые, так и составные антропонимы.

Часть однокоренных имен носит характер прозвищ, например, Манка - жена племянника князца Кодогона от манха - досл. 'одутловатая', 'опухшая', ср. манхагар с таким же значением, Мухор - сын князца Баяракана от мухар - досл. 'комолый', 'куцый', Тутчик^I от тучэг // тушэг - досл. 'опора'.

В числе однокорневых встречаются антропонимы, образованные: а) от названий животных: Ботак - князец бурят, кочевавших по Осинскому острову в начале 50-х гг. XVII в. (должно быть, от ботго // ботог - 'верблюжонок'); Бодон - один из булагатских князцов, приведенных к шерти Д.Фирсовым в 1654 г. (от бодон 'дикий кабан'); Уенка - Бугданиева жена, захваченная красноярцами как ясырь (от уен 'горностаи'. К этому апеллятиву, видимо, прибавлен русский суффикс -ка, который здесь в расчет не берется, и имя не считается гибридно-суффиксальным, так как эту женщину в середине XVII в. могли прозвать Уенкой в русской среде, куда она попала в ясыри, а не в бурятской, почти незнакомой с русским языком);

^I См.: А.П.Окладников. Указ. соч., с. 62, 77, 88.

б) от названий растительного мира: Долон Неодяев (от дослон 'весенний сок у деревьев'; 'луб', 'лубок'. Если не обходить молчанием странную фамилию этого Долона, то думается, что она восходит к почти однозвучному с русским словом "негодяй" бурятскому охранному имени Нюндай (досл. 'сопьяк'); Будаи — булагатский князец, в начале 50-х гг. XVII в. угрожавший от имени 17 родов бегством, если не прекратятся грабежи¹ (от будай // будаа 'просо').

В однокорневых именах имеют место единичные антропонимы с защитительно-охранной и благопожелательной семантикой: Лалаг — один из булагатских князцов, приведенных к шерти Д.Фирсовым в 1654 г. (от лалаг 'пропитанный жижей', 'навсквозь запачканный'), Инкей — князец Муруева улуса (от энгэй 'обыкновенный', 'заурядный'), Кутухта — мужик, который пожелал "креститца" и сообщил о намерении бурят сечь Братский острог — ориентировочно в 1650 г.² (от хутагта 'святой').

Составные личные имена в численном отношении мало уступают бессуффиксально-однокорневым именам. К ним относятся антропонимы, состоящие из двух сросшихся частей, именуемой и характеризующей социальное положение носителя имени при помощи термина родства или служебного титула.

Так, например, ряд имен имеет при себе пост-позитивный детерминатив ку или ке (в русской передаче ко), вероятно, со значением 'отрок, молодой человек': Бугулдайко — сын князца Кодогуня, захваченный красноярцами как ясырь (предположительно от

¹ См.: А.П.Окладников. Указ. соч., с. 95, 90, 57, 88, 96.

² См.: там же, с. 90, 87.

Бугудай + ку или же 'отрок'), Саганко -сын князца Тоготохи, убитый служилыми людьми (от сагаан 'белый' + ку), Салмачко - братский мужик, который в 1633-1634 гг. провел служилых людей до Падунского острога¹ (от Салмача или Саялмаша + ку).

Несколько антропонимов состоит из имени-апеллятива и постпозитива **ахай**, представляющего почтительное обращение к старшему. Именно такой состав имеет прежде всего имя широко известного в исторической литературе о бурятах Турукай-табуна, которого первым из русских встретил Иван Похабов в 1647 г. (от туруу 'глава', 'предводитель' + ахай 'старший', 'уважаемый')². К числу этих же имен относятся: Баахай - князец игнацкого улуса, ходивший войной на другие улусы, в частности, в начале 50-х гг. ХУП в. (от баа 'младший' + ахай); Баракай - один из князцов, плавивших ясак в 1628-1629 гг.³ (от Бар - досл. 'барс' + ахай).

Также несколько антропонимов образовано от имени, иногда даваемого в сокращенном виде, и маньчжуро-монгольского графского титула **гун**: Когун - братский князец, приехавший с Байкала-озера (Хоо-, по-видимому, первый слог его имени + титул гун, который в разговорном языке произносится с долгой: - гуун); Кодогунь или Котогун - один из князцов, давших ясак П.Бекетову в 1628 г. (от хото 'стойбище' + гун); Кожгун - князец, брат Кодогуна⁴

¹ См.: А.П.Окладников. Указ. соч., с. 57, 92, 69.

² Более подробно см.: Ц.Б.Цыдендамбаев. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, Бур.кн.изд-во, 1972, с.244-245.

³ См.: А.П.Окладников. Указ. соч., с. 85, 93-94.

⁴ См.: там же, с. 68, 54, 68, 60.

(от Хож- — начальный слог имени + гун).

Таковы некоторые сведения о бурятских личных именах ХУП в. Поскольку мы пытались представить их в сгруппированном по составу и значению виде, остались не охваченными отдельные единичные антропони-мы. Довольно значительное количество имен, не поддающихся пока расшифровке, понятно, также оставле-ны без рассмотрения.

Принадлежность описываемых здесь личных имен ХУП в. к бурятам, точнее к бурятским князям, не вызвала никаких сомнений у историков. Но своеобра-зие в оформлении некоторых из этих имен заставляет задумываться об их носителях.

При этом принимается во внимание возможность произношения бурятских слов на эвенкийский лад. Так, например, написание Бачагалдай вместо допус-тимого Бацагалдай, вероятно, обусловлено отсутстви-ем ц в языке эвенков, нередко служивших в ХУП в. проводниками и переводчиками у русских; написание Тутчик вместо ожидавшегося Тушик, видимо, связано с частой употребительностью в эвенкийском языке звука ч и, напротив, с факультативностью ш.

Из наших примеров монголизированный вид имеет имя Ботак в случае, если оно правильно ассоцииру-ется с апеллятивом ботог 'верблюжонок'. Но зато на-ми усматривается чуждая для бурят маньчжуро-мон-гольская манера употребления первого слога имени и, тем более, ношения графского титула гунь, когда антропони-мы Когун, Кодогунь (или Котогун) и Кожгун выводятся из Хоо-гун, Хото-гун и Хож-гун.

Если указанное чтение последних имен соответ-ствует действительности, то чем объяснить наличие этих монголизмов (точнее даже маньчжуро-монголиз-мов) в числе имен бурятских князцов?

Явная "омонголенность" некоторых бурятских антропонимов ХУП в. могла быть вызвана тем, что либо бурятские князцы тогда стремились олитературивать свои имена, так как в то время монгольский письменный язык признавался своим и для бурят, либо, пользуясь разрозненностью бурятских племен и родов, предводителями отдельных групп бурят становились монгольские князьки, быть может, имевшие при себе небольшие военные дружины.

Правда, буряты ХУП в. могли хорошо знать монгольский язык, вернее говоря, они, особенно верхушечные слои тогдашнего бурятского общества, наверняка были двуязычными. Рассуждая так, имеется в виду, что основа разговорного бурятского языка была заложена гораздо раньше.

Подтверждением сказанному служат некоторые антропонимы с явно бурятской огласовкой, встречающиеся в числе разбираемых имен: Негутай (ср. совр. бур. нхятай 'сопливый') — один из князцов, к которым стрелецкий пятидесятник В.Чермеников в 1633—1634 гг. посылал сборщиков ясака; Босухогон^I (ср. совр. бур. бодхоон 'увезенный украдкой'). Из этих примеров следует, что такой своеобразный звук бурятского языка, как фарингальный **н**, был употребителен и в личных именах ХУП в.

Не имея возможности затрагивать вопрос о бурятских фамилиях в более широком объеме, хотелось бы обратить внимание лишь на суффиксы, образующие оригинально-бурятские фамилии.

Под влиянием русских буряты давно стали пользоваться именем своего отца как фамилией, прибавляя к нему окончание родительного падежа, если фа-

^I См.: А.П.Окладников. Указ. соч., с. 69.

милия писалась по-старомонгольски, или русские фамилиеобразующие суффиксы, если она писалась по-русски. В конце 10-х - начале 20-х годов XX в. в Восточной Бурятии, в первую очередь в Аге, стали на русском языке употреблять бурятские формы фамилий: Жабэ, Жамцарано, Сампилон, Гомбоин и другие. Со временем эти фамилии получили официальное закрепление как на русском, так и на бурятском языке.

Буряты пользовались монгольским письменным языком, как своим литературным, до 30-х годов нашего века. Поэтому вполне понятно, что в качестве оформителей бурятских фамилий были использованы суффиксы родительного падежа этого языка, но несколько в деформированном, может, лучше сказать, облагсзвученном виде:

1) -о (восходит к $\text{ᠪᠢᠨ} // \text{-ᠤ}$): Жамцарано (< ᠵᠢᠮᠴᠢᠷᠠᠨᠤ / ᠤ jimcaran-ū), Балдано (< ᠪᠠᠯᠳᠠᠨᠤ / ᠤ baldan-ū), Цыдено (< ᠴᠢᠨᠳᠡᠨᠤ / ᠤ ceden-ū), Ринчино (< ᠷᠢᠨᠴᠢᠨᠤ / ᠤ rinčin-ū) и др.;

2) -он (восходит к $\text{ᠤᠨ} // \text{-ᠤᠨ}$): Дампилон (< ᠳᠠᠮᠫᠢᠯᠠᠨᠤ / ᠤᠨ dampil-ūn), Донгидон (< ᠳᠣᠩᠭᠢᠳᠣᠨᠤ / ᠤᠨ donggid-ūn), Дугарон (< ᠳᠤᠭᠠᠷᠠᠨᠤ / ᠤᠨ duḡar-ūn), Чимидон (< ᠴᠢᠮᠢᠳᠣᠨᠤ / ᠤᠨ čimed-ūn) и т.п. О том, что фамилиеобразующий суффикс -он берет свое начало от старомонгольских $\text{-ᠤᠨ} // \text{-ᠤᠨ}$, свидетельствует имевшее место употребление таких фамилий, как Дугарон и изредка Дугарун, Чимидон и реже Чимидун;

3) -ин (восходит к $\text{ᠶᠢᠨ} // \text{-ᠶᠢᠨ}$): Дабаин (< ᠳᠠᠪᠠᠶᠢᠨᠤ / ᠶᠢᠨ daba-yin), Батоин (< ᠪᠠᠲᠤᠨᠤ / ᠶᠢᠨ batu-yin), Гомбоин (< ᠭᠣᠮᠪᠤᠶᠢᠨᠤ / ᠶᠢᠨ ḡombu-yin), Ракшаин (< ᠷᠠᠭᠶᠶᠠᠶᠢᠨᠤ / ᠶᠢᠨ raḡᠶᠶa-yin) и другие. При употреблении на русском языке бурятских фамилий с этим аффиксом наблюдается тенденция перехода ударения с окончания на основу слова. В этом отношении весьма

характерной является фамилия известного языковеда Б.Б.Барадица, которая вначале писалась как Барадийн (по-видимому, должна произноситься как Барадийн), а потом стала писаться и произноситься как Барáдин. Идентичную же огласовку имеют фамилии Мункин (а не Мункоин), Ардин (а не Ардийн), Доржин (а не Доржийн), Хилтүхин (а не Хилтухийн), Санжин (а не Санжийн), Шагжин (а не Шагжийн). Колеблется произношение фамилий Линховоин//Линховоин, Ракшайн//Ракшайн.

Однако приведенными тремя суффиксами не ограничивается фамилиеобразующий инвентарь бурятского языка. В нем имеется четвертый суффикс, который взят из арсенала самого разговорного бурятского языка, но опять-таки в измененном, как бы условном виде.

Если окончание родительного падежа имени в бурятском языке имеет, по крайней мере, три сингармонических варианта -ай (-эй, -ой), то создатели оригинально-бурятских фамилий, оттолкнувшись от разговорного стиля произношения этих окончаний в виде -ээ (-ээ, -оэ), выработали внесингармоничный монофтонгоид -э: Жабэ (но не Жабай), Хадаханэ (а не Хадаханай), Дашидондобэ (а не Дашидондобой), Ринчинэ (а не Ринчинэй) и т.п. Только в единичных случаях встречаются фамилии в форме традиционных сингармоничных написаний: Батожабай (а не Батожабэ), Дондогой (а не Дондогэ) и другие.

Наконец, насколько нам известно, есть одна единственная фамилия, образованная при помощи западнобурятского диалектного окончания родительного падежа -и. Эту фамилию носит кандидат искусствоведения А.В.Тумяхани (Тумаахан + -и).

Таков перечень оригинально-бурятских фамилие-

образующих моделей.

Итак, рассмотрение даже в такой степени некоторых вопросов изучения наших топонимов и антропонимов прошлого и настоящего помогает выявить много еще малоизведанных и, вместе с тем, интересных аспектов, требующих дальнейшего, более детального и специального рассмотрения.

М.Н.Мельхеев

ТОПО-, ЭТНО- И АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ОНОМАСТИКЕ

Топонимы, этнонимы и антропонимы представляют собой взаимосвязанные отрасли лексического состава языка и служат объектами топонимики, этнонимики и антропонимики, в совокупности составляющих ономастику. Изучение взаимосвязей между этими составляющими компонентами ономастики имеет значение для истории и этногенеза народов – создателей тех или иных территориальных систем ономастики, для палеолингвистики и исторической географии.

Возникновение топонимов из этнонимов, то есть из названий родов и племен, народностей и наций, и из антропонимов, также обратные связи – переход топонимов в этнонимы, – явление закономерное и широко распространенное во все времена и у всех народов.

В глубокой древности, очевидно, еще в эпоху родовых отношений у людей возникла потребность называть территории именами соответствующего рода или племени. Эта традиция сохранилась и в современном обществе: почти все государства мира, а в СССР все национальные административно-территориальные единицы именуется по названиям народностей и наций, проживающих на этих территориях. Так, еще в глубокой древности появились на основе этнонимов такие географические наименования, как Каспий, Тав-

рида, Карпаты, Дарданеллы, Русь, Сибирь, Монголия, Урянхай, Кыргыз-Нур, Чудское, Телецкое и т.д.

На протяжении многих веков в Сибири "народы сменяли народы", возникали и распадались воеводства и племенные объединения, происходили большие социальные события, сопровождавшиеся массовыми передвижениями и смещением, ассимиляцией или полным уничтожением, распылением и адаптацией отдельных племен и народностей.

Сомедшие с исторической сцены племена и народы абсолютно не исчезали с лица земли. Они, как этимическое явление, до известного времени сохранялись в виде мелких, раздробленных, распыленных родоплеменных группировок в составе других племенных объединений, в других местах или на прежнем месте обитания, растворяясь, адаптируясь в новой инородной этнической среде. В этом случае память об исчезнувшем племени, народности сохраняется, помимо предметов материальной и духовной культуры или фольклора, в названиях — в топонимах и этнонимах. Или иногда только в топонимах. Так, сошлемся на некоторые факты из ономастики Бурятии.

В сяно-алтайской горной стране обитало племя найманов, которые в начале XIII в. были разбиты войсками Чингис-хана. Уцелевшие остатки этого племени разбрелись и вошли в состав других этнических объединений, образуя отдельные родовые группы, или кости — найман. Такие роды встречаются среди бурят, алтайцев, киргизов и других народов. Места проживания найманов у бурят именуется Наймангут, Наймагут, Наймадай — бурятские улусы в Аларском и Боханском районах Иркутской области. Есть река Найм — приток Катуня на Алтае, селение Найман в Ферганской котловине. Топоним Найман встречается в

Крым; Кара-Найман, в Южной Молдавии — Нейман.

Название **н а й м а н г у т** происходит от монголо-бурятского имени числительного найм(ан), найма(н) 'восемь' и суффикса множественного числа **-гут** (по-бурятски **-гууд**). Считают, что найман является монгольской калькой тюркского этнонима **сегиз-огуз** 'восемь огузов'. Найманы были тюркоязычными. О местах их обитания Рашид-ад-дин (1247-1318) пишет: "Одна сторона Кэм-Кэмджиут (Енисей, енисейские кыргызы. — М. М.) соприкасается с местностями и горами, где сидят племена найманов"¹. Это значит, что найманы жили в горных долинах Западного Саяна, Алтая или Кузнецкого Алатау.

Другое кочевое монголоязычное племя — меркиты, жившее в XIII в. по Онону и Селенге, также было разбито чингисидами, разбросалось и образовало родовые группы на Алтае, в Средней Азии, Монголии и Иране, где имеются топонимы и этнонимы Меркит (Моркут, Мэркит). То же самое можно сказать об удуйт-меркитах, тункинтах, живших в XII-XIII вв. по Онону, Керулену и Селенге, в Тункинской котловине. Рашид-ад-дин пишет о меркитах: "... их также называют удайт... Меркиты — это часть монгольского племени"². И сам этноним монголоязычный: **мэргэд(мэркиты)** — меткие (стрелки). Меткостью они действительно отличались, особенно Култакан-мэргэн³.

Кераиты — племя, обитавшее в XII-XIII вв. по Онону, Керулену и, возможно, в Тункинской котловине, где встречаются топонимы и этнонимы кераитского

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. I-я. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1952, с. 150.

² См.: там же, с. 114.

³ См.: там же, с. 116.

времени, зафиксированные Рашид-ад-дином и в "Сокровенном сказании" монголов и сохранившиеся в современной топонимии и этнонимии: Кутукэн - Кутукэская Грива, Тарата - Торот, Тора, Тэртит - Тэртэ, Тыреть, род тэртэ, Илат - Елот, Елотский острог, Тункаиты - река Тунка в Тункинской долине, озеро Тунку-Нур в бассейне реки Ока, Тунга - приток Ингоды, Тункэнь - приток Орхона, Туникэн - приток Аргуни, Тунка - приток Ангары и т.д.

В этих местах, очевидно, проживали тункаиты и кераиты. Многие исследователи (Г.Е.Грумм-Гржимайло, Н.А.Аристов, Н.А.Сердобов) пишут о саяно-алтайском происхождении кераитов. Действительно, в Саянах и Присаянье встречаются и топонимы и этнонимы от основы кир-, хир-: название самодийского племени кири, хири или кирей, абак-кирей (по русской транскрипции); р. Кирей - приток Ии, р. Кирей - приток Уды-Чуны в Саянах. Из Саян "род кирей мог перейти на юг, в Монголию"¹. Поэтому могли возникнуть названия Киреть, Киран, Кырен на юге Забайкалья и Хэрийн гол - левый приток Онона в Монголии.

Хори - одно из трех основных бурятских племен, известное в истории с XIII-XIV вв. под названием кори, хори, хори-тумат. Очевидно, генетические корни хори уходят в более древнюю эпоху. Так, Н.Г.Румянцев склонен отождествлять этноним хори, кори с этнонимом фюри, кури - курыкан - племенем, жившим еще в VI-X вв. в Прибайкалье.

Но хоринцы Забайкалья в русских исторических документах упоминаются лишь с конца 40-х годов

¹ Н.А.Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. - "Живая старина", 1896, вып. III и IV.

ХУП в. Считают, что "с ХУП в. хоринцы стали кочевать в долинах Онона, Кудуна, Хилки, Уды, Авы, Турунуя, вокруг Еравнинских озер, в Баргузине и т.д."¹. Представители хоринских родов в Предбайкалье в ХУП в. были известны с Верхоленья до Удинской земли. В настоящее время хоринцы среди бурятского населения представлены потомками своих одиннадцати хоринских родов, проживающими в основном в бассейне рек Уды, Сеиенги, Хилка, Онона и Нерчи.

Этнонимы хори и хоринских родов имеют распространение во многих местах за пределами современного расселения хоринцев: хорогар – в Якутии (дар якутский суффикс множ. числа), ходут, хорчиан, ходут-баргут, онго-хордут, хорчит, хорчин-бусхулы – в Монголии; галзут – в долинах Баргузина, Джида, Лены (нохой-галзут), на Ольхоне (дархай-галзут, маншина-галзут), шарат – в Нижнеудинском, Аларском, Нукутском, Эхирит-Булагатском районах; гучит, саган – в разных районах.

Топонимы от этнонима хори (хоро, хорь) встречаются в МНР – реки Их-Хоро гол, Нарин-Хоро гол, Ара-Хоридулия гол, Хоромнат гол, Хорэин гол, перевал Хоридьял-Сардык, селение Хара-Хорин и другие; в Якутии – селения Хоринцы 1-ые, Хоринцы 2-ые, реки Хорогей-юрях, Хорон, Хорей, Хоросо-Сайлага, Бере-Хороно; в Туве, в бассейне Оки – реки Хоор-Оо (Хорес), Хорэ, с. Усть-Хорэ и другие; по Унге – урочище реки Хорета, Хорэ-Шэтгэ, Хордут и т.д.

Олет (элет, улет) – одно из ойратских (запад-

¹ К.М.Герасимова. Культ ооо как дополнительный материал для изучения этнических процессов в Бурятии. – "Этногр. сб.", вып. 5. Улан-Удэ, 1969, с. 130.

но-монгольских, калмыцких) племен, оставившее свои следы в топонимии Забайкалья и Прибайкалья: Улентуйский район в Читинской области, падь Улентуй на южном берегу Байкала, улус Улей (Улед) в Боханском районе, село Улегчин в долине Джиды, село Улейгача в долине Шилки. Бурятские генеалогические легенды повествуют о том, что предком бурятского народа был Барга-Батор, у которого было три сына - старший Оледэ (Илюдэр-Тургэн), средний Бурят (от которого произошли булагаты и эхириты) и младший Хоридэ. Буряты называли калмыков олед, улед, уледэ; тувинцы - елет; якуты - илээт.

Урочище Урянхай в Джидинском аймаке, река Урянгай, приток Уды (Чуны) - от этнонима у р я н х а й, устарелого наименования тувинцев, - свидетельствуют о пребывании в этих местах древних тувинцев. Об этом же говорит и то, что Иркутский острог первоначально назывался Яндашский острог - по имени местного тувинского князька Яндаша-дороги (дорога 'староста'), по просьбе которого и был выстроен острог. Тувинцы на Иркуте были представлены племенем иргиты.

Иргит, ирkit(иркид), ирхуд, ырхуд(байырху-д) - древнейшее племя, которое в орхонских надписях упоминается еще в УІ-УШ вв. в форме б а й ы р к у, признаваемое некоторыми учеными за вероятных предков баргутов, бурят. Этноним б а й ы р к у состоит из тюркского бай 'великий'; 'богатый' и ыр-ку - название племени. Со временем, очевидно, прилагательное бай отпало и осталось собственное имя племени ырку. Вследствие смешения тюркского, монгольского и других языков название это стало воспроизводиться в различных произношениях, написаниях, в которых чередуются гласные ы, е, э, соглас-

ные х, к, г (ырху, ирху и т.д.), а во множественном числе с суффиксом -уд или -ит получились этнонимы ы р х у д, и р х у д, и р г и т, и р к и т и т.д. В настоящее время в долине Иркутта проживают буряты рода ирхид (иркит). М.А.Кастрен в 1848 г. в долине Иркутта встречал сойотов рода иркит. Род иркит известен среди сойотов долины Оки, бурят долины Китоя, жителей Дархатской котловины МНР. Род ырхид (иргит) имеется у тувинцев Кемчикского и Ойнарского районов, хакасов, ыргыт - среди алтайцев и телеутов. Кость рода иркит или иркит-сойон в прежние времена кочевали в долине Уды, в Нижнеудинском районе, - отмечает Г.Е.Грумм-Гржимайло¹. На существование племени ырху в УШ-IX вв. в Прибайкалье указывает Э.Р.Рыгдылон². Иргиты имеются в Якутии.

Некоторые авторы считают, что племя эрхуд, ырхуд - самодийского происхождения. Г.Н.Румянцев пишет: "Река Иркут, по-бурятски Эрху - явно самодийского происхождения. Среди самодийских племен имеется род, носящий название "Ирка", сойотское "Ир-кит"³. "Среди тувинского народа, - утверждает С.И.Вайнштейн, - имеется род "Иргит" - самодийского происхождения"⁴.

¹ См.: Г.Е.Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т.П. Л., 1926.

² См.: Э.Р.Рыгдылон. Топонимические этюды. - "Зап. БМНИИК", т. XXIV. Улан-Удэ, 1956.

³ Г.Н.Румянцев. К вопросу о происхождении хори-бурят. - "Зап. БМНИИКЭ", вып. УШ. Улан-Удэ, 1948, с. 40.

⁴ С.И.Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографический очерк. М., Изд-во вост. лит., 1961, с. 21.

Все же не так просто доказать, какому народу принадлежит род (или кость), название которого образовано от основы ырху-д, ирки-т, так как он встречается среди тюркских, монгольских, бурятских, самодийских племен. Существование этого рода восходит к эпохе орхонских надписей VII-VIII вв., а территориально он распространен на большом пространстве в Южной Сибири. Вероятно, это племя принадлежало древним самодийцам Прибайкалья, так как самодийскоязычный пласт топонимии юга Восточной Сибири очень значительный и древний.

С этнонимом и р г и т (иркид, ырху, ырхуд) несомненно связан топоним Иркут. Название Иркут, относимое к реке, известно лишь с XIII в. Существует самое разноречивое толкование этого топонима. Гункинские буряты производят его от эрэ хувд (мужчины, мужской люд) согласно преданию о том, что группа монголов хонгодоровского рода, переселяясь в XIII в. из Монголии в Прибайкалье, вынуждена была переправиться на наскоро сколоченных плотках через незнакомую реку. При этом многие утонули, а уцелевшие мужчины остались жить в долине этой реки, названной ими рекой мужчин - Эрэ-хууды гол, то есть ырахуд, Иркут¹. Это широко распространенное у тувинских бурят объяснение, как и версию о том, что название Иркут произошло от слова эрхээ (капризный, избалованный), следует рассматривать как плод ложной народной этимологии. Также неудовлетворительны другие опыты этимологизации этого названия: от тунгусского слова эргих 'ворочаться', 'кружиться', т бурятского глагола эрьюлхэ 'вертеть', 'кружить',

¹ См.: "Фольклор Восточной Сибири". Сост. Гуревич. Иркутск, 1938, с. 64-66.

или эрвехэ 'отходить', 'поворачиваться', 'завернуть'. Топонимы Ирху-д, Иркут, З(ырку)зун - Зыркузунская излучина Иркуты, Ыркымцын - приток Иркуты, безусловно, связаны с именем ырку (во множ. числе - ырхуд).

Горы Саяны получили свое название от имени обитавшего по горным долинам рек бассейна Енисея тюркоязычного, а в прошлом самодийскоязычного племени саянов или соянов, которых впервые встретили в предгорьях Саян, к западу от Енисея, русские послы В.Тюменец и И.Петров, в 1615 г. посетившие вотчину Алтын-Хана (современную Туву). Они сообщали: "... и как де мы пришли в Саянскую землю..., где живут саяны", называя этим этнонимом горный хребет, у которого жили саяны, - Саянский Камень, теперь Саянский хребет, являющийся наиболее трудным препятствием на пути из Минусинской котловины в Тувинскую. В настоящее время родоплеменная группа саянов (соянов) имеется в составе тувинского народа в количестве 623 семей^I. Проживают они главным образом в южных районах Тувы, куда "они были насильственно переселены из Саянской земли" в XV в. князьями прежней Тувы. Известны роды саин среди хакасов, саяк - у киргизов, соен - у монголов, сойот (һоед) - в Бурятии.

Этноним с а я н (соян) введен в топонимию русскими в XVII в. - Саянская земля, Саянский Камень, Саянский острог. Затем это название распространилось на всю горную систему и возникли населенные пункты с этим именем: станица Саянск - казачье селение, основанное в 1709 г., село Саянск,

^I См.: Н.А.Сердобов. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971, с. 72.

поселок Саяны в Красноярском крае, поселок Саянск в Иркутской области. Аналогичные названия встречаются далеко за пределами бассейна Верхнего Енисея: речка Саянтуй, правый приток Селенги, поселки Саянтуй, Верхний Саянтуй, Нижний Саянтуй близ г. Улан-Удэ, Саяян — урочище и река, левый приток Вилюя, выше Мархи в Якутии.

Сибирь — название обширной азиатской территории СССР, до сего времени не получившее удовлетворительного объяснения своего происхождения, хотя было предложено немало разноречивых толкований. Исходя из звукового сходства имени с тем или иным словом, некоторые исследователи пытались объяснить его при помощи татарского слова сибирмак — 'очищать', монгольского шивэр 'болото', 'заболоченная чаща', сибэр, сэбэр — 'чистый', 'прекрасный', 'красивый', русского сивер в значении 'север' и других.

Для нас нет сомнения в том, что название "Сибирь" произошло от этнонима ш и б и р — племени, которое ко времени прихода татаро-монголов в Сибирь в начале XIII в. обитало на юге Западной Сибири. Существование этого племени в Западной Сибири подтверждается свидетельством письменного источника того времени. "Сокровенное сказание монголов", где сказано, что в "год Зайца" (1204 г.) войска Чингисхана покорили все "лесные народы", в том числе народ "шибир", который обитал к северу от Алтая и к западу от Ангары^I. Имеются и фольклорные подтверждения данной гипотезы происхождения этнонима с ы б ы р, с а б и р, с и б и р: в преданиях то-

^I См.: С.А.К о з и н. Указ. соч., с. 492.

больских татар, как указывает Г.Потанин¹, говорится о народе сыыр, жившем по среднему течению Иртыша раньше их, татар. Ханты, современные жители Обь-Иртышского района, приписывают разные памятники древности в своей местности сыбрам или сибирам. Этот древний народ под натиском татаро-монголов в XIII в. покинул свою страну, "оставив" ей свое имя - сыыр, сибир, ставшее названием огромной территории.

Столетием позже отмеченного в "Сокровенном сказании" факта - в 1310 г. название это упоминалось в форме Ибир, Сибир у Рашид-ад-дина² и относилось к южной, малоизвестной части Западной Сибири, которая тогда под этим именем входила в состав улуса Джучи (Золотая Орда). В конце XV в. в результате распада Золотой Орды на юге Сибири образовалось татарское полуфеодальное государство (Сибирское ханство), столицей которого был город, который назывался татарским именем Кашлык и другим, вероятно, более древним - Искер (Сибирь). Город этот находился недалеко от современного Тобольска. Он был основан еще в XI-XII вв. местными хантыйскими племенами, относящимися по языку к финно-угорской семье. Поэтому наиболее вероятным является предположение, что название "Сибирь" связано с именем племени, принадлежавшего к финно-угорским народам. Таким образом, следует признать, что название "Сибирь" есть этноним, но не термин

¹ См.: Г. П о т а н и н. О происхождении географического имени Сибирь. - "Сибирский сборник", кн. 2. Иркутск, 1890.

² См.: Р а ш и д-а д-д и н. Указ. соч., с.150.

(монг. шивэр 'болото').

Во всех древних источниках фигурирует этноним с а б и р (сыпыр, шибир, сибир, абир, ибир), но как топоним Сибирь впервые упоминается у Рашид-аддина в виде Ибир//Сибир. Истоки этих созвучных слов, означающих одно и то же имя племени или обширного племенного союза, уходят в глубокую древность - к первым столетиям нашей эры.

Чешский ученый-востоковед Тимофей Покара рассмотрел этот вопрос на базе обширных востоковедческих источников и также пришел к выводу о том, что название "Сибирь" произошло от этнонима смешанной этнической группы (общности) тюрко-монгольского или тунгусо-маньчжурского происхождения, проживавшей на востоке, в Восточной Сибири: сиенпи - синби - шивей - шибир - сибир. Действительно, в Забайкалье насчитывается десятки названий Шивий (или Шивия): села Шивия в Калаяганском, Борзинском, Оловянинском, Чернышевском, Шелапугинском, Нерчинском, Шилкинском и других районах Читинской области; Шивийский участок в Сретенском районе, Шива(нда) и т.д. Это одни из вариантов объяснения этнонимического происхождения названия "Сибирь" - восточный. Но, возможно, что сабыр//сыпыр//сибир//абир//ибир, с одной стороны, сиенпи//шивей//шивер//сибир - с другой, есть название одного и того же большого племенного объединения, перемещавшегося из Восточной Сибири в Западную. Ведь известно истории, что авары (авары - абиры - Ибир - Сибир) - азиатские кочевники в VI в. - оказались в Европе и были ассимилированы. Но их имя сохранилось в топонимии и этнонимии Дагестана - р. Аварская Койсу, аварцы, аварский язык и т.п.

Географическое название "Сибирь" лишь в 1375 г.

появилось на Каталонской географической карте мира в форме "Себур", которая определяет так: "Сибирь — старинный город около Тобольска".

В русских источниках Сибирь как географическое наименование впервые встречается в русских летописях в 1407 г., когда говорится, что "хан Тохтамыш убит в Сибирской земле"¹. Почти до конца XV в. под именем Сибирь русские подразумевали только столицу татарского хана на Иртыше, а затем это название было распространено на Прииртышье, позже, в эпоху великих географических открытий русских в Сибири, оно передалось на всю территорию от Урала до Дальнего Востока.

Существует множество названий, производных от слова "Сибирь". Но одно название обращает на себя внимание: р. Сибирчатаяха, левый приток р. Кара, к северу от Урала. По-ненецки яха — 'река', следовательно, приведенный гидроним означает "река Сибирская" или "река сибиров". Возможно, это связано не с топонимом, а с этнонимом с и б и р, с его носителями, последние остатки которых вполне могли, перемещаясь под натиском татаров на север, смешаться с другими самодийскими племенами. Среди сагайцев Хакасии имеется кость сибицжин (сиби-чжин). Это название, подобно слову "бургу-чжин", может быть, представляет этнотопоним.

Название "Сибирь" переносилось и на другие несибирские объекты: Сибирский Камень — местное название Уральского хребта; Сибирь — местное название северо-восточной части бывшей Смоленской губернии

¹ И. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032—1882). Иркутск, 1883.

(сюда ссылали крестьян); деревня Сибириячиха в Тамбовской губернии; Сибирский посёлок в Закавказье и т.д. Все эти названия возникли в силу различных обстоятельств. Например, в Киргизии, на Памире есть высокогорное холодное урочище Суок-Чубыр, что по-киргизски значит "холодная Сибирь" (тюрки слово "Сибирь" произносят в виде Чубыр), то есть эта местность по суровости природы напоминает Сибирь.

Таким образом, малозаметное название небольшого урочища на Иртыше, образованное от имени племени, уже исчезнувшего к моменту прихода русских в Сибирь, благодаря русским сохранилось в географии и истории, символизируя собою широту и простор, богатство и красоту, суровость и своеобразие природы, натуру и характер людей — сибиряков.

У русских землепроходцев — первооткрывателей сибирских земель было обычным правилом называть страну или землю по именам, этнонимам проживающего на ней местного населения. Ведь преобладающая часть географической номенклатуры Сибири не русская, и возникла на языке местных народностей и официально оформилась благодаря трудам русских. Так, из учтенных нами 3820 географических названий Прибайкалья и Забайкалья бурятскими являются 2147 названий, русскими — 1132, эвенкийскими — 352 и другими — 189 названий. Из русских фамильными являются 531.

Первые слухи о бурятах доходили до русских, появившихся на берегах Енисея, около 1609 г., когда племена, обитавшие по Енисею и Кану, сообщили русским о "братских людях". С этого времени появилось у русских название "Братская, или Бурятская земля" и стремление поближе узнать ее природу и население. Впервые через бурятские земли от Лены к Ангаре в 1623 г. прошел землепроходец Пенда,

а в 1628 г. отряд Петра Бекетова, благополучно преодолев ангарские пороги, вступил в контакт с бурятами Приангарья. Так была открыта дорога в Бурятскую землю и в 1631 г. возник первый русский острог возле бурятских кочевий — Братский, ныне город Братск, затем остроги Верхоленский Братский, Братский Булаганский (Балаганский). Также появились первые официальные (этнонимического происхождения) географические названия в Восточной Сибири: Мангазейская земля, Саянская земля, Тубинская, Асанская, Качинская, Койбальская, Яренская, Камасинская, Сагайская, Бельтирская, Даурская, Мунгальская, Сойотская, Яковская (Якутская) и другие земли.

Бурятские географические названия имеют обширный ареал: от среднего течения Уды, частично Бирюсы на западе, до Аргуни и Шилки на востоке, от районов Братска, Киренги и Северного Байкала до государственной границы на юге. На этой территории бурятские топонимы преобладают в степных и лесостепных районах, по лугово-степным долинам рек.

На территории Бурятии многие более или менее крупные реки и регионы носят названия, происшедшие от родоплеменных наименований, засвидетельствованных еще в источниках XIII—XIV вв.: баргут, тункаит, удаит, керait, наймангут, урянхай, икерис, булагачин, керэмучин, хори, бурят, улет, тунгут, харанут, шаранут, онгут, карлук, доба и т.д. Родовые имена бурятских племен хори, эхиритов и булагатов почти без изменения закреплены за названиями регионов, в которых эти роды проживали: галзут, гушат, шарайт, саган, худай, бодонгут и другие хоринские роды; абзай, шоно, олзон, бяндчай, хамнай, борсо (эхириты); алагуй, бозо, готол, энгут (янгут), ир-

хидей, онгой, олой, хархуд, шаралдай, ноед, барай (булагаты); бадархан, болдой, бурутхан, тэртэй (хонгодоры). Имена других родоплеменных группировок, присоединившихся к основным бурятским племенам, также закреплены в топонимах: Шарануд, Хутесхо, Хабарнут, Икинат, Зунги, Дархат, Манжарук(Манжаураг), Бухэд, Муры, Олзой, Сартол, Зунгар, Хурумша, Сэгэнут, Ноед, Нохой (Нохойураг), Иркит, Тэртэ, Долонгут и другие¹. Эти названия относятся к более или менее крупным поселениям (улусам).

Многие топонимы происходят от наименований более мелких родовых подразделений, появившихся в позднее время, что сказалось на микротопонимии населенных пунктов.

В топонимии Бурятии сохранились имена других племен, в разное время проживавших здесь: соянов – Саяны, Саянтуй, сойотов – улус Сойоты, село Сайгуты, тубинцев (тувинцев) – река и село Туба, киргизов (хакасов) – улус Хиргиз.

Некоторые роды образовали одноименные улусы, разбросанные в разных местах, на далеком расстоянии друг от друга. Например, потомки рода муры образовали улусы Муры в долинах Осы, Ангары, Унги, в Забайкалье – в долине Джиды; от имени рода тэртэ – в Тункинской впадине и Тыреть в долине Унги; Сэгэнут в Верхоленье и Кударинской степи и т.д. Переселения, передвижения, имевшие место среди некоторой части бурятских племен в XII–XIII вв., явились причиной рассредоточения родовых группировок, что и обусловило возникновение топонимов от этнонимов в разных местах. Переселяясь с одного места

¹ См.: С.П.Б а л д а е в. Избранное. Улан-Удэ, 1961, с. 129.

на другое, даже небольшая часть, несколько семей того или иного рода "везет" с собой имя рода и на новом месте возникает селение с этим родовым названием, например, улусы Ашаабат в устье реки Голоустной, Гучит в Эхирит-Булагатском районе, Хынгыдыр в Кударе и т.д.

Устойчивость этнонимических топонимов видна также из следующего факта: на территории Якутии, по долинам Лены, близ устья Алдана, Вилюя и Олекмы, проживают потомки хоринцев, в настоящее время почти полностью ассимилированные якутами, но их племенное название сохранилось в топонимии. Так, в 1855 г. на карте улусных и наследных земель Якутского округа значилось три Хоринских наслега, наслег П Одейской, или Хоро-Одей. Хоринцы переселились сюда из Прибайкалья вместе с якутами в XI-XII вв. или несколько позже. Имеются сведения, что хоринцы до 1867 г. говорили на бурятском языке. В местах расселения хоринцев имеются топонимы на бурятском языке: урочища Арбын, Дабан, озера Хоро, Далай, Кулан, Харбан, Бу(а)лаган и т.д.

В бурятской микротопонимии, в названиях небольших урочищ и речных долин, мелких населенных пунктов большое распространение в прошлом имели топонимы, происшедшие от этнонимов, которые во многих случаях сохранились в современной топонимии. Это объясняется родовыми отношениями охотников-рыболовов, кочевников-скотоводов, у которых территория пастбищ, охотничьих и рыболовных угодий находилась во владении рода. Поэтому родоплеменные наименования перешли и закрепились за географическими регионами и объектами. Поэтому у бурят была хорошо детализированная микротопонимия местностей.

Имеющиеся источники по этнической генеалогии

бурят (современные и прошлых лет) позволили нам выявить 223 родоплеменных группировки и их соответствующие наименования. Сюда вошли как основные, коренные роды (янаа или эсэгэ), так и их ответвления (чаллаа, ураг, үе) и примкнувшие (из бусхулов). Так, из 223 бурятских этнонимов в топонимы перешли 149, то есть более половины. Это главным образом названия бурятских улусов и их подразделений по родовым группировкам, а также названия долин небольших рек и урочищ.

В указанное число этнонимов, кроме II основных хоринских родов, не вошли названия еще более мелких родовых подразделений хоринцев. Известно, что в прошлом веке хоринцы образовали 68 родовых управлений, имеющих названия по своим патронимиям. Вопрос о генеалогии хоринских бурят на базе богатого фактического материала: родословных таблиц, летописей хоринских бурят, материалов диалектологических экспедиций — обстоятельно рассмотрен Ц.Б.Цыдендамбаевым¹. Им выявлено у хоринцев 70 костей или кукуров (хухуур).

Кукуры — это ответвления II хоринских родов. Они "получили свои наименования по именам сыновей главы рода, независимо от того, являлись родными или чужеродными"². Многие названия кукуров также являются наименованиями местностей, улусов (айлов). Таким образом, и здесь наблюдаем своеобразный переход: антропоним — этноним — топоним.

В ХУП—ХУШ вв. в русских официальных докумен-

¹ См.: Ц.Б.Цыдендамбаев. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1972.

² Там же, с. 85.

так фигурировали родовые наименования бурят: очеул, тутур, кулен, происшедшие от названий озера Очеул и рек Верхоленского бассейна Тутуры, Куленги. А некоторые бурятские родовые группы именовались по местожительству — илимские, киренские, илгинские. Среди селенгинских бурят существовали подгорный, сборный, селенгинско-харанутские роды. Таким образом, не только родоплеменные наименования переходят в топонимы, но и последние становились собирательным наименованием определенной группы бурят.

Перевод антропонимов в топонимы, появление личноименных географических названий — явление также распространенное. В капиталистическом обществе личноименные топонимы были связаны с именами крупных собственников, владельцев обширных земельных угодий или производственных очагов с населенными пунктами и символизировали власть частной собственности на средства производства. Например, развивавшиеся капиталистические отношения в дореволюционном бурятском обществе сопровождались появлением таких личноименных названий местностей, как Батаровская роща — большое лесное урочище в Аларе, Пирожковское поле — обширные пахотные угодья в Бохане, Худунская Гора и река Худун, где было месторождение слюды в Забайкалье, Матхановский улус или Бажеевская деревня в Аларском ведомстве и другие — все были названы по личным именам бурятских капиталистов, меценатов и нойонов, во владении которых находились указанные географические объекты.

В социалистическом обществе нет условий для появления личноименных географических названий на указанной основе. Но в нашей стране возникли благоприятные условия для развития группы мемориальных географических названий в честь выдающихся ис-

торических личностей — политических и государственных деятелей, ученых, путешественников и деятелей культуры: город Бабушкин, село Истомино, урочище Карлово-Поле, вулканы Кропоткина, Обручева, село Ранжурово, поселок Серов, город Черский и т.д. Благодаря ленинской национальной политике в Советском Союзе образовано много национальных автономий — республики, области и округа с этническими наименованиями, то есть именами коренного населения края. При этом только в советское время восстановлены истинные самоназвания некоторых народностей вместо прежних унижительных прозвищ: самоеды, остяки, вогулы, урянхи, тунгусы, карагасы и т.п. Соответственно тогда были введены названия Урянхайский край, Карагасия, Тунгуска и т.д.

Переход антропонимов и этнонимов в топонимы широко наблюдается и в языках других народов, например, тюркоязычных. Так, на этнической карте Хакасии можно встретить множество названий родоплеменных групп, которые в наше время консолидировались в единую нацию — хакасы в составе Хакасской автономной области: качинцы, сагайцы, койбалы, маторы, тубинцы, тины, бирюсы, арины, ойраты, шары, сохы, кыргызы, шуши, ачины и другие. Но имена их запечатлены в топонимии местностей, в которых то или иное племя обитало в прошлом, еще находясь за пределами современной территории Хакасии: реки и села Кача, Бирюса, Туба, Арейское, Моторское, Сагайское, Койбалов (улус), Тинск, Ойрот-Тура (Горно-Алтайск), Шория, Киргизия, Шушь (Шушенское), Ачинск и другие.

Приведенные топо- и этнонимические связи свидетельствуют о прошлом географическом расселении и перемещении предков названных выше родоплеменных

групп хакасов. То же самое можно сказать о некоторых этнических группах современного населения Тувы: тумат – этническая группа тувинцев, насчитывающая, согласно Н.А.Сердобову¹, 165 семей, – упоминалась еще в трудах Рашид-ад-дина, как племя, обитавшее в Восьмиречье², близко к Баргуджин-Тукуму (Прибайкалье), или хори-туматы (Тумаш-Тайга хребет в Туве); соян (653 семьи) – Саянский хребет, Саянск, Саян и другие – в Предсаянье (очевидно, сояны Тувы переселились сюда из-за Саян); кыргыс (1462 семьи) – Кыргыз-Нур, кыргызский род хакасов, Киргизия; иргит (824 семьи) – самодийское племя, встречающееся в виде рода среди тюркских, монгольских, бурятских, самодийских племен; чооуду (402 семьи) – тофаларский род; тюлюш – среди алтайцев и т.д.

В топонимии юга Восточной Сибири можно встретить географические названия даже по имени былинных народных героев, например, Гэсэра (тюркское произношение Косер). Поэма "Абай Гэсэр" создана из народных версий в середине XI в., а события, повествуемые в ней, происходили еще раньше. Еще на картах дореволюционного издания фигурируют названия: река Косер, правый приток Алаша (Кемчик-Енисей), перевал Гэсэрхан-дабан в Западном Саяне, снежная вершина Косер-дабага в Саянском хребте, перевал Косер-даба на хребте Чулышман.

¹ См.: Н.А.Сердобов. Современное население носителей тувинских этнонимов. – "Уч. зап. ТНИИЯЛИ", вып. XIV. Кызыл, 1970, с. 70.

² Под Восьмиречьем мы подразумеваем не Приангарье, как это утверждается в кн.: "История Бурят-Монгольской АССР" (Улан-Удэ, 1951, с. 62), а Среднеенисейский край (район выше от места слияния Енисея и Ангары до Саян).

Также можно встретить на современных картах названия, связанные с именем Чингис-хана: вал Чингис-хана — широкий земляной вал с рвом, протянувшийся из Монголии в Приаргунье по линии Забайкальск — Абагатуй — Кайластуй. Происхождение этого вала связывают с именем Чингис-хана. Под этим наименованием вал помечен и на современных картах Читинской области. О происхождении и возрасте этого вала до сих пор в истории нет ясности. Когда и при каких обстоятельствах возникло это название, также неясно. Вообще в Забайкалье много географических названий, происхождение которых приписывают различным невероятным, легендарным событиям или обстоятельствам, связанным с военными походами Чингис-хана. Например, вершина, гора Душа-Хада на левом берегу р.Чикоя недалеко от Кяхтинского тракта (душэ 'наковальня', хада 'гора', то есть горанаковальня) резко выступает над окружающей местностью и имеет плоскую поверхность. Издали по очертанию она действительно напоминает наковальню. На этой основе возникла легенда о том, что на этой горе Чингис-хан подковал свою лошадь.

Наконец, приведем некоторые цифровые данные о топонимии, этно- и антропонимии населенных пунктов Усть-Ордынского национального округа: всего названий 400, из них бурятских — 238, русских — 152 и других — 10. Из числа бурятских 57 названий имеют происхождение от этнонимов и 33 — от патронимов.

Таким образом, топонимия тесно связана с этнонимией и антропонимией. Имеет место обратная связь: этнонимы возникают от топонимов. Это одна из закономерностей в топонимике. Эти связи обусловлены не только, как сказано выше, социальными причинами, но и языковыми законами. Понятия "топонимии"

мия" и "этнонимия" взаимосвязаны, так как составляют в словарном фонде языка особую, близкую по происхождению, назначению и законам словообразования лексическую группу - собственные имена.

А.Г.Митрошкина

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИСКОННО БУРЯТСКИХ
ЛИЧНЫХ ИМЕН И СЕМАНТИКА ИХ АПЕЛЛЯТИВОВ

О природе собственных имен и их значении написано много научных трудов философами, логиками и лингвистами. Однако общепринятой концепции имени собственного пока не существует, что во многом объясняется различием исходных положений и методов их создателей, а также тем, что поиски велись порой в диаметрально противоположных направлениях. Отсюда существование попарно противоположных теорий, основанных на связи имени с понятием и именуемым объектом¹.

Одну из главных причин, обуславливающих многообразие близких и противоположных по своей сути дефиниций собственных имен в отличие от нарицательных, представляет собой следствие того, что "всякая конкретная вещь, всякое конкретное нечто стоит в различных и часто противоречивых отношениях ко всему остальному, ergo*, бывает самим собой и другим"². Классы собственных и нарицательных имен отражают это диалектическое единство общего и частного.

¹ См.: А.В.С у п е р а н с к а я. Общая теория имени собственного. М., "Наука", 1973, с. 88.

² В.И.Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 29, с. 124.

Думается, что в изучении их общих и отличительных черт следует опираться на следующие понятия и принципы: а) инвариант и вариант¹ как основа номинаций класса однородных и конкретных предметов; б) принцип бинарности² в системе лексики; в) язык как самонастраивающаяся система³; г) принцип исторического подхода к процессу образования и функционирования собственных имен.

Инвариант и вариант представляют собой две характеристики предмета и явления, входящего в некоторый класс. Свойство инвариантности характеризует то общее, что есть у данного единичного предмета с другими ему подобными. Вариантность характеризует то особенное, что есть только у данного предмета в отличие от других ему подобных, с которыми он связан через свои инвариантные свойства. Инвариантные свойства предмета представляют собой основу конструирования идеального предмета, в котором сняты варианты черты⁴. "Выделяя инвариант большой группы объектов, мы приходим к абстракции — собирательному понятию, охватывающему всю группу в

¹ См.: С.В.И л л а р и о н о в. Гносеологическая функция принципа инвариантности. — "Вопросы философии", 1968, № 12, с. 89-95; В.М.С о л н ц е в. Язык как системно-структурное образование. М., "Наука", 1971, с. 34, 211-213, 217-218.

² См.: Т.П.Л о м т е в. Метод бинарности семантического анализа в логике и лингвистике. — В кн.: Проблема значения в лингвистике и логике. М., Изд-во Моск. ун-та, 1963, с. 35-39.

³ См.: Г.П.М е л ь н и к о в. Системная лингвистика и ее отношение к структурной. — "Проблемы языкознания. Докл. и сообщ. сов. учен. на X междунар. конгрессе лингвистов". М., "Наука", 1967, с. 98-102.

⁴ См.: В.М.С о л н ц е в. Указ. соч., с. 217.

целом"¹.

Инвариантные, абстрактные предметы находят обозначения в системе нарицательных имен (апеллятивов), например, человек, животное, река, гора и т.д. Эти же слова обозначают и отдельно взятые предметы или явления одного и того же ряда. В связи с этим представляется, что метод бинарности семантического анализа имеет большую перспективу в ономастике. Суть этого метода, как известно, сводится к следующему: слову-имени приписывается значение, которое оно выражает, и объект, который оно именует². Следовательно, слово имеет две функции: обозначение абстрактного предмета (инвариант, понятие) и именование конкретного предмета в ряду однородных. Причем первичное содержание плана выражения нарицательных имен — это понятие (инвариант), а другие компоненты, как то: уменьшительно-ласкательные, пренебрежительные и т.п. — это наслонения следующего порядка.

В отличие от нарицательных собственные имена представляют в языке вторичные образования. Они обозначают конкретный предмет в ряду однородных, обозначая варианты признаки. Причем эти варианты признаки обозначаются нарицательными именами. А последние уже образованы на базе инвариантных признаков предметов совершенно другого ряда. Например: нарицательное имя сэсэг 'цветок' в функции личного имени теряет связь с инвариантом "цветок" и относится к конкретному предмету (человеку) с совершенно другим инвариантом.

Слово улаан 'красный' образовано на основе

¹ С.В.И л л а р и о н о в. Указ. соч., с. 91.

² См.: Т.П.Л о м т е в. Указ. соч., с. 35.

инварианта вариантов цветов радуги, начиная от розового до коричневого^I. В собственном имени Улаан (хада) 'красная (гора)' это слово обозначает свой вариант в рядах предметов — географических объектов, людей. Прилагательное начинает обозначать предмет. Следствием такого именования является то, что один и тот же предмет именуется двумя инвариантными словами (носители языка слова типа Улаан в функции собственного имени соотносят именно с понятием (то есть инвариантом). Возникает, таким образом, "столкновение" двух инвариантных слов в обозначении вариантного признака и индивидуального признака (человек и Красный).

Но индивидуальное явление, предмет, войдя однажды своим основным, индивидуальным признаком в один из классов предметов как их вариант, не может мыслиться в ряду других объектов с другими инвариантами. Поэтому слово в функции собственного имени претерпевает "разрушение" в плане содержания. А поскольку вариантных признаков в предметах множество и выявление их зачастую субъективно, то они повторяются от предмета к предмету.

Так, слово улаан 'красный' может выполнять функцию собственного имени в ряду человеческого общества, животных, географических объектов. Поскольку эти названия с одним и тем же звукокомплексом относятся к объектам, мысли о которых строятся на основе разных инвариантов (понятий), то они должны рассматриваться как омонимичные между собой. В ряду же однородных объектов повторяющееся слово улаан — это одно и то же имя с разной предметной

^I См.: "Толковый словарь русского языка", т. I. Под ред. Д.Н.Ушакова. М., ОГИЗ, 1935.

соотнесенностью. Утрата понятийного объема апеллятивами делает систему собственных имен максимально открытой, при которой массовые заимствования не угрожают их дифференцирующей способности.

Образование собственных имен от нарицательных путем изменения плана содержания последних является одним из примеров самонастраивания системы языка¹. Так в общем плане, на наш взгляд, разрешаются причинно-следственные отношения между обозначаемыми предметами и их названиями: экстралингвистическая первопричина необходимости в именовании отдельных предметов ведет к утрате понятийного объема значения и усилению предметной соотнесенности апеллятивов. Имена прилагательные, а также числительные эту предметную соотнесенность обретают вновь. Изменение плана содержания апеллятивов ведет к тому, что предметную соотнесенность собственного имени невозможно уяснить, не относя его к определенному ономастическому полю либо посредством терминов, либо сигналом (контекстом)².

Однако взаимодействие собственных имен (антропонимов) с соответствующими апеллятивами носит более сложный характер, чем показано выше. Уяснить особенности этого взаимодействия можно только с учетом исторических условий становления имен собственных на базе исконных языковых средств.

Выбор родителями имени для ребенка в условиях господства религиозных верований, в частности шаманства, например, у предков современных бурят, был обусловлен следующими мотивами: а) необходи-

¹ См.: Г. П. М е л ь н и к о в. Указ. соч., с. 98-102.

² См.: В. И. Б о л о т о в. К вопросу о значении имен собственных. — В кн.: Восточно-славянская ономастика. М., "Наука", 1972, с. 336-338.

мостью именовать; б) желанием именовать ребенка словом с положительной семантикой; в) верой в охранительную силу имени; г) желанием именовать своих детей однотипными, созвучными словами. На пересечении всех этих и других мотивов рождается личное имя.

Семантика апеллятивов имела принципиальное значение для религиозного человека, а также в семьях, где часто умирали дети. У бурят было принято давать ребенку имя неавторитетного в улусе человека или устрашающие имена типа Буудагай от буудаха 'стрелять' + -гай суффикс, обозначающий, что признак, означенный основой, является постоянным. Имена типа Тоттохо < тоттохо 'останется (жить)' считались своего рода силой, обеспечивающей человеку жизнь. Имена по названиям животных, видимо, имели функцию уподобления ребенка названному животным.

Все эти и подобные им примеры приводят к выводу о том, что в прошлом имена имели не только функцию выделения и введения в ряд. В историческом плане они должны рассматриваться наряду с религиозными обрядами. Имена, конечно, резко отличаются от обрядов. Но Д.К.Зеления совершенно правильно требовал "искать этот сравнительный материал не по линии внешнего сходства действий, а по линии единства функции обрядов"¹. Сближение охранительных имен с этнографией народов повышает научную ценность описания системы этимонов личных имен. В связи с этим ниже нами приведены наиболее частотные имена с указанием их апеллятивов.

¹ Д.К.Зеления. Истолкование пережиточных религиозных обрядов. - "Сев. этногр.", 1934, № 5, с. 7.

Интерес представляют личные имена, образованные от имен числительных, которые являются излюбленными в отдельных семьях. Причем значения числовых апеллятивов весьма устойчивы.

Например, в одной семье из Агинского национального округа дети носят имена, происходящие от числительных: Зургаадай (от зургаан 'шесть' + суффикс **-дай**), второго сына зовут Долоодой (от долоон 'семь'), третьего — Жарантай (жаран 'шестьдесят' + **-тай** — форма совместного падежа), четвертого сына — Няянтай 'имеющий восемьдесят'^I. Первого сына называли Зургадаем, потому что он имел шесть пальцев на ноге и являлся шестым по счету среди детей семьи. А остальные числовые имена связаны с возрастом родителя к моменту рождения ребенка. Кроме того, числовые имена вводят, видимо, в один ряд детей одной семьи. Но этот мотив выбора имени весьма редок.

В верховьях реки Лены нами записаны имена Табьнай (от табин 'пятьдесят' + **-ай** — окончание родительного падежа), Ёрной (от ёрон 'шестьдесят' + **-ой**).

Имена приведенного типа резко отличаются от современных "говорящих" имен, например, монгольских: Ожун Чимег 'мудрое', 'талантливое украшение', Энх Баяр 'спокойная (благополучная) радость' и других. Подобные современные "говорящие" имена отражают высокий культурный уровень народа. "Говорящие" имена, как традиционные, так и современные (с точки зрения образования), при своем функциониро-

^I Примеры записаны студенткой бурятского отделения Иркутского государственного университета им. А.А.Жданова М.Санжаевой.

вании нуждаются в сигналах (контекстах).

Однако эти сигналы достаточны не для всех времен и эпох. Так, в примере Нохой гарынь долбо-гоо 'Нохой (человек или собака) лизнул(а) руку его' слово **НОХОЙ** можно принять за обозначение собаки или за имя человека, так как в дореволюционное время лакеи могли лизать руку барину, а в наше время можно говорить "лизнул" при пренебрежительно-брезгливом отношении к человеку. Видимо, в таких случаях сигналом является более объемный исторический контекст и эмоциональный подтекст (сигнал).

Значительные семантические изменения претерпевают и морфемы апеллятивов в составе личных имен, о чем будет сказано ниже.

Приведенный материал имеет цель способствовать накоплению морфологического инвентаря бурятской антропонимии, так как ее углубленное изучение возможно только при наличии значительного объема фактов.

С точки зрения морфологической структуры бурятские собственные имена можно разделить на три группы: 1) первичные основы слов, 2) производные основы слов и 3) составные имена.

К первичным основам слов в качестве собственных имен мы относим имена следующего типа (апеллятивное значение имен дается в скобках в виде перевода): Бардам (чванный, расточительный), Габа (цель), Зоодой (ерш, карась), Илэ (ясный), Муу (плохой), Номо (лук), Няя (ребенок), Сууха (мочевой пузырь), Сэсэг (цветок), Тарьян (хлеб), Тугал (теленок), Тэхэ (козел), Хаяба (ср. тюрк. кап 'мешок', 'сумка')^I, Хула (саврасый), Хулгана (мышь),

^I См. В.В.Р а д л о в. Опыт словаря тюркских наречий, т. II, кн. I, стр. 400. М., 1964.

дямган (жена), Шара (желтый), Шоно (волк), Шулуун (камень), Эмэ (самка), Ярбаахай (птинец).

Приведенные примеры отнесены к разряду производных первичных основ без учета мертвых корней. Так, слово габа, видимо, в историческом плане разложимо на га- + -ба (ср. га- + -н 'третина', 'даль'). Подобные имена непроеводны в том смысле, что они не принимают антропонимических суффиксов.

Значительная часть собственных имен — это производные имена, образованные путем суффиксации. Образование личных имен, естественно, основано на словообразовательной системе бурятского языка; используются те же материальные элементы со значительным совпадением типов дистрибуции корня с теми или иными суффиксами в семантическом и фонетическом плане. Однако во многих случаях возможности сочетания суффиксов с корнями в собственных именах гораздо шире, чем в системе языка. Так, если первичная основа может сочетаться с суффиксами -хай (тура + -хай 'голодный'), -хай (тура- + -хай- + -шаг 'суховатый', 'довольно тощий'), то невозможно образовать слово тура- + -хай по образцу собственного имени Тураахай. Аналогичны примеры личных имен Улаахай (от улаан 'красный'), Малаахай (от малаан 'лысый'), Зугаахай (от зугаан 'разговор', 'беседа') и других. Сочетания в разговорной речи типа малаахай болгохо 'сделать голым' (путем острижения дороги) образовались, видимо, на основе собственных имен.

Более того, приведенные ниже материалы свидетельствуют о том, что план содержания морфем резко изменяется при конвергенции нарицательных имен в разряд собственных. Так, например, форма родительного падежа апеллятивов -ай в системе личных имен

функционирует как словообразовательный суффикс. Например: Хорёдой (хор(ин) 'двадцать' + -ёод - суффикс собирательности + -ой - форма род. пад.), Ёрной (ёрон 'шестьдесят' + -ой - форма род. пад.), Мангадай (мангад 'русский' + -ай - форма род. пад.).

Такой же процесс претерпевает и суффикс будущего времени причастия -жа (-хо, -хэ): Тогтохо (тогтохо 'остаться' (жить)). Аналогичное явление происходит и с уменьшительно-ласкательным суффиксом -дай (-дой, -дэй): Нюргадай (нюрга(н) 'спинка' + -дай).

Результат субстантивации указанных производных (суффиксальных) основ обнаруживается при функционировании их в речи, где они принимают различные грамматические формы. Иными словами, в системе личных имен они вновь получают грамматическую форму по законам согласования слов бурятского языка. Например, Нюргадай + -н хубуун 'сын Нюргадая'.

Таким образом, словообразовательные суффиксы, а также падежные и глагольные формы в системе личных имен выступают в новых функциях, как морфемы, образующие антропонимы. Такому изменению функции суффиксов способствует наличие у них общего значения признака, который ложится в основу номинации, так как название, как известно, - это какой-нибудь бросающийся в глаза признак.

Приводим наиболее распространенные суффиксы образования личных имен по семантическим группам.

Уменьшительно-ласкательные суффиксы

1. -хан (-хон, -хэн, -хөн): Борхон 'серенький' (от боро 'серый'), Бутуухэн (бутуу, 'молчаливый'), Гунахан (гуна(н) 'трехгодовалый' - о самцах круп-

ных домашних животных, а также крупных зверей), Өбөөхэн или Үбөөхэнг (ср. лит. бур. нубее 'бок', 'два нижних ребра'), Халюухан (халю(н) 'выдра'; 'игренивый'), Шархан^I 'желтенький' (шара 'желтый').

2. -хай (-хой, -хэй): Зугаахай (от зугаа 'разговор', 'беседа', 'гулянье'), Нойхой или Нойхой (ноён 'князь', 'чиновник', 'начальник'), Орбоохой (ср. орбо- + -гор 'взъерошенный', 'лохматый'), Хунхөө (ср. хун- + -хэ- + -гэр 'хмурый', 'мрачный', 'угрюмый').

3. -дай, (-дой, -дэй): Бухадай (от буха 'бык'), Малдай (мал 'скот'), Морхоодой (ср. морхо- + -гор 'горбатый' - о носе, в отличие от морхо- + -он или морхоо- + -сээ 'носатый'; 'с большим носом'), Нюргадай (нюрган 'спина'), Солдой (соло 'слава'; 'известность'), Хубдай (хуба 'янтарь').

Суффикс -дай (-дой, -дэй) не присоединяется к именным основам с конечными зубными взрывными д, т, зубными фрикативными з, с. Так, удалось обнаружить не сочетание типа Битдай (бит- + -дай), а Битхан (бит- + -хан), Ноосхон, но не Ноосдой или Ноосстой. Вместе с тем возможна параллельная агглютинация -хан и -дай к первичным основам с конечными гласными и фрикативными согласными, за исключением з и с для -дай: Үбөөдэй (от үбөө), Өбөөхэн или Үбөөхэн от (өбөө, ср. нубее 'бок', 'два нижних ребра'), Шархан и Шардай (от шар(а) 'желтый'). Примеры показывают, что суффикс -хан (-хон, -хэн, -хен) может присоединяться к любой основе, тогда как -дай ограничен фонетическим обликом конца первичной основы, корня. Фонетические возможности суффикса -хан и его вариантов обуславливают его активность

^I Конечный краткий гласный первичной основы перед суффиксом -ханг (-хонг, -хэнг, -хэнг) часто редуцируется и выпадает.

■ продуктивность в современном бурятском языке.

Как видно, невозможность агглютинации **-дай** к указанным конечным согласным корня обусловлена явлением диссимиляции (после **д, т** — по способу образования, после **з, с** — по месту артикуляции).

4. **-най** (**-ной, -нэй**). Наряду с суффиксом **-дай** в языке верхоленских бурят бытует суффикс **-най**, например: **ахнай** (от **аха** 'старший брат') вместо **ахадай** 'братишка' в других западнобурятских говорах.

Суффикс **-най** (**-ной, -нээ** — разговорный вариант) в системе собственных имен присоединяется к первичной основе как с конечным гласным, так и с согласным: **Баанай** (от **баа(н)** 'принуждение'), **Буднай** (ср. **бута** 'муравейник'), **Галнай** (**гал** 'огонь'), **Буханай** (**буха**^I 'бык'), **Нуганай** (**нуга** 'улус'), **Шарнай** (**шара** 'желтый'), **Эмэнээ** (**эмэ** 'женщина'), **Эшэгэнээ** (**эшэгэ(н)** 'козленок').

5. **-дии**. Имена с суффиксом **-дии** носят как женщины, так и мужчины: **Буудии**, **Будии**, **Хөхөдии** (**хөхө** 'сосать'). Имя **Мороодии** — мужское (ср. **бороо(н)** 'дождь'), **Һэнгэдии** — женское (от **һэн** — звукоподражание). Думается, что **-дии** соотносительен суффиксу **-дай**. Коррелятивность их обнаруживается в следующем. Зап.-бур. **ахадай** 'братишка'; 'парень'; 'кавалер' (от **аха** 'старший брат'), **качуг. хая-** + **-дии** 'старшая сестра', 'тетушка', видимо, образовались от **аха-** + **-дии** → **хая-** + **-дии**. Из примеров видно, что суффикс **-дай** означает старшего мужчину, а **-дии** — старшую женщину. Если в говоре аларских

^I О некоторых примерах смешения губных **б, м** см.: А.Г.М и т р о ш к и н а. О некоторых фонетических особенностях говора качугских бурят. — "Сб. тр. по филологии", вып. 3. Улан-Удэ, 1958, с. 290-291.

бурят ахадай означает 'тетушка', 'старшая сестра', 'жена старшего брата', то это свидетельствует о расширении употребления -дай и выпадении в этом говоре -днн.

6. -га, -гай (-гой, -гээ). Рамстедт указывает, что суффикс -гай обычно имеет уменьшительное значение¹. Например: Ангай (от ан 'зверь'), Урбагай (ср. урба- + -гай 'выпяченный', 'вывернутый' - о губах), Яртага (ср. яртагар от ярта, лит. бур. жарта- + -гар 'с вывернутыми веками', зап.-бур. жарта 'циничный', 'пошлый').

7. -ха (-хо, -хэ). Этимология этого суффикса неясна. В алтаистике высказано несколько мнений: во-первых, его сближают с уменьшительным суффиксом -хан (-хэн), во-вторых, он возводится к тюркскому аке, употребляющемуся по отношению к старшим: ата (ата + -акэ 'отец', 'папа'), в-третьих, для некоторых тюркских языков его считают славянским заимствованием².

Сближение -ха (-хо, -хэ) с уменьшительным суффиксом -хан (-хон, -хэн) не подтверждается нашим материалом. Если предположить, что в суффиксе -хан и его вариантах выпал конечный заднеязычный -н, то необъяснимо его бытование в современном бурятском языке. Например, сэбэрхэн 'чистенький', 'прекрасенький' арюхан 'чистенький', 'опрятненький', улаахан 'красненький', но не сэбэрхэ, арюха, улааха.

¹ См.: Г. И. Р а м с т е д т. Введение в алтайское языкознание. М., Изд-во иностр. лит., 1957, с. 184-185.

² См.: В. К о т в и ч. Исследование по алтайским языкам. М., Изд-во иностр. лит., с. 103-104, с. 356, сноска 18.

Сближение -ха с тюркским аке не убедительно, так как значение последнего не согласуется с уменьшительностью.

В современном казахском языке в собственных именах бытует созвучный суффикс -еке, употребляющийся как вежливая форма при обращении к старшим: Корабай (Кор- + -еке), Кусаин (Кус- + -еке). Из примеров видно, что -еке присоединяется к усеченной основе имени и при этом гласные элементы его не подчиняются закону сингармонизма, что, возможно, свидетельствует о том, что -еке в своем прошлом было знаменательным словом.

Как видно, уменьшительно-ласкательные суффиксы реализуют свои значения в связи с образованием имени, то есть выполняют сразу две функции.

Суффиксы основ, указывающих на внешность человека

1. -гар (-гор, -гэр) по существу образует субстантивные прилагательные. Гадагар (гада- + -гар 'с выпяченной грудью'), Мантагар (манта- + -гар 'большоголовый'), Минтагар (минта- + -гар 'низенький', 'приземистый'), Тэжэгэр (тэжэ- + -гэр 'толстый', 'тучный', 'с большим животом'), Хонгор (ср. хонгор бэе 'привлекательный', 'молодой'), Хондогор (ср. хондогор хандыгар гэхэ 'идти, подпрыгивая').

2. -аа (-оо, -ээ, -еө), -ай (-ой): Бурзаа (ср. бурза- + -гар 'запачканный чем-либо белым'), Буирай (ср. тюрк. буйр 'бок')^I, Дэрхээ (ср. дэрхэ- + -гэр 'большие оттопыренные' - об ушах), Ёхой (от ёхо, ср. ёхо- + -гор или ёрхогор 'долговязый', 'су-

^I См.: В.В.Р а д л о в. Указ. соч., т. IV, кн. 2, стр. 1875.

хопарый' - о человеке), Мадай (ср. мада- + -гар 'прямой', 'несгибающийся' - о человеке), Манхай (ср. манха- + -гар 'одутловатый', 'опухший'), Мархаа (ср. марха- + -гар 'большой', 'картошкой' - о носе), Портоо (ср. тюрк. порт 'ломкий', 'хрупкий')^I, Хөнхөө (ср. качуг. хөнхөгөр, лит. бур.хунхэгэр 'впалый', перен. 'угрюмый', 'хмурый', 'мрачный').

3. -аан (-оон, -уун): Далбаан (ср. далба- + -гар (нюур) 'широкое' - о лице), Долбоон (ср. долбо- + -гор 'толстый' - о губах), Мархуун (см. выше Мархаа), Морхоон (морхоон 'большеносый'), Шарлаан (от шарла-'желтеть', 'иметь желтый вид').

С таким же значением бытует суффикс -шоон: Онъшоон (ср. онъгор 'узкий' - о глазах). Суффикс -аан также встречается в основе имен, указывающих на характер поведения человека: Харбаан (ср. харба-'стрелять из лука'), Шалбаан (шалба-'болтать вздор').

4. -аад: Урбаад или Урбаадай (ср. урба- + -гар 'вывернутый' - о веках), Ыалбаадай (ыалба- + -аад- + -ай, ср. ыалба- + -гар 'пышный', 'распустившийся' - о лепестках цветка). Как видно, гласный конца производной основы в позиции перед долгим гласным суффиксом -аан (-оон, -уун), -аад, -аа (-оо, -ээ, -уу) поглощается последним.

5. -л: Песхел (ср. песхе- + -гер 'пухлый'), Хунхал (хунхал, возможно, родственно слову хунхыха 'иметь понурый вид').

6. -сээ (-сой): Борсой (ср. боро 'серый', 'сивый'), Гэлиисээ (ср. гэлии-'стать гладким'), Туп-

^I См.: В.В.Р а д л о в. Указ. соч., т. IV, кн. 2, стб. 1271.

хэсээ (ср. тэлхэ- + -р 'угловатый' - о лице).

7. -наг: Пирханаг (ср. пирха- + -гар 'приплюснутый'). Также употребляется имя Пирха.

8. -лиг: Ыабаалиг (ср. ыбаа 'разумный', ср. мяха- + -лиг 'мясистый' от миha(н) 'мясо').

9. -г: Хаьаг (ср. хаьа 'мощь', 'сила'), Ыархиг (ср. ыархи- + -гар 'рыхлый', 'пористый', 'дырявый', 'изорванный в клочья').

10. -хшэ (-гша): Эмэхшэ (от эмэ 'женщина', эмэхшэ 'мужчина, напоминающий женщину').

11. -схо, -шоо: Ониисхо, Ониишоо (ср. онии- 'прищуриваться', ср. они- + -гор 'узкий' - о глазах).

12. -ёо: Ыонхёо (ср. ыонхи- + -гор 'несобранный', 'вялый').

13. -мой (-бой): Шодомой и Шодбой (ср. шодо- + -гор 'тонкий и короткий' - о хвосте), Шармай (от шара 'желтый').

14. -гал (-гол) указывает на цвет (масть животных): Боргол (от боро 'серый'), Шаргал (от шара 'желтый').

Сюда же следует отнести суффикс -снээ, например, Эрээснээ (ср. эрээ(н) 'пестрый').

Интересно привести имя с суффиксом -нар: Ухаанар или Хуаанар (от ухаа 'каурый' - о масти лошади), -нар - формант множественного числа в литературном бурятском языке^I.

Следует полагать, что Хуаанар как собственное

^I О форманте -нар см.: Д.А.А лексеев. О некоторых показателях множественности в бурят-монгольском языке. - "Сб. тр. по филологии". Улан-Удэ, изд. БМНИИК, 1948, вып. I; Г.Д.С а н ж е е в. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I. М., Изд-во АН СССР, 1953, с. 132.

Имя образовалось из прозвища, так как слова в форме множественного числа не выступают в роли личных собственных имен.

Суффиксы основ, указывающих на склонности человека

1. -уур (-үүр): Һүүүур (от Һүүе 'с шумом и безостановочно говорить' (неодобрит.), Шарьюур (от шарья 'дребезжать', 'дрожать' — о голосе), Шиигануур 'пискливый' (от шиигана 'пищать').

2. -даг: Зайдаг 'любящий ходить по соседям' (от зай- 'бродить', 'шляться', 'склоняться'), Һалдаг (от Һала- 'отделяться', 'отбиваться').

3. -уу, -ду: Бахаруу (от бахар- 'настаивать на чем-либо' — о вине, лекарстве), Дааруу 'тот, кто быстро мерзнет' (от даар- 'мерзнуть'), Задаруу (от задар- 'раскрываться', 'распускаться' — о цветке), Удуу (от уда- 'медлить', 'мешкать').

4. -ша: Амша 'разговорчивый' [от ама(н) 'рот'], Мууша 'любящий хулить' (от муу 'плохой'), Тарайша 'тот, кто любит заниматься хлебопашеством', 'хлебороб' (от тарай(н) 'пашня').

Ниже приводим суффиксы, значения которых не подводятся под приведенные типы. Однако они семантически близки к предыдущим и образуют лично-собственные имена от существительных, глаголов.

1. -и: Дабин (ср. даби- + -гар 'низенький' (неодобрит.), Олзон (от олзо 'прибыль', 'доход', 'находка'), Тэшэн (от тэшэ, сочетание тэшэ ядаях 'не знать, куда силы приложить'), Үбеен (ср. Һубеэ 'бок'), Шобон (ср. шобо- + -гор 'конусообразный').

2. -ли: Бяли (бяли хаяха 'колдовать'), Һагли (слово Һаг сохранилось в сочетании Һаг Һазрмаг 'ни то ни се').

3. -ла, -ло: Бахла (ср. баха 'желание что-либо сделать'), Погло (ср. пог- + -ли 'в достатке').

4. -дан, -дон: Бугудан (от буга 'изюбрь', 'марал', 'олень'), Пёдон, Сордон, Сайдан - корни этих имен не ясны.

5. -нга (-нгэ): Бурхэнгэ (ср. бурхэ- 'заволаживаться' (облаками), Байнга (ср. бай-'быть'). Имя Байнга в некоторых улусах употребляется в варианте "Байнгуа" как мужское имя. Видимо, суффиксы -нга и -нгуа дифференцировали в свое время женские и мужские имена.

6. -ни: Мууни (от муу 'плохой'), Налууни (от налуу 'беспорядочный', 'запутанный').

7. -мар: Маамар (ср. шадамар 'ловкий', 'умелый'; 'искусный' от шада-'уметь').

8. -маан. Маамаан, Маслмаан (ср. уй- + -маан 'беспорядок', на- + -маан 'времяпрепровождение').

9. -жа: Бужа (бу- + -жа), Галуужа (от галуу(н) 'гусь'), Даньжа (ср. дань- + -ял в сочетании дань-ял шара 'совершенно желтый'), Наяжа (от наа- 'дойти').

10. -жэн (-жэн): Нангажан (от нан 'казна', 'казначейство'), Нэнхээжэн (нэн- + -жэн), ср. гуи- + -жэн 'трехгодовалая' (о самках крупного рогатого скота).

11. -туу: Мээтуу (от мээ), Мантуу 'человек, любящий считать всех своими'.

12. -зай: Абзай (ср. аба 'отец'), Амагзай (ср. змаг в сочетании змаг умэг 'часто поджимать губы').

13. -бал (-маи) восходит, как кажется, к -маи, так как переход м в б мог произойти по фонетическим условиям диссимиляции, например, в имени Матабал (от мата-'гнуть'), но Бюмомол (от диал. бюо-'думать', 'уважать', 'почитать').

Суффиксы основ, выражающие обладание тем,
что выражено корнем

1. -тай, -та (-то, -тэ): Борто (от боро 'серый'), Дэглээтэ (ср. дэглээ, лит. бур. дэглы 'женская накидка, надеваемая на шубу'), Золто (от зол 'удача', 'счастье'), Онто (ср. качуг. оно 'прореха на платье'), Хунтэ 'человеколюб' (от хун 'человек'), Яатай (от диал. яа 'маленький').

Имя Нуртай не следует относить к указанному разряду основ, так как оно, видимо, заимствовано из какого-то тюркского языка, например, в казахском оно образовано от нур- 'свет', 'луч', 'красота' + -тай - уменьшительно-ласкательный суффикс.

2. -хи (-ти), -нти (-нхи). Формант -ти следует считать вариантом суффикса -хи, как результат сильной палатализации х перед гласными переднего ряда. Такое явление наблюдается в некоторых говорах западных бурят, например, арти вм. общемонг. архи 'водка', 'вино', тамтин вм. тамхин 'табак'. Причем суффикс -хи (-ти) агглютинируется к основам с конечными согласными, а -нхи (нти) - к основам с конечным гласным. Например, Ашанти (ср. ааша 'поступок', 'действие'); Доонхи (ср. одоо 'теперь', 'ныне'; в языке ленских бурят употребляется в сочетании одоо явахблээб 'ой, что же делать мне', одоо ерэбэ 'наконец (долгожданный) прибыл'), следовательно, Доонхи можно толковать как 'долгожданный' (ребенок), досл. 'принадлежащий долгожданному времени'; Муунхи (от муу 'плохой'); Шаяжанти (ср. шаажа 'коса').

Имена типа Баанхи, Сээнхи представляют собой русские заимствования (Ванька, Сенька) с изменением

фонетического облика в суффиксальной части по аналогии с указанными именами и потому не разложимы на основу и суффикс.

Рассмотренные материалы по суффиксам личнособственных бурятских имен приводят к следующим выводам.

1. Личные имена с помощью суффиксов образуются от основ слов, принадлежащих к различным частям речи (существительным, прилагательным, числительным, глаголам и др.).

2. Такие имена указывают на внешние признаки человека, его характер и склонности, принадлежность или обладание тем, что выражено в основе. Значительная часть слов в роли собственных имен имеет уменьшительно-ласкательное значение. Видимо, бурятские имена приведенных типов некогда были прозвищами людей в соответствии с их резко бросающимися в глаза признаками. В дальнейшем же в связи с обычаем нэрэ өхө "давать имя (ребенку)" прозвища стали осмысливаться как собственные личные имена. От этих имен следует отличать эвфемизмы, имевшие место до недавнего времени, о чем речь будет идти ниже.

3. Агглютинация тех или иных суффиксов к основам дифференцирована в соответствии с их значением и фонетическим обликом конечных звуков основы (ср. суффиксы -хан (-хон, -хэн) и -дай). Параллельное бытование различных суффиксов, например, -дай, -най, с одинаковыми значениями и в аналогичных фонетических условиях конца предшествующей основы есть результат фонетических соответствий (например, д//н) в этих суффиксах в условиях различных бурятских говоров.

4. Суффиксальные образования собственных имен отличаются от словообразовательной системы бурятского языка, в частности более широкими возможно-

стями дистрибутивного порядка. К примеру, с помощью суффикса -дай, -най в бурятском языке не образуются имена существительные от прилагательных, тогда как собственные имена вполне могут быть образованы (Урабдай, ср. урба- + -гар 'вывернутый' - о веках, см. также ахадай). Пример показывает, что суффиксы собственных имен полисемантичны, так как многие из них имеют, например, значение уменьшительно-ласкательности и в связи с этим субстантивируют другие части речи (в частности, происходит субстантивация прилагательного).

К составным относятся имена, состоящие из двух слов: Шара тэхэ (шара 'желтый', тэхэ 'козел'), Шара нохой (желтая собака), Шоно загал (похожий на волка), Хара нохой (черная собака), Эмэ нохой (сука), Муу изии (плохая баба), Хара хубуун (черный мальчик). Имена с компонентом хубуун 'мальчик' нередко носят женщины, а имена с изии 'женщина', 'баба' - мужчины.

Значения производящих основ приведены выше. Однако многие собственные имена западных бурят представляют собой перенос нарицательных имен в разряд собственных без изменения плана выражения. Ниже перечислим некоторые имена по отдельным семантическим группам их апеллятивов.

И м е н а , о б р а з о в а н н ы е о т н а з в а н и й д о м а ш н и х и д и к и х ж и в о т н ы х и р а с т е н и й. Мужские: Адуун ('табун', 'косяк', 'стадо' (лошадей), Баха (лягушка), Боохолдой (медведь), Гахай ('свинья', 'кабан'), Гэлгэн (ср. гүлгэн 'щенок'), Дааган (двухлетний жеребенок), Доргон (барсук), Ишэгэн (козленок), Нимаан (домашняя коза), Нохой (собака), Өшөөнэн (тальник), Тугал (теленок), Тэхэ (козел),

Хурьган (ягненок), Хуса (баран), Худээ (рябчик), Шоно (волк), Эмэ ('женщина', 'самка'). Женские: Баяхалдай (хор. диал. 'медведь'), Бульжуухай (жаворонок), Буургана (комар), Галуун, Галуухан (гусь), Нугаан (утка), Халюун и Халюухай (выдра), Шубуухай ('птичка', 'пташка'). Имя Булган (соболь) может носить как женщина, так и мужчина, правда, мужское имя чаще имеет форму множественного числа: Булгад. От названий растений образованы женские имена Ногоолой и Ногоохон (ногоон 'трава'), Шабшараахай (одуванчик), Сэсэг (цветок).

И м е н а , о б р а з о в а н н ы е о т н а з в а н и й м а с т и ж и в о т н ы х. Мужские: Зээрдэ (рыжий), Хула (саврасый), Хурэн (коричневый). Женские: Шаргал и Шаргалдай (шаргал 'соловьи'), Хуагал и Хуагалша (хуа 'каурый'). Имена Шара (желтый), Халтар или Халтар (халтар 'светлогнедой' - о лошади, 'с рыжими полосками на ногах и морде' - о собаке) могут носить и женщины, и мужчины.

И м е н а , о б р а з о в а н н ы е о т н а з в а н и й о т д е л ь н ы х ч а с т е й ч е л о в е ч е с к о г о т е л а и п р и з н а к о в ч е л о в е к а и л и ж и в о т н ы х. Мужские: Айшан (гость), Баятар (богатырь), Бардам ('чванливый', 'щедрый', 'расточительный', 'кичливость'), Барлаг (батрак), Баян (богатый), Гэргэн (жена), Долдой ('болтун', 'говорун', 'пустомеля'), Омьон или Омьоон (омьон 'толстая кишка лошади'), Отхон (младший (сын или дочь), Сууха (мочевой пузырь), Халсан (лысый), Хэлхээ (лит. хэлэхэй 'красноязычный'), Намган ('женщина', 'жена'), Шэгшэгээ (мизинец). Имена Буубээ ('ребенок), Ноён (господин) носят как женщины, так и мужчины.

Имена, образованные от названий разных предметов. Мужские: Бoльтpог (глиняный горшок), Бээлээ (рукавицы), Гaбa (щель), Нoм (книга), Oбoo (куча), Тaлaан (лужайка), Хaабшaг (мешочек), Хaалгa ('крышка посуды', 'ставни окна'), Хoбoo ('продольный паз на столбе', 'желобок'), Хoнхo ('звонок', 'колокол'), Хoшхo (совок), Хуяг ('панцырь', 'броня'), Гaбa ('жбан', 'посуда (с вином)'), Шaбхaй (намерзший на копыте лошади снег), Шyлуун (камень). Сюда же следует отнести мужские имена Муу (плохой), Oбoгoй (кучеобразный), Сoнхoр (ср. сонхор нүхэ 'топор-колун'), Тyгэд (целый), Хaрa (черный).

Вероятно, многие апеллятивы личных имен могут оказаться универсальными для всех языков вообще. К ним прежде всего относятся апеллятивы со значениями названий растений, птиц и животных, качественные слова со значением признака человека, масти животных, названия домашней утвари, названия частей человеческого тела и т.д. Вряд ли окажутся универсальными или возможными вообще личные имена от названий географических объектов, от слов со значением качества действий, хотя личные имена нередко образуются от глаголов и глагольных сочетаний (см. тюркские имена типа Ит-алмаз 'собака не возьмет')^I. Вероятно, неантропонимичны чисто грамматические элементы (союзы, предлоги).

^I См.: Вл.Г oрд левский. К личной ономастике у османцев. — Отт. из кн.: Древности Восточные, т. IV, вып. I. М., 1913, с. 2.

Н.Б.Алдарова

ИЗ ОХРАННЫХ ИМЕН БУРЯТ

Истоки охранных имен, безусловно, уходят в глубокую древность и связаны с пониманием значения и функции имени.

Еще в начале XX века, когда духовная жизнь отсталых окраин России всецело находилась в плену религиозных представлений, у проживавших здесь народностей считалось, что имя человека — одна из его душ. Известный советский этнограф Л.Я.Штернберг в 1936 г. писал о широкой распространенности подобного взгляда. Так, эскимос считал, что человек состоит из тела, души и имени, причем лишь имя одно бессмертно. Давая новорожденному имя недавно умершего родственника, эскимосы считали, что вселяют в ребенка душу покойного, которая после процедуры наречения становилась своего рода ангелом — хранителем ребенка^I. Аналогичное понимание имени свойственно почти всем народам на определенной ступени развития общества.

По свидетельству Риса, приведенному у Л.Я.Штернберга, для всех индоевропейских народов была характерна вера в то, что имя является главной частью человека, его душой, дыханием,

^I См.: Л.Я.Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, с. 309.

жизнью¹. Имени придавалось такое огромное значение, что, как думали, блаженство покойника зависело от отношения к его имени живых. Вот почему у всех народов всегда заботились о том, чтобы имя покойного не оскорблялось, не поминалось без особой надобности. С другой стороны, небезопасно было без нужды произносить и имя живого, так как оно могло быть услышано недоброжелателем и подвергнуто магическим заклинаниям и колдовству. Стремление скрыть имя — широко распространенное явление на всех континентах мира. Так, древние египтяне назывались в обиходе "малым" именем, а "большое", настоящее, имя хранилось в тайне².

Как видно из сказанного, примитивные взгляды отсталых народностей и древние обычаи цивилизованных народов органически переплетаются, дополняя и объясняя друг друга. Известно, что обычаи — очень консервативная сторона человеческой жизни, в пересмысленной форме сохраняющиеся с глубокой древности. Они свидетельствуют о том, что именование детей — дело огромной важности, поэтому у каждого народа издавна существуют определенные традиции выбора имен. Так, у некоторой части бурят до недавнего времени сохранялся обычай в случае смерти предыдущих детей называть ребенка домашним именем с отрицательной, уничижительной семантикой.

Кроме того, по существующим поверьям, каждый год 12-летнего животного цикла несет в себе независимые от нас объективно существующие радости или

¹ См.: Л.Я.Штернберг. Указ. соч., с. 310.

² См.: там же, с. 312; Д.Фрезер. Золотая ветвь, вып. 2 — Табу-запреты. М., 1928, с. 88.

горести. Например, года "коровы", "мыши", "барана", "лошади" — года, сулящие благополучие, довольство, год "курицы" — голодный, года "дракона", "змеи", "свиньи" — тяжелые, влекущие несчастья, стихийные бедствия и т.д. Поэтому родившиеся в эти годы дети иногда оберегались охранными именами¹.

В недалеком прошлом у многих бурят такие имена были единственными у носителя, к примеру: Муудай, Муухан, Муужан, Муутха от муу 'плохой', 'дурной', 'скверный'; Забаан, Забаадай, Забаадии < забан 'безвкусный', 'пресный', 'постный'; 'пустой'; 'ни рыба ни мясо'; Архинша 'пьяница'; Хулууша 'вор' и другие. Считалось, что подобными именами можно ввести в заблуждение недоброжелателей, особенно злых духов, и сохранить жизнь ребенка. Обманными именами пользовались и в тех случаях, когда у бездетных супругов появлялся долгожданный ребенок или когда дети часто умирали². Об этом же пишет и исследователь калмыцкой антропонимии М.У.Монраев³.

К обманным именам, по-видимому, относятся и антропонимы, восходящие к апеллятивам со значением "старик", "старичок", "старуха": Убгэн 'старик'; 'старый'; 'почтенный'; Убгөөдэй 'старичок'; Эмгэн, Эмэгэн < эмгэн 'бабушка'; 'старуха'; эмгэрхэ 'ста-

¹ См.: И.Д.Б у р а е в, Л.Д.Ш а г д а р о в. О бурятских личных именах. — В сб.: К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969, с. 108.

² См.: И.Д.Б у р а е в, Н.Б.Д у г а р о в, А.Р.Б а д м а е в. Бурятские имена. — "Справочник личных имен народов РСФСР". М., "Советская энциклопедия", 1965, с. 84; И.Д.Б у р а е в. О бурятских личных именах. — "Вопросы преодоления пережитков прошлого и становления новых обычаев и традиций". Улан-Удэ, 1969, с. 49.

³ См.: М.У.М о н р а е в. Некоторые вопросы калмыцкой антропонимии. — "Ономастика Поволжья", вып. 2. Горький, 1971, с. 64.

реть', 'стариться'. К этому же семантическому ряду, думается, можно отнести и антропонимы Сагаан Толгой 'белая, седая голова', 'седовласый', Халзан, Халзандай, Малаан 'лысый', 'плешивый', являющиеся в разговорной речи синонимами к словам "старик", "старый".

По замечанию Л.Я.Штернберга, в случае смерти предыдущих детей, у современных ортодоксальных евреев новорожденному дают имя "старик" или "старуха"¹.

Наличие аналогичного явления у народов с разной системой именования свидетельствует о большой давности этого ряда имен.

У монгольских народов обращение к значениям "старик" и "старуха" имеет двоякий смысл. С одной стороны, старые люди пользовались непрерываемым авторитетом в силу своего жизненного опыта, их наказы, советы и просьбы неукоснительно выполнялись. С другой стороны, старость ассоциировалась с представлением чего-то отжившего, не приносящего обществу пользы. Поэтому, вероятно, людям казалось, что носители подобных имен не угодны "злым духам".

Известно, что у монгольских народов испокон веков высоко ценилось рождение мальчиков, которые должны были продолжать род и содержать на старости лет родителей. Поэтому буряты "оберегали" прежде всего их при помощи таких имен, как Намган, Намгааша 'жена', 'женщина'; 'женский'; Эзы (зап.) 'женщина'; 'баба'; Муу эзы 'плохая, дурная, скверная баба'; Эмэ, Эмэдээ, Эмээсхэн < эмэ 'женщина'; 'баба'; 'самка'; Ухин 'девчонка'; Муу Ухин 'пло-

¹ Л.Я.Ш т е р н б е р г. Указ. соч., с. ЭИ.

хая, дурная, скверная девчонка' Женщина представлялась не только ненормальным, второсортным человеком, о чем красноречиво свидетельствует "Памятник обычного права бурят ХУП в."¹, но и "нечистым". Отголоски суеверного представления о "нечистоте" женщины наблюдаются и ныне: всем известно убеждение относительно присутствия женщин при совершении серьезных дел у некоторых охотников, рыбаков, шахтеров, шоферов дальних рейсов и т.д. Корни такого представления, отразившегося во всех религиях, восходят к глубокой древности и связаны с биологической природой женщины и поло-возрастным разделением труда.²

Любопытно, что в качестве "охраняющих" мужских имен у бурят употреблялись также названия животных-самок с отрицательной экспрессией: Муу үнээн 'плохая, худая корова'; Эмэ нохой 'сука', Улэгшэн 'самка (животного)'.³

Ту же функцию выполняли и названия некоторых животных, земноводных, рыб, насекомых, которые, будучи перенесены на человека, связывались с неприятными, отталкивающими чертами этих представителей фауны: Гахай 'свинья'; Баха, Бахаашка < баха 'лягушка'; Харха 'крыса'; Сордон, Сордохон < Сордон 'щука'; Алгана 'окунь'; Елоогной < елоогоно 'елец'; Ярзайхай 'рыбешка', 'мадек', 'маявка'; Баахалдай (кач., каб.) 'паук'; Ноно 'овод', 'слепень'.

Подобные имена известны и в других монгольских языках: Өвгөн, Өвгөнхүү < өвгөн 'старик', 'старец'; Чавганц 'старуха'; Ухин 'девчонка'; Сам-

¹ С.А.Токарева. Памятник обычного права бурят ХУП в. Отт. из мат-лов истор. архива 1963 г.

² См.: С.А.Токарева. Ранние формы религии и их развитие. М., "Наука", с. 140.

ган (диал.) 'жена'; Нэргуй 'без имени'; Энэ бииш (монг.) 'не этот'; Муу 'плохой', 'скверный'; Мекля 'лягушка'; Арийнчи (калм.) 'пьяница'¹.

Аналогичные прозвищные имена бытуют и в тюркских языках: якутском, тувинском, алтайском и других². В казахском часты унижительные прозвища, являющиеся своеобразным пожеланием здоровья, силы, красоты³.

Академик Гордлевский указывал на употребительные у османских турков прозвища с обратным значением: прозвище Пинти - "скупая" указывает как раз на щедрость женщины, выстроившей в городе мечеть⁴. В "интеллигентных" кругах при выборе имени "руководятся принципом противоположения; так, М.Эмир, автор "Турецких стихотворений", говорил: "В именах бывает наоборот. Я назвал своего сына Халим "кроткий", так как желаю, чтобы он был сильным"⁵.

¹ См.: Ч.С.О.Д.Н.О.М. Монгол хуний нэрийн тухай. - "Монголын судлалын зарим асуудал", т. IV, fasc. 15. Улан-Батор, 1964, с. 94, 96, 103, 109; М.У.М.О.Н.Р.А.Е.В. Указ. соч., с. 64.

² См.: К.Ф.Гриценко. Личные имена и прозвища у якутов. - "Антропонимика". М., "Наука", 1970, с. 156; А.И.Рудных. Вторые имена у якутов. - "Антропонимика", с. 222; С.Ф.Табаровская. Заимствованные собственные имена и традиционные прозвища в якутском языке. - "Языки и литература народов Сибири". Новосибирск, 1970, с. 172-173; С.И.Вайнштейн. Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев. - "Ономастика". М., "Наука", 1969, с. 128; Н.И.Шатинов. К истории алтайских имен. - "Этнография имен". М., "Наука", с. 67.

³ См.: К.Б.Шубаева. Казахские прозвища. - "Ономастика Поволжья", вып. 2. Горький, 1971, с. 101.

⁴ Вл.Гордлевский. К личной ономастике у османцев. Отт. из кн.: Древности Восточные, т. IV, вып. I. М., 1913, с. 6.

⁵ Там же, с. 4.

У бурят подобные прозвищные имена назывались ара нэре, что при буквальном переводе значит "заднее (или теневое), тыльное (обратное) имя". Как видно, ни это название, ни его содержание не противоречат общей традиции обманного именования у тюркских народов.

Указанные прозвищные имена у восточных народов, в том числе у монгольских, выполняя функцию "защиты" новорожденного от злых духов, выражают иносказательное пожелание ему благополучия, здоровья, счастливой жизни. Таким образом, эвфемистические имена этого типа совершенно скрывают подлинную мысль человека, переходят в антифразис — способ выражения, при котором говорят обратное тому, что думают: иронически или из чувства страха перед богом, перед злыми духами, колдовством.

Как известно, эвфемизм — смягченное выражение, используемое для передачи мысли или понятия, прямое выражение которых было бы в какой-то мере нежелательным¹. Природа эвфемизмов неодинакова. Об этом свидетельствуют разные акценты в определении термина. В греческо-русском словаре, составленном А.Д.Вейсманом, находим: "Eufemia — произношение слов, имеющих хорошее предзнаменование; воздержание от слов, имеющих дурное предзнаменование (особенно при жертвоприношениях), благоговейное молчание, eu 'хорошо', femia 'молва', 'слух', 'речь'"².

Если определение Ж.Марузо отражает содержание эвфемизмов современного литературного языка,

¹ См.: Ж.М а р у з о. Словарь лингвистических терминов. Пер. с франц. Н.Д.Андреева. М., Изд-во иностр. лит., 1960, с. 340.

² "Греческо-русский словарь". Сост. А.Д.Вейсман. Изд. 5-е. СПб., 1899, с. 562.

то, по определению А.Д.Вейсмана, эвфемизмы – это избегание слов по религиозным соображениям и прои-
зношение тех из них, которые выражают хорошее
предзнаменование. Об эвфемизмах, используемых по
религиозным соображениям, пишет и Е.Е.Речицкая:
"Эвфемизм – это, во-первых, ряд приемов, с помощью
которых слово или фраза, хотя и более точно пере-
дающие нашу мысль, по каким-либо соображениям шо-
кирующие слушателя или режущие его слух, заменяют-
ся смягченным, завуалированным выражением. И, во-
вторых, это способ, который позволяет избегать
упоминания в речи имен сверхъестественных существ,
а также слов религиозного содержания и дурного
предзнаменования^I.

Второй способ, связанный с суеверием, вероят-
но, точнее отражает возникновение эвфемизмов, их
исходное назначение.

Содержание и функция указанной группы личных
имен свидетельствует о путях преломления этого
способа в антропонимии.

Следующая группа эвфемистических имен связана
с табуированием старших родственников, уважаемых
людей рода и села и генетически восходит к терми-
нам, обозначающим служебные обязанности, степени
родства и свойства. Система замены имен на титулы и
термины родства известна монголам давно. В частно-
сти, основатель государства и династии Алтын-ханов
в Западной Монголии в ХУП в. Шолой Убачи Хун-тайд-
жи был известен своим соседям – ойратам, киргизам
и русским только под своим титулом Алтын-хана. В

^I Е.Е.Р е ч и ц к а я. Некоторые типы пури-
танских эвфемизмов в современном английском языке.
Баку, 1944, с. 12.

русских архивных документах ХУП в. об этом сказано следующее: "А про Алтыново прямое имя люди не сказывают, а называют его все только Алтыном, а тогда де ему подлинное имя будет ведомо, как его не станет¹.

Ныне нам не известны случаи подобной замены, однако у бурят встречаются факты превращения терминов родства во вторые имена. Так, в семье Турухаева Мутуная старший сын Доржи ближайшими родственниками именовался Ахаадии (ласкательная форма от аха 'старший брат'). С течением времени термин родства превратился во второе, бытовое имя. Сверстники, 70-летние старцы, и ныне называют его только Ахадием, хотя помнят его основное, паспортное имя².

До недавнего времени обращение по имени с присовокуплением к нему термина родства считалось признаком хорошего тона. В старину культивировалось также знание родословной и терминов родства. На празднествах и гуляниях для детей устраивались своего рода соревнования на лучшее знание родственников по линии отца и матери. Поэтому несомненная связь таких имен, как Ахаадии 'старший брат'; Аханай (эхир.) 'старшая сестра'; Тээли 'средний сын', 'средняя дочь'; Баабай 'отец', 'папа'; 'бабушка'; 'дед', 'дедушка'; 'праотец'; в говорах -

¹ Н.П.Ш а с т и н а. Алтын-ханы Западной Монголии в ХУП в. - "Советское востоковедение", т. 6. М., 1949, с. 385; Н.Л.Ж у к о в с к а я. К вопросу о соотношении социального титула и личного имени у монголов. - "Личные имена в прошлом, настоящем, будущем". М., "Наука", 1970, с. 231.

² Информация получена от Доржи Мутунзевича Турухаева, уроженца Баргузинского аймака БурАССР, в 1972 г.

'старший брат', 'старшая сестра'; Абга, Абага 'брат отца', 'дядя (по линии отца)'; почтительное обращение к старшим — с обычаем обращаться друг к другу по терминам родства.

По этнической традиции бурят обращение к собеседнику только по имени считается предосудительным. Поэтому во многих селах к чужому человеку обращаются со словами аха, ахай — 'старший брат', эгэ-шэ, абгай, хээтэй — 'старшая сестра', к представителям района или рода, откуда некогда была невестка — худа 'свят', худагы 'святъя', худанар 'сваты' и т.д. При длительном употреблении этих терминов по отношению к отдельным лицам имена иногда вытеснялись и забывались.

В семье бурята особенно почтительно относились к самому старшему сыну, а самый младший пользовался особым вниманием и любовью. Последний считался наследником отцовского очага. По обычаю минората имущество отца нераздельно переходило к младшему сыну. Особое положение младшего сына обусловило, вероятно, появление специального термина: бур. отхон, монг. отгон 'самый младший'; отгон хуу 'самый младший сын', затем целого рода синонимичных антропонимов — (Доодоон, Доожоон < доо) доо тээнъ 'внизу'; эгээн доо тээхи хубуун 'самый младший сын'.

В качестве имен использовались и синонимичные слова со значением "малыш": Бишайхан, Бишаадай, Бишаанай < бишайхан, бишихан 'маленький'; 'крошка'; Дуудэй, Дувунэй < дуу 'младший'; дуудэй 'младший братик'; Буубэй < буубэй 'ребенок' (ласкательное название); Тажаа, Тожоо < тажаа хубуун 'карапуз'; Маадай (кач.) 'младенец'.

К ним примыкают имена, восходящие к корреля-

тивными словам – хубуун 'мальчик' и басаган, үхин 'девочка': Хубуухэй, Хубуулэй, Хубуушхэ, Хубууншэг; Басагаади, Ухинэй, Ухин. Подобные имена имеются и в монгольском языке¹.

Появление таких имен объясняется бытованием в прошлом обычая замены имени по мере подрастания ребенка. Первое имя ребенок обычно получал от повивальной бабки, иногда своей бабушки. Из чувства предосторожности, как бы злые силы не обратили внимание на ребенка, его называли прозвищным именем, иногда, в случае смерти предыдущих детей, могли оставить без имени до года или трех лет. В обычае активными были синонимы со значениями "малыш", "ребенок", "карапуз", "дочка", "сынок" и т.п.², один из которых иногда становился именем. Чаще же функционировали два имени: одно – бытовое, другое – официальное. С распространением христианства в Прибайкалье и буддизма в Забайкалье у некоторой части бурят появлялось по 3 имени у каждого: у бурят, проживавших на территории Иркутской области, – бурятское, русское и бурятское ласкательно-просторечное прозвище; у проживавших в Забайкалье – имя, данное ламой из буддийского именника, ласкательно-ироническое прозвище и бурятское имя. Так, житель Чептыхойского сельсовета Качугского района Иркутской области Мунин (1909 года рождения) через 2-3 дня после рождения был назван Елбооном, через 6-7 месяцев, когда начал подпрыгивать, приплясывать на руках, – ласкательно-ироническим прозвищем Доо-

¹ См.: Ч.С о д н о м. Указ. соч., с. 71, 72, 74, 79, 82.

² Записано от А.Б.Алхунсэевой из Эхирит-Булагатского района Усть-Ордынского национального округа Иркутской области.

ла, образованным на основе звукоподражательного слова "доохос-доохос", аналогичного русскому "тра-та-та". Среди близких знакомых и родственников он известен ныне как Дооха и Елбоон. Официальное, паспортное имя - Алексей - Муниа получил после революции¹.

Аналогичные случаи в конце XIX - начале XX в. были известны и в Забайкалье. После рождения ребенка в течение ближайших 9-10 дней приглашали ламу, с благословения которого давалось имя из тибетско-санскритского буддийского календаря. Не довольствуясь таким официальным именем, буряты в быту называли ребенка бурятским именем с отчетливо осознаваемой семантикой, затем в зависимости от положения ребенка в семье присваивали ласкательно-ироническое прозвище, которое со временем превращалось в третье имя².

Подобное сосуществование имен разных систем в Прибайкалье объясняется взаимодействием культур разных народов - бурятской, русской и т.д.³. Однако параллельное функционирование трех личных имен и возможность их замены свидетельствует о существовании сложной системы именования еще в период до проникновения развитых религий. Настораживает и появление, на первый взгляд, неоправданных параллельных имен одной системы типа Лидия-Мария, Галина-Зинаида, Цэрэгма-Ципилма и т.д., то есть в документе - одно имя, в быту - другое. Так, жительница

¹ Записано автором в 1972 г.

² См.: Лодон Л и н х о в о и н. Заметки о до-революционном быте агинских бурят. Улан-Удэ, 1972, с. 77-78.

³ См.: А.А.Д а р б е е в а. Параллельные формы личных имен бурят. - "Антропонимика", с.205-206.

Улан-Удэ, уроженка Аларского района, К.С. рассказала об обстоятельствах получения ею нескольких имен. "Из-за болезни матери я родилась 7-месячной, дни и ночи ухаживала за мной бабушка. Месяцев до трех или больше я вообще не имела имени, затем меня стали называть то одним именем, то другим, то третьим. Когда выросла, совершенно неожиданно обнаружила четвертое, официальное, паспортное"¹. Причем все имена даны были из русского именника. Вероятно, дача одного имени, не обязательно бурятского, по представлениям тогдашних бурят, могла повредить ребенку, обнаружить его местонахождение и т.д., а непостоянство, путаница имен обеспечивали ему здоровье и благополучие. В связи с этим уместно вспомнить обычай, когда ребенка для сохранения его жизни надо было передавать из окна, переезжать из одного района в другой (желательно к востоку, к солнцу), одновременно меняя ему имя.

Н.Л.Жуковская систему вторых имен считает связанной с уходящим в глубину веков шаманским обычаем скрывать личные имена².

Имеющийся ныне материал позволяет сделать вывод, что замена имени, присвоение вторых и третьих имен связаны не столько с шаманизмом, сколько с древними дошаманскими языческими поверьями, взятыми и развитыми религиями.

Замена имени в целях сохранения жизни ребенка - ныне редкое явление, анахронизм. Преобладающее большинство людей меняет имя из эстетических

¹ Записано в 1973 г.

² См.: Н.Л.Ж у к о в с к а я. К вопросу о соотношении социального титула и личного имени у монголов. - "Личные имена в прошлом, настоящем, будущем". М., 1970, с. 231.

соображений (на модное, звучное, удобопроизносимое) и по традиции (у калмыков)¹.

В связи с табу имени у калмыков выработалась специальная система для замены имен старших родственников. Взамен их из афедлативов подбирались слова-синонимы. В затруднительных случаях первые согласные имен заменялись j или другими согласными, вследствие чего частично изменялось качество последующего гласного: Ценкир - Йенкир, Булган - Йулган, Шикир - Микир².

У западных монголов от имен почтенных людей сохраняется только первый звук, к которому прибавляется элемент ааяа, придающий обращению оттенок уважительности. Так, к Дамдину обращаются "Даяаа", к Жамьяну - "Жаяаа"³.

Почтительное обращение к старшему, по обычаям бурят, также исключает упоминание его имени, в частности, в некоторых местностях принято обращаться: "отец или мать такого-то (по имени старшего ребенка)". Наряду с этим ныне в обиход активно вступает русская форма обращения.

Исключение имени из речи, модификация его как знак почтения представляют собой, вероятно, трансформацию табуирования имени в целях защиты. С развитием общества и исчезновением религиозных представлений подобная форма обращения у монгольских

¹ См.: А.А.Д а р б е е в а. К вопросу о социальной сущности личных имен в монгольских языках. - "Ономастика". М., "Наука", 1969, с. 47.

² См.: М.У.М о н р а е в. Некоторые вопросы калмыцкой антропонимии. - "Ономастика Поволжья", вып. 2. Горький, 1971, с. 65-66.

³ Информация получена от Жамбал-Дорж, уроженца МНР, аспиранта Академии общественных наук, в 1974 г.

народов приобрела функцию одного из правил нравственного поведения в быту.

Скрывание имени у монгольских народов, в частности у бурят, носило не всеобщий характер, а проявлялось в единичных и опасных для жизни случаях, иначе вера в силу замены имени как средства защиты могла бы забыться.

Дача двух имен, их замена и непостоянство были распространенным явлением среди многих народов Советского Союза: тюркских, угро-финских, иранских¹.

Таким образом, двойное именование человека, утаивание его настоящего имени имели длительную историю² и свидетельствовали о страхе и бессилии человека перед болезнями и силами природы.

Известно, что брата великого русского композитора Модеста Мусоргского звали двойным именем Евгений-Филарет. Смерть предыдущих детей, боязнь потерять и этого ребенка привела "к необходимости"

¹ См.: С.И.В а й н ш т е й н. Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев. - "Ономастика". М., 1969, стр. 125, 127; Г.В.Ю с у п о в. Антропонимы в болгаро-татарской эпиграфике. - "Личные имена в прошлом, настоящем, будущем", с. 249; Т.Х.К у с и м о в а. Из истории личных имен башкир. - Там же, с. 242; А.Г.Г а ф у р о в. Таджикская антропонимия. - Там же, с. 278; е г о ж е. Аристотель аллаха (из истории антропонимии народов Средней Азии) - "Наука и жизнь", 1971, №8, с. 62-63; Т.И.Т е п л я ш и н а. Двойные имена удмуртов. - "Личные имена в настоящем, прошлом, будущем", с. 164; Н.В.Б и к б у л я т о в. Антропонимы и термины родства. - "Ономастика Поволжья", вып. 3. Уфа, 1973, с. 100-106.

² См.: Льюис Г.М о р г а н. Древнее общество. Л., 1934, с. 47-48; Д.Д.Ф р э з е р. Золотая ветвь. Вып. 2 - Табу-запреты, с. 87-93; Б.О.Д о л г и х. Старинные обычаи энцев, связанные с рождением ребенка. - "Краткие сообщ.Ин-та этнографии АН СССР". М., 1954, с. 38-40.

вспомнить древний обычай. Случалось, что при жизни человека звали Дмитрием, а при погребении оказывалось, что он Федот¹. Великий князь Иван III был когда-то Тимофеем, великий князь Василий III — Гаврилом². О живучести подобного именованья свидетельствуют отдельные факты, встречающиеся и в наши дни. Так, в селе Жемчуг Тункинского аймака Бурятской АССР в русской семье Г. часто умирали дети. Исстрадавшимся родителям кто-то напомнил о старом обычае. Родившийся в 60-х годах очередной ребенок получил два имени: по документам Михаил, дома и для соседей — Алеша³.

Древний обычай был известен почти у всех народов. Еще Д.К.Зеленин по этому поводу писал: "Хотя на территории восточной Европы и северной Азии живут разноплеменные народности — славянские, финно-угорские, яфетические, турецкие, монгольские, палеоазиатские и иные, но в отношении табу слов у них больше общего, нежели отличного"⁴.

¹ См.: Н.И.К о с т о м а р о в. Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI-XVII столетиях. СПб., 1860, с. 15.

² См.: Н.Ч е ч у л и н. Личные имена в писцовых книгах XVI в. — Журн. "Библиограф", 1890, № 7-8, с. 74.

³ Полевая запись автора в 1971 году.

⁴ Д.К.З е л е н и н. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии, ч. I. — "Сб. Музея антропологии и этнографии", т. УШ. Л., 1929, с. 3.

К.Д.Басаева

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В УПОТРЕБЛЕНИИ
ЛИЧНЫХ ИМЕН У БУРЯТ

Личные имена составляют особый пласт в лексике любого языка. Современный состав имен у бурят свидетельствует о том, что они в значительном своем большинстве заимствованы, как это наблюдается во многих других языках.

Распространение среди забайкальских бурят ламаизма (с конца ХУП – начала ХУШ вв.), а среди предбайкальских – христианства (с конца ХУШ в.) принесло с собой и имена как тибетско-санскритского, так и греко-латино-византийского происхождения. Религии, как известно, вместе с широкой экспансией, насаждением своего мировоззрения, несли и свой набор личных имен. Так, у забайкальских бурят ламаистская церковь, постепенно вытеснив большинство исконно бурятских имен, утвердила имена тибетско-санскритского происхождения.

Например, наиболее распространенными стали такие тибетские имена, как: Доржо 'алмаз', Жап 'вера', Цырен (Сурэн) 'хранитель', Еши 'разум', Нима 'солнце', Дулма 'спасительница-мать', Ханда 'спасительница-дева и т.д.; имена божеств: Аюша, Гомбо, Долгор, Чойжил и другие. Из санскритских наиболее распространенными являются Базар 'алмаз', Радна 'драгоценность', Гарма 'следствие' и другие. Вмес-

те с тем в состав имен, канонизированных ламантской церковью, были включены и некоторые древние, исконно бурятские имена, образованные от нарицательных существительных или прилагательных: Баяр (Баир) 'радость', Жаргал 'счастье', Сэсэг 'цветок', Батор 'богатырь', Буянга 'добродетельный', Мунхэ 'вечный' и т.д.

Имена из христианского календаря у забайкальских бурят в прошлом не получили распространения, поскольку и само христианство не имело здесь успеха. У предбайкальских бурят христианизация имела более широкие масштабы: по официальным данным в конце XIX в. православные среди бурят составляли около 35%¹, а при крещении, как известно, давали имена только из христианского календаря (святцев). И, кроме того, были довольно тесные хозяйственно-бытовые связи с русским крестьянским населением, что в целом не могло не отразиться и на антропонимии бурят: русские имена широко проникали в их быт и там закреплялись. Поэтому у них наряду с собственно бурятскими именами значительное место занимают имена из христианского именика, правда, своеобразно адаптированные в соответствии с фонетическими законами бурятского языка. Например, Окдоося - Евдокия, Ампиис - Анфиса, Аггапи - Агяфья, Сабел - Савелий, Найбэл - Павел, Баали - Валя и т.д.

Имена тибетско-санскритского происхождения за три с лишним столетия так прочно и органически вошли в лексический состав языка забайкальских бурят, что перестали осознаваться как иноязычные и

¹ См.: П.Е.К у л а к о в. Буряты Иркутской губернии. - "Изв. ВСОРО", т. 26, № 4-5, 1896, с. 120.

воспринимаются сейчас как собственно бурятские. Процесс этот аналогичен тому, что современные русские не осознают древнегреческого происхождения имен Василий, Алексей, Федор, Тимофей, Фекла и т.д. так же, как и древнееврейского происхождения имен Анна, Мария, Матвей и т.д.

В прошлом среди ламаистов широко бытовали двойные или сложные имена: Гарма-Жап, Цыден-Еши, Цырен-Дулма, Бадма-Ханда, Дугар-Нима, Лубсан-Доржо и т.п., в которых один из элементов, а иногда и оба выражали совершенно определенные понятия, такие как разум (Еши), вера (Жап), алмаз (Доржо) и т.д. или второй элемент имени усиливал значение первого.

С распространением фамилий и отчеств двойные имена очень усложнили их употребление (ср. Бадмажапов Лубсандоржо Батомункуевич), и в настоящее время заметен отказ от сложных имен. И если даже в официальных документах зафиксирована двойная основа в фамилии, имени и отчестве, то в бытовой речи, в разговорном употреблении один элемент сложного имени опускается, например, вместо Лубсандоржо Батомункуевич — Лубсан Мункуевич. В советское время, особенно в послевоенный период, у забайкальских бурят развитие антропонимии идет по пути не только отказа от сложных имен, но и широкого использования русских и европейских имен, заимствованных из русского языка.

Каковы конкретные данные этого процесса, каковы общие тенденции в употреблении личных имен в современном быту бурят — на эти вопросы полные и точные ответы можно получить, как нам кажется, на основе конкретного анализа.

Для этой цели нами была предпринята попытка

исследовать тенденции в наречении детей во всех бурятских семьях колхоза "Эрдэм" Убур-Дзокойского сомонного (сельского) совета Селенгинского аймака Бурятской АССР¹.

Были использованы посемейные (похозяйственные) книги сомонного совета, в которых зарегистрировано все население улусов, входящих в состав колхоза и данного сомсовета. Для анализа были взяты имена всех детей из бурятских семей за 13 лет - с 1960 по 1972 год включительно.

Общее число детей, родившихся в указанные годы, составляет 472 человека, из них 259 мальчиков и 213 девочек. В последние годы заметно снижение рождаемости и по сравнению с первыми годами изучаемого периода число детей, родившихся в 1971-1972 гг., снизилось почти на 40% (см. таблицу).

Таблица

Год	Общее число родив- шихся детей	Из них					
		мальчиков			девочек		
		всего	с бу- рятск. именем	с рус- ским именем	всего	с бу- рятск. именем	с рус- ским именем
1	2	3	4	5	6	7	8
1960	42	25	14	11	17	3	14
1961	39	21	6	15	18	6	12
1962	45	26	9	17	19	5	14
1963	32	21	9	12	11	5	6
1964	40	25	12	13	15	1	14
1965	42	26	13	13	16	1	15

¹ В колхозе три отделения: Нур-Тухум, Дэбэн, Енхор. Население более или менее однородное - бурятское: из 294 семей 275 бурятских.

1	2	3	4	5	6	7	8
1966	38	21	13	8	17	3	14
1967	39	22	13	9	17	6	11
1968	33	11	6	5	22	11	11
1969	37	16	9	7	21	7	14
1970	32	15	8	7	17	6	11
1971	25	14	7	7	11	2	9
1972	28	16	12	4	12	3	9
Всего:	472	259	131	128	213	59	154

Данная таблица, думается, в какой-то мере отражает современные тенденции в развитии антропонимии у бурятского сельского населения.

Как видно из таблицы, во все рассмотренные годы для наречения девочек использовались преимущественно русские и европейские имена, хотя их процентное соотношение по годам неодинаково: в начале 60-х годов наблюдаются довольно резкие колебания, в 1964-1965 гг. в основном нарекают русскими и европейскими именами, с 1966 г. повышается интерес к бурятским именам, в 1968 г. соотношение равное и в дальнейшем опять постепенно отдается предпочтение русским и европейским именам. И в целом русскими и европейскими именами названо 154 девочки, для которых использовано 49 имен. При этом для 89 девочек (или 57,5%) использовано всего 12 имен. Так, самыми популярными оказались имена: Лариса - 13 человек, Светлана - 12, Людмила - 12, Марина - 9, Елена - 7, Ольга, Галина, Татьяна - 6, Наталья, Зинаида - 5, Нина, Маргарита - 4. Именно эти имена отмечены повсеместно, как самые употребительные, "модные"¹. И как видим, бурятское сельское население

¹ Т.А.К о р о т к о в а. Личные имена свердловчан, родившихся в 1966 г. - В кн.: Ономастика. М., 1969.

ние так же оказалось под влиянием моды на эти имена. Такие имена, как Екатерина, Валентина, Любовь, Альбина, Анна, Мария, Евгения, Александра зарегистрированы по 3 раза.

Встречаются такие редкие имена, как Стелла, Ия, Инга, Изольда, Нелли, Жанна, Римма, которые, как и имена Зоя, Розалия, Майя, Лидия, Аграфена, Ангелина и другие, даны лишь по одному разу. Любопытно, что есть и такие древние славянские имена, как Злата, Мирослава, Лада, возрожденные к жизни вообще в 60-е годы.

Бурятскими именами наэвано всего 59 девочек, количество использованных имен составляет 33. Самыми излюбленными оказались имена: Туяна - 7, Сэсэгма - 5, Баярма, Сэсэг, Дарима - 4, Должима, Дулма, Жаргалма, Арюна - 2. Остальные имена даны по одному разу.

При знакомстве со списком имен сразу бросается в глаза, что используемые имена - это наиболее красивые и благозвучные из традиционных бурятских и имена, созданные в последние десятилетия и ставшие чрезвычайно популярными в народе. Список наглядно отражает и отход от двойных имен, их всего три: Бальжи-Ханда, Цырен-Ханда, Ханда-Жап, и, как легко заметить, у всех один общий элемент.

Из традиционных наиболее употребительны имена с аффиксом -маа, который, как считают, восходит к тибетскому слову "мать": Дарима, Должима, Намсалма, Цыпелма, Бужидма, Дугарма, Хандама, Норжима, Лынжема. Этот аффикс является одним из продуктивных при образовании новых имен, которые есть в списке: Соелма (соел 'культура'), Баярма (баяр 'радость'), Гэрэлма (гэрэл 'свет'), Жаргалма (жаргал 'счастье'), Сэсэгма (сэсэг 'цветок').

Использованы также характерные для южных селенгинцев традиционные имена, например, Бимбацу, Раднацу, Дарицу. Есть в списке и такие распространенные современные имена, как Туяна, Аюна, Оюна, Арюна, Эржена.

Относительно мужских имен наблюдается иная картина. В начале изучаемого периода преобладают русские и европейские имена, в 1964-1965 гг. устанавливается одинаковое соотношение, а дальше устойчиво держится преимущественный выбор бурятских имен. А 1972 г. отмечается особым пристрастием к бурятским именам.

Всего названо русскими именами 128 человек, использовано имен 41. Наиболее предпочтительными являются имена: Юрий - 11, Александр - 8, Сергей, Владимир - 7, Андрей, Михаил, Илья - 6, Алексей, Николай, Олег - 5, Вячеслав, Борис, Валерий - 4, Виктор, Анатолий, Григорий, Станислав, Эдуард - 3. А такие имена, как Петр, Василий, Тимур, Семен, Никита, Иван, Альберт, Леонид, Дмитрий даны по 2 раза. Нетрудно увидеть, что и в выборе мужских имен также отмечается влияние существующей моды на имена.

Правда, в списке имен встречаются и довольно редко используемые в современном быту: Терентий, Пантелей, Анастасий, Савелий, Денис. Думается, что здесь не обошлось без влияния друзей, соседей из семейских сел. Есть и вовсе редкие имена: Искра, Арест, появление которых в бурятском улусе можно объяснить только как дань каким-то историческим событиям.

Количество мужских бурятских имен, которыми был назван 131 мальчик, составляет 56. Тенденции здесь те же, что и в наречении девочек. Самыми по-

пулярными являются имена: Баир - I7, Батор - II, Зорикто - 7, Жаргал, Доржо^I - 6, Чингис, Мунхэ - 5, Найдан, Намсарай - 4, Даши, Дамдин - 3. Указанными именами назван 7I мальчик (или 54,5% из нареченных бурятскими словами). Имена Хубисхал, Буянта, Ринчин, Тумэн, Бадма, Солбон, Намдак, Гомбо, Дашидондок, Батошулун встречаются по 2 раза, остальные - по одному.

Среди мужских бурятских имен двойные составляют 10% (по одному имени в год), то есть их процент выше, чем среди женских, причем, помимо традиционных типа Даши-Дондок, Бато-Цырен и т.д., встречаются героические имена Энхэ-Булат, Сухэ-Батор, Бато-Шулун.

Из традиционного именника, как видим, сохранились наиболее благозвучные имена, пользующиеся особой любовью. Эти имена сейчас модны по всей Бурятии.

^I В документах сомсовета это имя записано с разными окончаниями: Доржо (4) и Доржи (2). Наблюдается также разноречивость в написании и других имен, например, Чингис - Чингиз, Сэсэг - Цыцык, Даша - Даши, Баир - Баяр.

Л.Д.Шагдаров

К ПРИНЦИПАМ УНИФИКАЦИИ СЛОВ И НАЗВАНИЙ ИЗ
ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ИХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Большинство тибетских, монгольских, бурятских и китайских собственных имен, географических названий и этнографизмов, переданных на русском языке, не имеет единообразного написания. Когда же с целью некоторой унификации мы обратились к трудам Н.М.Пржевальского, Г.Ц.Цыбикова, Б.Я.Владимирцова, Ю.Н.Рериха, Д.Кара, Б.В.Семичова, Р.Е.Пубаева и других путешественников, монголоведов и тибетологов, то обнаружили, что в передаче на русском языке интересующих нас слов и названий царит полный разнобой.

Так, например, знаменитые буддийские трактаты именуются Ганчжур, Ганджур, Ганжур, Канджур; Даньчжур, Данчжур, Даянчжур, Даньджур, Данджур; имя основателя ламаизма передается как Цзонхава, Цзонхапа, Цзонкапа, Цзонхаба, Цонгкхапа; имя тибетского поэта средневековья – Миларайба, Миларайпа, Мила, Ми-ла, Миларай-па, Миларэпа; имена монгольских ханов – Мункэ, Мунхэ, Мунку-хан, Мунхэ, Мунке-хан, Монгкэ; Ульзейту, Улзэйту, Өльджейтү, Ульджейту; имя монгольского летописца – Санан-сэцэн, Санан-Сэцэн, Сананг-Сечен, Санан-Сэсэн, Саган-Сэсэн; титул второго иерарха ламаизма – банчэн-эрдэни, банчэн-ринбочэ, банчэнь, банчен, банченъ, Бэньчэн Эрдэни,

Банчэн Эрдэни, панчэн, панчен, панчен-эртэни, пан-
чень-ринпоче, пан-чэн ринпочэ, баньчэн, банчэн;
один из тибетских монастырей - Даший-лхунбо, Да-
шийл-хумбо, Ташийлхунбо, Даший-Лхунбо, Дашилхунбо,
Дашэл-лхумбо, Дашэлхунбо, Дашийлхуньбо; титул ху-
тухты-ламы в Пекине - Чжанчжа хутухта, Чжанчжа-ху-
тухта, Чжанчжа-хутухта, Чжан-чжа хутухта, чжанкјя,
Чжанчжа-геген, джанджа-хутухта, Чжанг-чжа (Чжан-
чжа) ху-туг-ту; имя ургинского хутухты - Джебцзун-
Дамба, Чжэ-бцзун-дамба, Чжебен, Чжибзан-Дамба,
Джебен-Дамба, Джеб-цзун, Джибзан-Дамба, Чжебцзун-
Дамба, Чжэбцзун-Дамба; имя цинского императора -
Цянь-лун, Цян-лун, Цянлун, Цяньлун, Цянь Лун; на-
звание ученой степени лам - лхарамба, гарамба, гѣ-
рамба, карампа, лхарампа; имя индийского философа -
Д'армакирти, Дхармакирти, Дармакирти; монгольские
слова со значением "господин, начальник", "князь" -
ноян, ноён, нойон, ноин; тайчжи, тайжи, тайджи, тай-
ши и т.д.

Таким образом, число разнобойных написаний до-
ходит иногда до шести и более вариантов, что со-
здает трудности при подготовке работ к изданию и
вообще не может считаться нормальным.

Стремясь как-то унифицировать основные назва-
ния, переданные на русском языке' из перечисленных
выше языков, а при невозможности полной унификации
- довести до минимума число вариантов, мы состави-
ли картотеку основных вариантных написаний и, опи-
раясь на наиболее распространенные и традиционные
варианты, в данной статье решили предложить неко-
торые принципы унификации этих написаний.

Общие принципы

I. Произношение и написание восточных слов по

возможности приспособлять к фонетико-грамматическим и орфографическим закономерностям русского языка. Контактируя в течение нескольких веков с бурятами, монголами и другими народами Центральной и Восточной Азии, русские люди приспособляли восточные названия к своему языку, благодаря чему создалась определенная традиция, на которую прежде всего надо опереться при унификации написаний восточных слов и названий. К таким традиционным моментам можно отнести, например, то, что специфические гласные монгольских языков *у* и *ү*, *о* и *ө* передаются соответственно лишь буквами *у* и *о*: бурхан 'бог' и дурбулджин усук 'квадратное письмо', бо 'шаман' и богдо 'святой'. Долгота гласных не передается. Если есть необходимость отразить долготу, то надо использовать знак ударения: Тосó (а не Тосó), сóулга 'меры веса' (а не сóулга). Знак долготы используется лишь в тех случаях, когда транскрибируются слова тех или иных говоров: Эмэк 'серьги'. Обозначение мягкости в словах регулируется правилами русского языка: Алашань - алашанский, алашанцы; ямынь - ямынский, ямынцы. Слова склоняются по правилам русского языка: дорамба - дорамбе - дорамбы; изменение по числам - также по правилам русского языка: собралось много дорамб. Специфические звуки восточных языков, как правило, не передаются, сингармонизм гласных может нарушаться.

2. Стараться придерживаться установившейся в монголоведении и тибетологии традиции передачи более распространенных слов и названий: Селенга (не Сэлэнгэ), Керулен (не Хэрлэн), Потала (не Бодала, Будала), маньчжуры (не маньджуры), арака (не архи, араки), хурал, субурган, хуварак, хадак, айрак, аргал, хулан, тарбаган, аргали, шабинары, докшиты,

бударгана, гэбши, курултай, Кара-Корум, галик и т.д.

3. Учитывать также различную модификацию одних и тех же звуков на разных языках. Например, Мичход (при передаче с тибетского языка), Мижит (при транслитерации с монгольского и бурятского языков); цзэмба (тиб., танг.-тиб. окр.)¹, замба (монг., бур.), гзэжи (монг., бур.); Дорчжэ (тиб., танг.-тиб. окр.), Доржи (монг., бур.); Чжамъян (тиб., танг.-тиб.окр.), Жамъян (монг., бур.); Соднам (тиб.), Содном (монг., бур.); Майтрея (тиб., танг.-тиб. окр.), Майдари (монг., бур.); Чжу (тиб., танг.-тиб. окр.), Дзу (монг., бур.).

4. Допустить вариантность написаний тех слов и названий, которые систематически проведены во многих работах: Галдан и Гандан (название монастыря в Тибете), Лоссалин и Лоссалинг (дацан), чойчжин, чойчжон, чойчжил, чойчжал (хранитель учения); банчэн-эрдэни и панчэн-эрдэни².

Принципы написания гласных букв

Гласные первых слогов в монгольских и бурятских словах сохраняются без изменения: шабаганца (а не шибеганца), тэмэн (а не тымен), гэлун (а не ге-

¹ Тангутско-тибетская окраина Китая (Цайдам, Амдо, Аха-шань).

² По техническим причинам мы не приводим тибетские, а также иногда монголо-бурятские оригиналы имен и слов. Но при этом мы старались учитывать русскую транслитерацию тибетских слов, хотя фактическая их передача на русском языке заметно отходит от этой транслитерации. Ср. следующие примеры:

<u>Транслитерация</u>	<u>Варианты фактических написаний</u>
ргйал-мцхан	Чжалцан, Джалцан, Чжялцан, Джялцан
бло-бзанг	Лобсан, Ловсан, Лобзсан
бсод-намс	Содном, Соднам
рдо-рджэ	Дорчже, Дорчжэ, Дорчжа и т.д.

лун).

Лишь в наиболее укоренившихся случаях гласные первых слогов монгольских языков передаются через более передние звуки: Сэлэнгэ - Селенга, Хэрлэн - Керулен.

При транслитерировании со старомонгольского языка гласные первого слога иногда не совпадают с первослоговыми гласными современных языков: чилун (ст.-монг.), чулун (совр.), ниру (ст.-монг.) - нуру (совр.).

В большинстве случаев гласные а, э в конечных слогах сохраняются: албан - алба, алтан - алтан, анда - анда (друг), адаг - адак, Дэлгэр - Дэлгэр, Баян-Сумбэр - Баян-Сумбэр, Цэнгэ - Цэнгэ.

Но если в предыдущих слогах имеются губные гласные или согласные, то а конечного слога часто передается через о, иногда через у, изредка через ы, э передается иногда и при отсутствии губных буквой у: Абида - Абидо (в бур. яз.), Арьябаала - Арьябало, хамба - хамбо, дурбэн - дурбун, Сэрхэ - Сэрку, үндэр - ундур, Хүхэ - Куку, гэлэн - гэлун (не гэлөн, гэлонг, гэлюн), дабаян - дабасун, элисэ, эльэн - элису.

В связи с такими написаниями допускается вариантное оформление некоторых слов. Например, слово булаг (ключ) может писаться булак и булук (Цаган-булук, но Алтан-булак).

В случаях транслитерации современных монгольских имен и названий допускается опущение конечных гласных: Цэдэндорж, Сайн-Шанд.

Применительно к тибетскому языку конечное а обычно сохраняется.

После шипящих при передаче с монгольских языков гласные в конечных слогах могут быть переданы

также через и, ө: габжа - габжи, дээжэ - дэжи, Аюша - Аюши, Доржо - Доржи, цоржо - цоржи, гэбшэ-гэбши.

При передаче соответствующих слов с тибетского языка гласные в данной позиции обычно не трансформируются в передние звуки: габчжу, Дорчжэ, гэбшей.

Звук о последнего слога передается через о, но в многосложных словах допускается передача через а или у. Например, хото - хото (город), домбо - домбо (кувшин), но онгосо - онгоца, Бошогто - Бошогту.

Сочетание звуков й + а передается через я: Баян-гол. Но иногда вместо я допускается и: Забанов Эрдэм-Баир.

Сочетание й + о передается через ё: хоёр. Но допустимы вместо ё буквы я или и: хоёр - хояр, хоир.

При транслитерации редуцированных звуков монгольских языков в большинстве случаев наблюдается тенденция к полногласию: Шара-толгой - Шара-тологой, Номогон-гол, удаган.

Как в монгольских, так и в тибетских словах при варьировании е // э предпочтение отдается э: Дорчжэ (не Дорчже), Шихацзэ (не Шихацзе), Гэсэр (не Гесер), хулгэн (не хулген), бэйлэ (не бейле, бэлэ), бэйсэ (не бейсе), цэрэн, зэрэн (не цэрен, зерен), Угэдэй-хан (не Угедей-хан), Гэлэк-Сэнгэ (не Гелег-Сэнге), гэгэн (не геген), Чжэбцзун (не Чжебцзун), Сумэру (не Сумеру). Но в укоренившихся случаях возможно употребление е: Хэрлэн - Керулен, Сэлэнгэ - Селенга, Ринчен Бимбаев, Гунчен-Чжамьян-Шадба, Палчен (отдел).

В тибетских названиях при чередовании йй // ай //

а предпочтение давать а, ай, при варьировании ей // э предпочесть э: Дарчжа, Дарчжай (не Дарчжяй), Санчжа, Санчжай (не Санчжяй), сончжэ-монлам - малый монлам (не сончжей-монлам), Танчжайлин - дворец (не Танчжяйлин). Дифтонгоидный долгий гласный а может также передаваться через ай: Брайбун, Майд, Бумцзай (не Бумцзэ, Бумзэй, Бумза). В отдельных случаях дифтонгоид передается через э, эй: Байдэй-цзон (не Байдай-цзон), Бандидэй (не Бандидай).

При варьировании о // у в тибетских словах предпочитается о: Пунцог (не Пунцук), Пабонха - ритод (не Пабунха), гонва - монастырь (не гунва).

При чередовании о // э предпочесть в некоторых словах о, а в других - э: монастырь Радэн (не Радон), но ритод (а не ритэд). В этих случаях следует придерживаться наиболее распространенных написаний: сэрдэн-чэнмо (священное дерево в Гумбуме), сэрдон-чэнмо (золотой субурган Цзонхавы).

В тибетских словах после шипящих не следует писать йотированные буквы: рабчжамба (не рабчжямба), Чжурмэд-Ванчжал (не Чжурмэд-Ванчжял), Рагашаг (не Рага-шяг).

Написание согласных

В исходе слов звонкие согласные в бурятских и монгольских словах передаются в большинстве слов через глухие согласные, за исключением б: худаг - худук (колодец), булаг - булак, булук (ключ), адаг - адак (устье), хиид - хит (монастырь).

При передаче с тибетского языка в исходе слов, а также в позиции перед глухими сохраняются звонкие: Цэбагмэд (бур. Цыбегмит), Ванчуг.

Перед глухими монгольские и тибетские звонкие

согласные обычно не оглушаются: хабцагай (а не хабцагай), Лобсан (а не Лопсан). Но звонкий г перед глухими имеет тенденцию передаваться через к, а д — через т: Цогто — Цокто, багша — бакша, бакши, удха — утха (род).

В "женских" мягкорядных словах монгольского языка буква х обычно сохраняется: Дара-эхэ (а не экэ), хиид — хит (а не кит), хурдэ (а не курдэ).

Но в некоторых словах х передается традиционно через к, что должно быть сохранено: бишхуур — бишкур, хухэ — куку, Мунхэ — Мункэ, хурээ — куре́.

В написаниях тибетских слов наблюдаются колебания и смещение б и п, а также в и б: банчэн — панчэн, Миларайба — Миларайпа, Цзонхава — Цонхапа, гэлугпа — гэлугба, агрампа — аграмба, Бомбор — Бомвор и т.д. В таких случаях предпочтение отдается б (Миларайба, банчэн) и в (Цзонхава и др.).

Однако в некоторых словах традиционно предпочитают п перед б и б перед в. В таких случаях эти написания следует сохранять или допускать варианты: Агла — Агба, Цэбагмэд (не Цэвагмэд), Пурба (не Пурва), дэба (не дэва). В названиях сект предпочесть п: гэлугпа, сангаспа.

При передаче тибетских слов наблюдается смешение н и нь. В этом случае следует давать предпочтение твердому н: мицан (а не мицань), Тубдан (не Тубдань), провинция Цзан (не Цзань), Гунга (не Гуньяга), банчэн (не банчэнь), мурэн (не мурэнь), чэнбо (не чэньбо).

Что касается сохранения в монгольских словах конечного н, то надо следовать за авторами, но в явных случаях можно восстановить н: Олон-булак (не Оло-булак). При этом варианты автора сохраняются: обо и обон, усу и усун.

При чередовании д//т предпочесть д: шандзодба (не шандзотба), Будон (не Бутон), Эрдэни (не Эртэни).

При чередовании м//н в тибетских словах предпочесть н: Пондо-чу (не Помдо-чу), Пондо-цзон (не Помдо-цзон), Гонбо (бур., монг. Гомбо), ханьбо (бур., монг. хямбо).

При колебании в буквах ц и с предпочесть ц: Цанъян-Чжамцо (не Сан-ян Чжамцо), арца (не арса), хабцагай (не хабсагай).

При чередовании х//к предпочесть х: Цзонхава (не Цзонкапа).

При чередовании бх//б, дх//д, тх//т предпочесть б, д, т: Самбота (не Самбхота), Шамбала (не Шамбхала), Абидарма (не Абхидхарма, Аб'идарма или Абид'арма), Бадра (не Бхадра, Б'адра), Тараната (не Таранатха, Таранатхи, Таранат'а), бодисатва (не бодхисатва), Дармакирти (не Дхармакирти или Д'армакирти), Абидармакоша (не Абхидхармакоша или Аб'идармакош'а).

При чередовании л//ль предпочесть л: Ролбий (не Рольбий).

При чередовании чж//чь предпочесть чж: Санчжай-Чжамцо (не Санчъай-Чжамцо).

При чередовании к//г предпочесть г: Гунга (не Кунга), Ганчжур (не Канджур), Гарма-бакши (не Карма-бакши).

Написание аффрикат

В бурятских и монгольских собственных именах при наличии традиции, особенно в начале слов, давать аффрикаты ч, ц: Чойнжир, Чимит, Цэнгэ(Цынгэ), Цэрэн (Цырен), Цэдэн (Цыден), Цаган-булак, цам

и т.д.

Однако применительно к этим языкам следует избегать употребления аффрикат **дж**, **дз**, **цз**, **чж**, ибо в большинстве бурятских говоров таких аффрикат нет, а в монгольском языке в настоящее время для этих аффрикат нет специальных знаков. Например: лама Заяев (не Дзаяев), Мижитов (не Мичжитов), Гомбожаб Цыбиков (не Гомбочжаб), Базар Барадин (не Бадзар Барадийн), Жамъян (не Джамъян или Чжамъян), Зогай, Арбазана, Бизая, умзат и т.д.

Но в традиционных написаниях (и особенно там, где автор последователен) следует использовать аффрикаты **дз** и **дж**: Эрдэни-дзу, Джа-лама, пайдза, Эдзин-гол, Дзун-мод, Джучи и т.д.

При транслитерации же тибетских имен применительно к тибетскому (а не монгольскому или бурятскому) языковому миру следует употреблять только аффрикаты **чж**, **цз**, а не **дж**, **дз**: Чжамъян (не Джамъян), Чойчжи-Оцзэр (не Чойджи-Одзэр), Гунга-Чжалцан (не Гунга-Джалъцан), Соднам-Чжамцо (не Соднам-Джамцо), габчжу (монг., бур. габжи), ганчжир (монг., бур. ганжир), "Ганчжур" (монг., бур. "Ганджур"), "Данчжур" (монг., бур. "Данджур").

Применительно к Тангутско-тибетской окраине (Цайдам, Амдо, Алашань) аффрикаты писать так, как и для тибетского языка: Барунай цзасак, Нарин-цзуха, тайчжи, сэрчжим, чжос (не зос), хучжир (не хужир), умцзад (не умзат), Адак-хабцагай.

Слитные и дефисные написания

Наблюдается большой разнобой в написании составных названий. Они пишутся то слитно, то через черточку. Например, название одного озера имеет

такие варианты: Долоннор, Долон̄ор, Доло-нор, Долон-нор, Долоноор.

Монгольские и тибетские составные названия следует давать через дефис, причем второй и последующие компоненты пишутся с прописной буквы, если они являются собственными именами. Если же это нарицательные названия, то они пишутся со строчной буквы: Балдан-Ешей, Агван-Лобсан-Тубдан-Чжамцо-Чжигбрал-Ванчуг-Чоглой-Намчжал (13-ый далай-лама), Куку-тоно, Куку-шилэ, Тэнгри-элису, Хара-усу, Хара-обо, Хара-тологой и т.д.

Если второй компонент вызывает сомнение, то надо писать с прописной буквы те слова, которые выступают самостоятельно как собственные имена (Мэргэн, Батор), все другие слова писать с маленькой буквы: Улан-Батор, Аламжи-Мэргэн, но Урду-тулай, Ундур-хайрхан, Хурай-чинда и т.д. Если есть основание полагать, что некоторые имена и фамилии необходимо дать в слитном оформлении, потому что они в свое время писались так самим владельцем имени и фамилии, то их следует писать слитно. Например: Раднабазарон, Цокто Бадмажапов, Ишэдоржин, Базаржаб Сультимон, Гомбожаб, Дугаржав и т.д. При этом в компоненте Жаб конечный б при изменении слова заменяется буквой п, а применительно к монголу может писаться и в: Базаржаб, Гомбожаб, но с Базаржапом, Гомбожапом или Базаржапов, Гомбожапов.

Атрибутивные сочетания, в том числе и формы в родительном падеже, выступающие в качестве определений, как правило, даются через дефис. При этом наиболее распространенным окончанием родительного падежа является -айн, наряду с которым допускаются в зависимости от конечного согласного основы еще окончания -ун, -ийн, -ай: баргу-бурят, баргу-

бурятский говор, "Алтан-тобчи" (летопись), "Болор-эрихэ" (летопись), Сарайн-тэк, Арайн-гашун-худук, Ангир-такчэн (пэревал), Ара-гол (река), Барунай-байшин, Бургастайн-булук, Бухайн-гол, Буху-магнай (гора), Добойн-цзак (колодец), Далан-тургэн (урочище), Ехэ-намак, Куку-нор, Сангун-далай, Хатунай-гол, Тэбчийн-будум, Шугуйн-гол.

В тибетских названиях по возможности ограничить дефисные написания: Прулнан-цэуглагхан (не Прул-нан-цэуг-лаг-хан - храм статуи Чжу), Дуцзин-ньибий-побран Потала (не Ду-цзин и т.д.), Сэрамад-той-бам-лин (не Сэра-мад-той-бам-линг - дацан в Сэре), Сэрбра-гэсум (не Сэр-бра-гэ-сум - общее название трех дацанов), Сэрпрэн (не сэр-прэн - золотые четки), Сэрхан (не Сэр-хан - камцан).

Писать через дефис следует вторые компоненты - нарицательные слова цзон, чу, хор, шаг, ри, юл, чжог, карбо, марбо, ба, лин, лха: Пондо-цзон, Накчу (река, не город), Уй-чу, Ра-чу, лин-хор, Гарма-шаг, Брог-ри, Пэн-юл, Пурбу-чжог, Побран-марбо, амдо-ба, бруг-ба, кам-ба, лхоха-ба, цзан-ба (цзанцы), арий-ба (житель провинции Арий), Гундэ-лин.

Компоненты -цзэ, -тан, -хан и другие писать слитно: Чзанцзэ, Цзэтан, Чжилхан, Уронха, Пэнбу, бодпа.

Китайские названия стараться писать слитно: Лянчжоу (не Лян-чжоу), Хуанхэ (не Хуан-хэ). Но там, где имеется традиция, особенно в многосложных словах, названия давать через дефис: Сун-чжу-сы, Юнхо-гун, Си-чжу-мэнь, "Юнь-чао-ми-ши", Ван-гу-бо-лин, Ян-Бо-сан.

Кавычки. Выделять восточные названия курсивом или посредством кавычек только один раз, когда они встречаются в данном тексте впервые. При дальней-

шем употреблении давать без выделения и без кавычек. Например: "Наблюдается культ так называемых 'чойчжонов' или хранителей учения. Чойчжоны вещают устами прорицателей. Последний перед нисхождением на него чойчжона надевает шлем".

Тексты со старомонгольского, исключая специально лингвистические работы, транслитерируются упрощенно, то есть четко не различаются е и ү; формативы падежей не выделяются через дефис; в падежных формах упрощаются дифтонгоидные сочетания; в исходе слова и слога иногда используются глухие к, т: "Мэргэд гархуйн орон" (не "Мэргэд гарху-йин орун"), "Жирухэну толтайн тайлбури" (не "Жирухэн-ү толта-йин тайилбури"), "Урту удурун улик угэну бичик" и т.д.

Прописные буквы. С прописной буквы пишутся собственные имена и географические названия. В данном случае следует придерживаться правил русского языка.

Как известно, в русском языке наименование званий, титулов и должностей пишутся со строчной буквы, например: министр, президент, маршал, король, шах, хан, паша. Лишь наименования высших должностей и почетных званий пишутся с прописной буквы.

В востоковедческих работах наименования типа далай-лама, банчэн-эрдэни и другие следует писать со строчной буквы. Но когда эти наименования в тексте заменяют собственное имя, то они пишутся с прописной буквы. Например: "Тубдан-Чжамцо (13-ий далай-лама) был в духовном одеянии с шапкой цзонхавинского образца на голове. Когда Далай-лама подошел к своему престолу, он сделал три молитвенных поклона, сняв шапку". Ср.: "Еще через одну комнату

находится главная святыня — статуя Шакьямуни. Богомолец, прежде чем войти к святыне, ударяет в один из колоколов, увеселяя Будду музыкой", но "стоят различные статуи будд"; "статуя будды Шакьямуни", "будда Майтрея".

Медицинский дацан около Поталы оформляется с большой буквы: "единственный для Центрального Тибета медицинский дацан Манба". Но когда подобного типа названия обозначают вообще медицинский и другие факультеты, то пишутся с маленькой буквы: дацан-манба, дацан-чжуд, дацан-дуйнхор и другие.

Индивидуальные названия дворцов, мостов, площадей и домов пишутся с прописной буквы: мост "Ютог-самба", дворец "Побран-марбо" и т.д.

Правописание имен

Следует отметить, что в написаниях имен тибетского происхождения в настоящее время наблюдается большая разноречивость, особенно в тибетологии. Почти каждый автор имеет свои варианты. Так, известный тибетолог Ю.Н.Рерих дает такие написания: Дж'алцэн (вм. более распространенного Чжалцан), Кунга (вм. Гунга), Цонгкхапа (вм. Цонхава), Тампа (вм. Дамба), Сумпа к'эмпо (вм. Сумба-хамбо), П'акпа лама (вм. Парба-лама), Ч'о-кьи о-сэр (вм. Чойджи-Оцэр), Зэв-ноян, Субээдэй и т.д. У Г.Ц.Цыбикова также встречается много вариантов имен. В "Буддисте-паломнике" имена унифицированы, но встречается довольно много написаний, которые в настоящее время не употребляются, причем вторые и последующие компоненты даны с маленькой буквы: Тубдань-чжямцо (вм. Тубдан-Чжамцо), Ловсан (вм. Лобсан), Гуньга-балмо (вм. Гунга-Балмо), Гуньга-чжалцань (вм. Гун-

га-Чжалцан), Гэлэгнамчжял (вм. Гэлэг-Намчжал), Дагла-риньчэнь (вм. Дагба-Ринчэн), Санчжэй-ранчжамба (вм. Санчжай-Ранчжамба) и т.д.

При унификации имен и других наименований мы старались ориентироваться на современные издания.

Ниже предлагается перечень наиболее распространенных имен, употребляющихся как самостоятельно, так и в качестве компонентов.

Встречающиеся варианты	Рекомендуемое написание при передаче с тибетского языка	Рекомендуемое написание при передаче с монгольского и бурятского языков
Агван, Агбан	Агван	Агван
Бабо, Бабу	Бабо	Бабу
Балдзом, Балцзом	Балцзом	Балзан
Балдорчже, Балдоржэ,	Бал-Дорчжэ	Балдоржи,
Балдоржи		Балдорж
Балмо, Балма	Балмо	Балма, Балам
Балчжор, Балжир	Балчжор	Балжир
Ванчжал, Ван-чжял,	Ванчжал	Ванжал
Ванчжял		
Ванчуг, Ванчук, Ванчик	Ванчуг	Ванчик
Галсан, Калзан, Калсан,	Галсан	Галсан
Галцан, Галсон		
Гамбо, Гампо, Гонбо,	Гамбо, Гомбо	Гомбо
Гоньбо		
Гончог, Гончиг	Гончог	Гончик
Гуньга, Гунга, Куньга,	Гунга	Гунга
Кун-га, Кунга		
Гэлэг, Гелэг	Гэлэг	Гылык, Гэлэг
Гэндун, Гендун, Гендунь	Гэндун	Гэндэн

Дагба, Дагпа, Дагбий	Дагба	Дагба
Дамба, Дампа, Данба, Дамбу, Тамба	Дамба, Данба	Дамба
Данбий, Дамби, Даньбий	Данбий	Дамби
Дансрон, Дансран, Тансран	Дансрон	Дансаран
Данцээн, Данцзинь, Дандээн	Данцзин	Данзэн
Дарчжэй, Дарчжа, Дарчжэй	Дарчжэй, Дарчжа	Даржа
Даши, Даший	Даший, Даши	Даши, Даш
Димэд, Димид	Димэд	Димит
Долгор, Долгар, Долкар	Долгар	Долгор
Долма, Дулма	Долма	Дулма, Дулам
Дондуб, Дондоб	Дондуб	Дондуб (п), Дондок
Дорчже, Дорчжи, Дорчжэ, Доржи, Доржэ, Дорджи, Дорджэ, Дорчжа, Доржа, Доржо	Дорчжэ	Доржи, Дорж
Ешей, Иши, Ши, Эшэй, Еше, Ешэй	Ешей	Еши
Ендзин, Ендзинь, Ензин, Ензон, Ендан, Ендон, Юндзин	Ендан, Ендзин	Ендон
Лобсан, Ловсан, Лобзэсан	Лобсан	Лубсан
Лхамдзей, Лхамцэ	Лхамцэ	Лхамээ
Лхамо, Лхама	Лхамо	Лхама, Лхам
Мичжод, Мичжид, Мичжит, Мижит	Мичжод	Мижит
Намчжэд, Намджэд, Намчжид Намчжал, Намджал, Намджил, Намчжал Намжил	Намчжэд	Намжит Намжил
Нацог, Нацак, Нацок, Насык	Нацог	Нацак, Нацык

Нинбо, Нин-бо, Нимбо, Нимбу	Нинбо	Нимбу
Нима, Нъима	Нима	Нима
Норбу, Норбо	Норбу	Норбо, Норов
Няньдаг, Няндаг, Намдаг	Няндаг	Намдак
Озцер, Оцээр, Одээр, Одээр, Одсер, Одцер, Од-зер	Оцээр	Очир, Осор
Принлай, Приньлай, Прэнлай	Принлай	Принлай, Пиринлай
Пунцог, Пунцок, Пунцик, Пунцак	Пунсог	Пунцак, Пунцук
Пурбу, Пурва, Пурба, Пурбо	Пурбу, Пурба	Пурбо, Пурэв
Ринчэн, Ринчен, Ринчень, Риньчэн, Риньчень, Ринчин	Ринчэн, Ринчен	Ринчин
Санчжэй, Санчжа, Санджа	Санчжэй, Санчжа	Санжэй, Санжа
Содва, Содба, Содбо	Содба	Содбо, Содов
Соднам, Содном	Соднам	Содном
Сэчэн, Сэчен	Сэчэн, Цэчэн	Сэсэн
Тамчжэд, Тамжэд, Тамжит	Тамчжэд	Тамжит
Хайдуп, Хайдаб, Хайдуб	Хайдуб	Хайдаб
Цандан, Цаньян, Сан-ян, Сандан	Цаньян	Сандан
Цзондуй, Дзондуй, Зундуй	Цзондуй	Зундуй
Цокто, Цокту	Цокто, Цокту	Цокто, Цокту
Цультим, Цултим, Цултэм	Цултим	Цултим, Цултэм
Цэван	Цэван	Цэван, Цыбен
Цэдэн, Цэдэн, Цыден	Цэдэн	Цэдэн, Цыден
Цэнгэ, Сэнгэ, Сенге, Сэнге	Сэнгэ	Цэнгэ, Сэнгэ
Цэрин, Цэрэн, Цырен	Цэрин	Цэрэн, Цырен

Чжалцан, Чжалцян, Чжялцян, Чжалцан		Жалсан
Чжялцань, Джалцан,		
Джялцан, Чжалцяннь,		
Жалцан, Жалсан, Гжялцан		
Чжамба, Чжамбо	Чжамба	Жамба
Чжамцо, Чжямцо, Джамцо,	Чжамцо	Жамсо
Джямцо, Жамцо, Жамсо		
Чжамъян, Жамъян	Чжамъян	Жамъян
Чжанчжуб, Чжанчуб	Чжанчуб	Жанчиб (п)
Чжигмэд, Чжиг-мэд, Жигмит	Чжигмэд	Жигмит
Чжигчжэд, Джигчжэд,	Чжигчжэд	Жигжит
Жигжит		
Чойбан, Шойбон	Чойбан	Шойбон
Чойдак, Чойдок	Чойдак, Чойдок	Шойдок, Чойдок
Чоймцо, Чой-мцо	Чоймцо	Чоймцо
Чойнпол, Чойнпэл,	Чоймпэл	Чоймпол, Шоймпох
Чоймпол, Чоймпэл		
Чойнхур, Чойнхор, Шойнхор	Чойнхур	Чойнхор, Шойнхор
Чойнчжор, Чойнжир	Чойнчжур	Чойнжир, Шойнжир
Чойрчжэ, Цорчжи	Чойрчжэ	Цоржи
Чойчжи, Чойджи, Чой-чжи	Чойчжи	Чойжи
Чжунгнай, Чжугнай,	Чжуннай	
Чжуннай		
Чжебцзун, Чже-бцзун,	Чжэбцзун	Джибзан
Чжибзан, Чжебзен,		
Джебзун, Джибзан		
Шэйраб, Шераб, Шэраб	Шэйраб	Шираб (п), Шарап, Шарав
Юнтон, Юндун, Юндэн	Юнтон, Юндун	Юндун, Юндэн

В.И.Рассадин

АНТРОПОНИМЫ У ТОФАЛАРОВ

Как известно, современные тофалары представляют собой небольшую тюркоязычную народность, численностью немногим более 500 человек (по данным переписи 1959 г.)¹. Живут они оседло в трех селах (Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара), которые входят в Нижнеудинский район Иркутской области. Географически это северные склоны Восточного Саяна, бассейны рек Бирюсы, Уды, Гутары, Ии, отчасти Оки. Работая в коопзверопромхозе, тофалары сохраняют традиционные занятия — оленеводство вьючно-транспортного направления и пушной промысел. Кроме того, они попутно занимаются добычей кедрового ореха. К 1917 г. у тофаларов имелось 5 родов: *на̄яш*, *сары на̄яш*, *чогды*, *кара йогды* (~кара чогды) и *чептэй*². По

¹ См.: В.И.Р а с с а д и н. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 4-5.

² По техническим причинам использованы знаки русского алфавита. При этом сохранено обозначение палатализации согласных мягким знаком или йотированной гласной буквой. Для обозначения звуков, специфичных для тофаларского языка, взяты соответствующие знаки из бурятского алфавита — *н*, *е*, *у*. Сочетание букв *нг* обозначает заднеязычный смычный носовой согласный и произносится как один звук; сочетание букв *чж* обозначает среднеязычную звонкую шипящую аффрикату и тоже произносится как один звук. Долгота звука обозначена удвоением соответствующей буквы. Твердый знак в сочетании с гласной буквой обозначает фарингализованный гласный звук.

свидетельству стариков, у них был еще один род кара *һааш*, который вымер во время эпидемии задолго до революции и который дал основание царской администрации называть всех тофаларов карагасами (искаженно от кара *һааш*).

Хотя тофаларами и их языком ученые начали интересоваться давно^I, однако и по настоящее время очень многие аспекты как языка, так и их истории и этнографии не только не изучены, даже не описаны достаточно полно. Рядя же вопросов вообще никто до сих пор не касался. К последним относятся и тофаларские антропонимы.

Во время полевых записей тофаларского языка (1964–1974 гг.) мы обращали внимание и на антропонимику тофаларов. Накопленный материал уже сейчас позволяет сделать некоторые обобщения.

Из истории известно, что общение тофаларов с русскими началось с XVII в., когда на реке Уде, по соседству с кочевьями тофаларов, был построен в 1648 г. Удинский острог (ныне г. Нижнеудинск). Тофалары, став подданными российского царя, стали платить ясак пушниной. Позднее они были обращены в христианство. При крещении каждый получил новое, в данном случае русское, имя.

А что случилось с их исконными традиционными именами? При выяснении этого вопроса в основном у тофов старшего поколения оказалось, что, хотя поголовно все тофы, независимо от возраста, имеют сейчас русские имена и отчества, сохраняя во многих случаях еще свои традиционные фамилии, боль-

^I О степени и состоянии изученности тофаларов и их языка см.: В.И.Р а с с а д и н. Фонетика и лексика тофаларского языка, с. 6–7.

шинство из них, особенно лица старших возрастов, известны в бытовом общении под своими тофаларскими именами. Например, Изотова Анна Даниловна (с. Верхняя Гутара) имеет тофаларское имя Чарачж уруг, Амостаева Екатерина Михайловна (с. Алыгджер) — поттайанг, Баканаев Николай Сергеевич (с. Алыгджер) — һөөрук, Баканаев Иван Сергеевич (ныне покойный, с. Алыгджер) — һугу. Таким образом, традиция названия человека своим национальным именем в какой-то мере у тофаларов пока сохраняется.

Официально каждый имеет русское имя и отчество. Аналогичная картина наблюдается у всех малых народов, принявших в свое время христианство, например, у нижеудинских бурят, эвенков, эвенов, юкагиров, нанайцев, якутов, удмуртов^I и т.д. Свои национальные имена кажутся народу более привычными. Поддерживается это еще и тем, что у тофаларов, как правило, свои имена не повторяются, каждый имеет по сути дела уникальное имя. Такое положение, по-видимому, возможно лишь у таких немногочисленных народов, каковыми в настоящее время являются тофалары. Уникальность имени создает известные удобства. Например, когда в разговоре упоминается имя Сынай, все знают, что речь идет о Егоре Семе-

^I См.: А.А.Д а р б е е в а. Параллельные формы личных имен бурят. — "Антропонимика". М., "Наука", 1970, с. 205-211; Г.М.В а с и л е в и ч. Собственные имена эвенков. — "Личные имена в прошлом, настоящем, будущем". М., "Наука", 1970, с. 230; М.К.Ш а р а ш о в а. Русские имена у народов крайнего северо-востока Сибири. — Т а м ж е, с. 174; А.В.С м о л я н. Личные имена нанайцев. — Т а м ж е, с. 168-169; А.И.Р у д н ы х. Вторые имена у якутов. — "Антропонимика". М., "Наука", 1970, с. 221, 226; Т.И.Т е п л я ш и н а. Двойные имена удмуртов. — "Личные имена в прошлом, настоящем, будущем", с. 163.

новиче Андалаеве, жившем в с. Алыгджер, и ни о ком ином. Официальное же имя Егор может иметь любой другой человек.

По сообщениям стариков, раньше свои имена были в большем ходу, чем сейчас. Нынешняя молодежь, как правило, не имеет своего тофаларского имени. Пожилые же тофы, кроме упомянутых выше кратких имен, в бытовом общении имеют еще и полные старинные имена типа Сынай Бардай оглу, то есть Сынай, сын Бардая (Андалаев Егор Семенович) или Хоттайанг Шыпшыр кызы, то есть Хоттайн, дочь Шыпшыра (Амостаева Екатерина Михайловна). Кроме личного имени и имени отца, каждый знал свою патронимию (по-тофаларски аал) и свой род (по-тофаларски нён). Упомянувшиеся выше пять тофаларских родов Һаӳш, сары Һаӳш, чоғду, кара Йогду и чептэй состояли в свою очередь каждый из патронимий. Так, из расспросов стариков, нам удалось установить, что род Һаӳш включал патронимии Торгой аалы, Һундүмей аалы, Буктурбай аалы; род сары Һаӳш — Сагаан аалы, Шуурлар аалы, Конзоктар аалы; род чоғды — Амыстай аалы (или Уда аалы, так как кочевали по р. Уде), Коокуй аалы, Туутэй аалы, Тобылай аалы, Андалай аалы, Адамов аалы, Киштэй аалы; род кара Йогды — Һогоо аалы, Кытсыл аалы (или Тайга аалы), Муунай аалы (или Эйэ аалы, так как кочевали по р. Ие), Тоокуй аалы, Шипкей аалы, Отурум аалы; род чептэй — Туулай аалы, Алаштайга аалы.

В каждую патронимию входила одна или несколько фамилий. Так, например, в патронимию Һогоо аалы входили Кангарзевы (предок Канггырай), Баканзевы (предок Баканай), Иэотовы (предок Изот), Арактаевы (предок Арыктай); в патронимию Кытсыл (или Тайга) аалы — Унгуштаевы и Киштеевы (предок Киштей); в

патронимию Конэоктар аалы — Болхоевы (предок Большой), в патронимию Шуурлар аалы — Ходогоновы (предок Нодаган), в патронимию Хундүмей аалы — Мамыкеевы (предок Хундүмей), в патронимию Туутэй аалы — Тутаевы (предок Туутэй), в патронимию Тобылай аалы — Тоболаевы (предок Тобылай) и т.д.

Как видно из примеров, тофаларские фамилии содержат в себе имя предка, основателя фамилии. Были патронимии, включавшие одну фамилию, были такие, которые объединяли несколько фамилий. Браки как внутри одной патронимии, так и между патронимиями одного рода были запрещены. Разрешались браки между представителями разных родов. Патронимия (аал) имела свой постоянный район кочевок и обитания, так называемую родовую тайгу.

Название патронимии состоит как правило из имени предка, основателя той или иной фамилии. Иногда патронимия названа по какому-либо географическому признаку. Например, Кыъсыл аалы происходит от слова кыъсыл 'теснина', 'ущелье', так как местность, где кочевал этот аал, изобилует ущельями. Или, например, патронимии Уда аалы и Эйэ аалы получили свои названия потому, что их кочевья были расположены по рекам Уда и Ия. Патронимия Алаштайга аалы названа так потому, что ее члены кочевали в местности, носящей имя Алаш Тайга (в бассейне р. Уды).

Аал представлял собой стойбище из нескольких юрт, в которых жили семьи, принадлежавшие обычно к одной фамилии. Но вместе с тем могли быть и юрты, в которых обитали представители других фамилий, могущие принадлежать даже другой патронимии. Так, например, старики вспоминают, что Торгоевы кочевали всегда вместе с Токуевыми и их юрты стояли в

одном стойбище. Торгоевы представляют собою патронимию Торгой аялы рода Һа́аш, или, как их дразнили члены других родов, тырк Һа́аш (букв. "Һа́аш, страдающий запором"), что, между прочим, дало повод этнографам ошибочно выделить особый род тырк Һа́аш¹. Токуевы же входят в патронимию Тоокуй аялы рода кара йогды. Совместное кочевание разных патронимий обусловлено уже экономическими причинами, о чем правильно заметил С.И.Вайнштейн².

В старину, как вспоминают старики, каждый человек у тофаларов был известен под кличкой, которая называлась шола. Поскольку существовал особый запрет, согласно которому взрослого человека нельзя было назвать прямо по его имени, то называть приходилось или по какой-либо кличке, закрепившейся за человеком, или по имени предка, основателя его фамилии (патронимии). Например, Николая Сергеевича Баканаева (с. Алыгджер) называют обычно Һёёрук, что означает "бурундук". Это прозвище он получил с самого детства, когда бурундук, за которым он гонялся, прыгнул на него с дерева, забрался под шубу и сильно его поцарапал. Другой человек получил прозвище Чаъртымай, потому что любил драться поленом, которое называется чаърты. Мужчину по имени Бабеи-

¹ См.: "Общественный строй у народов Северной Сибири. ХУП - начало ХХ в. М., "Наука", 1970, с. 306-307, ЗИ. Аналогично выделялся род Тенекхаш, к которому принадлежит фамилия Бухтурбаевых. Патронимия же Буктурбай аялы входит в состав рода Һа́аш, а сородичи из-за тугодумства некоторых членов этого аяла дразнят их, называя тенек-Һа́аш, что значит "глупый хаш".

² См.: С.И.В а й н ш т е й н. Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов (до начала ХХ в.). - "Сов. этногр.", 1968, №3, с.66.

чжанг из фамилии Киштеевых из-за обычая запрета на имя называли Киштей; мужчину по имени Эпшимей из фамилии Бухтурбаевых по той же причине звали обычно Буктурбай. И Ёёрук, и Чэъртымай, и Киштей, и Буктурбай в данном случае выступают как шола.

Настоящее имя человека по-тофаларски называется словом чэънит ат, то есть "тайное, скрытое имя". Это прямо указывает на явление табуирования имени. Если общение происходит между родственниками, то здесь обычно выходят из положения проще, не применяя шола. В данном случае идет в ход соответствующая родственная терминология. Например: таай - родня со стороны матери, бааба - дедушка по матери, ире - дедушка по отцу, энэ - прабабушка, кырган аба - бабушка, аъна - старший брат, уба - старшая сестра, чээн - сын или дочь младшей сестры отца, ээээ - тетка и т.д. Аналогичное явление отмечается и у тувинцев¹.

В прошлом у тофаларов, видимо, было очень развито табу, что было связано с охотничьим промыслом и культовыми представлениями. Нами уже упоминалось, что в связи с этим ряд животных и особенно медведь получили множество подставных иносказательных названий². Но вот материал, связанный с антропонимией, показывает, что явление табу было связано и с личным именем человека. Табуированы были, оказывается, также слова "муж", "мужчина", "жена", "жен-

¹ См.: С.И.В а й н ш т е й н. Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев. - "Ономастика". М., "Наука", 1969, с. 129-131.

² См.: В.И.Р а с с а д и н. Фонетика и лексика тофаларского языка, с. 140-145; е го ж е. О культе медведя у тофаларов. - "Изв. СО АН СССР", серия обществ. наук, 1973, № II, вып.3, с.122-124.

щина". Вместо этих слов употребляли иносказательные названия. Так, например, женщин называли, да и сейчас называют, словосочетанием пылзаттыг улус, что означает "люди в платках", женатого мужчину — корыньяктыг — имеющий жену, или эъпшилиг id. (с оттенком пренебрежения), жену называли словом егдээки или егдээси — находящаяся в доме, или эрлиг — имеющая мужа.

В настоящее время в связи с тем, что все имеют официальное русское (христианское) по происхождению имя, в качестве вторых, обиходных, по сути дела являющихся по функции шола, выступают тофаларские имена, которые генетически представляют собой как настоящие клички, так и настоящие старинные имена. Сейчас они смешались между собой. Кличка часто превращалась в имя и воспринимается сейчас как второе имя. Таким образом, кличка становится мотивированным именем. В какой-то мере это находит объяснение в самом обычае наречения новорожденного. Особенность его в том, что не всегда ребенку давали имя сразу же после рождения, бывало, что он какое-то время жил без имени. Родители называли мальчика оглум 'мой сын', а девочку — кызым 'моя дочь', или словом уруум 'мое дитя'. Они могли обходиться так потому, что обычно кочевали небольшими аялами, включавшими, как уже отмечалось выше, несколько юрт (три или четыре), а зимой, когда вели пушной промысел, семьи вовсе кочевали поодиночке. Имя давали потом в связи с каким-либо событием (приезд гостя или другое) или по какому-либо внешнему признаку данного ребенка или какой-либо черте его характера.

Так, например, Ивана Сергеевича Баканаява (с. Алыгджер) называли Нугу (филин) потому, что

он, будучи маленьким, сидел всегда молча и только вертел во все стороны головой, как сова, и таращил на все глаза. Мальчик получил имя Борзан — пушистый рыхлый снег, так как он родился осенью в первый снегопад. Одну девочку называли Эдерье (< эдер — 'гоняться', 'следовать', 'увязаться за кем-либо') потому, что она очень гонялась за матерью. Мальчика называли Эпшимей (< эпши — 'женщина'), потому что когда он родился, в его аал приехала в гости женщина. Другую девочку называли Батагана (комар), потому, что когда она родилась (в мае), был массовый вылет комаров. Давали имя Арык оол 'исхудавший мальчик', так как ребенок при рождении был худ и слаб. Существовали и свои традиционные настоящие имена, которые не поддаются этимологии. Их невозможно расшифровать как на основе самого тофаларского языка, так и других тюркских и нетюркских языков.

Нам удалось выявить около 200 мужских и женских тофаларских имен^I, которые употребляются сейчас и употреблялись в недалеком прошлом как вторые имена в устном общении наряду с христианскими именами и отчествами, получаемыми раньше при крещении, а сейчас даваемые в силу традиции при регистрации новорожденных в сельском совете.

Лингвистический анализ этих имен позволяет разделить их на имена: 1) заимствованные, 2) объясняемые из тофаларского языка и 3) неясного про-

^I При сборе и записи антропонимического тофаларского материала большую помощь нам оказал тофалар Баканаев Николай Сергеевич (тофаларское имя һәерук), 1911 года рождения, рода кара йогды, патринии ьогоо аалы, житель с. Алыгджер, за что, пользуясь случаем, приносим ему нашу глубокую сердечную благодарность.

исхождения. Рассмотрим их подробнее.

Заемствованные имена

Тофаларские имена этой группы по своему происхождению представляют собой русские и бурятские имена. Выявлены следующие русские имена, давно усвоенные тофаларами, адаптированные по нормам фонетики тофаларского языка и воспринимаемые сейчас как свои собственные.

Мужские

Йэрмылай, с вариантами Йармылай, Нярмылай < Ермолай;

Миъһииска < Микишка — русская просторечная пренебрежительная форма от имени Никита;

Миъһоола < Микола — просторечная форма от имени Николай;

Мыъһылай < Миколай — просторечная форма от имени Николай;

Морьоотка < морковка; мальчик назван так потому, что ему очень понравилась морковь, которой угощали его в русской деревне;

Палаана < Палаха < Палладий;

Петрушка < Петрушка — русская уменьшительно-уничижительная просторечная форма имени Петр;

Пуускэ — возможно, что это имя происходит от русского просторечного Кузька < Кузьма;

Семезн < Семён;

Сергей < Сергей;

Спиерна < Спирька — русская уменьшительно-уничижительная просторечная форма имени Спиридон;

Стэпаан < Степан;

Ыйбаян < Иван;

Эъьээндэй < Иннокентий.

Ж е н с к и е

Аага < Ага - сокращенная форма имени Агафья;

Варваара < Варвара;

Ийииса - возможно, от русского Анфиса;

Огдооття < Авдотья;

Ооиа < Оля, уменьшительно-ласкательное от имени Ольга;

Ооолга < Ольга;

Федоос < Федосья;

Элеэнэ < Елена.

С именем Элеэнэ оказалось две женщины, их позднее стали различать по внешним признакам, так как обе были разного роста: за высокой женщиной закрепилось имя Улуг Элеэнэ - Большая Елена, а за женщиной маленького роста - Биче Элеэнэ - Маленькая Елена.

Из имен предположительно бурятского происхождения выявлены следующие.

М у ж с к и е

Ангтырбан - в основе своей совпадает с эхиритским именем Ангтырдан^I (литературная форма - Ан-

^I Бурятские имена в литературной форме взяты из кн.: "Справочник личных имен народов РСФСР". М., "Советская энциклопедия", 1965; в эхиритской форме - из рукописи Д.И.Алтаева "Родословные первого абазаевского рода", а также из устных сообщений эхиритов; источником по калмыцким, тувинским, алтайским и хакасским именам также послужил упомянутый справочник личных имен, по хакасским именам, кроме того, - список личных имен, приложенный к кн.: Н.А.Баскаков и А.И.Инкежек - в а - Г р е к у л. Хакасско-русский словарь. М., ГИС, 1953. Если имена взяты из этих источников, ссылок приводить не будем.

гардаан). Общую основу Ангыр можно сопоставить с древнемонгольской формой слова *ангыр в значении "турпан", давшей впоследствии в бурятском и других монгольских языках форму ангир в том же значении. В имени Ангардаан могла законсервироваться древняя форма. О возможности выступления этой основы в качестве имени в древнее время свидетельствует современное бурятское имя Ангир в значении "турпан"¹. Ср. также халха-монгольское имя Ангар². Это имя бытует также у тувинцев в виде Ангырбан и Ангыроол. Как заимствование из монгольского языка в тувинском языке есть слово ангыр 'турпан'.

Ангыт, ср. эхиритское имя Ангат, халха-монгольское имя Ангид³.

Байынг, ср. литер.-бур. Баян, эхир.Баин - мужское имя, восходящее к обшемонгольскому слову баян 'богатый'. У калмыков это имя (Байн) отмечено как женское. Имя Паянг как мужское встречается в хакасском языке, а имя Баян - как мужское и женское - в тувинском. Хотя во всех тюркских языках есть слово бай//пай в том же значении "богатый", что и обшемонгольское слово баян, за монголоязычное (в том числе и бурятское) происхождение тофаларского имени Байынг может свидетельствовать сохранение конечного согласного -н, характерного для именных (существительных и особенно прилагательных) основ в монгольских языках.

Бардай, ср. эхиритское мужское имя Мардай и

¹ Н.Б.А л д з р о в а. О некоторых исконно бурятских личных именах. - "Вопросы бурятской филологии", вып. 2. Улан-Удэ, 1973, с. 82.

² См.: Ч.С о д н о м. Монгол хуний нэрийн тухай. - "Монголын судлаачдын зарим асуудал", т. IV. Улаанбаатар, 1964, с. 70.

³ Т а м ж е.

монгольское имя Вардай-сэчэн¹. Н.Б.Алдарова считает имя Мардай производным от бурятского слова мардайха 'иметь большой живот', как антропоним, отражающий экспрессивную оценку физических качеств личности с отклонениями во внешнем облике². Образный глагол мардайха дан в "Русско-бурятском словаре"³ в значении "быть прямым и сухощавым". С этим бурятским словом может быть сопоставлен и калмыцкий глагол бардэх 'быть толстым, жирным и неуклюжим' - о человеке⁴. Чередование звуков б//м - общераспространенное и общеизвестное явление как в тюркских, так и в монгольских языках.

Большой. Нам не удалось отыскать в источниках прямо совпадающего с тофаларским бурятского имени Болхой (возможно, оно и есть в жизни), а только Болхоон, которое возводится к образному глаголу болхойхо 'выпуклый', 'вздумшийся', 'припухлый'⁵, равно как и имя Мардай к глаголу мардайха (см. выше). Во всяком случае возведению тофаларского имени Большой, как и бурятского Болхоон, к основе болхойхо не препятствует типология. Сравним образование бурятских имен от основ образных глаголов: Ардай < ардайха 'быть щупленьким', 'плюгавеньким', Борсой < борсойхо 'сжаться', 'скорчиться', 'сжаться', Марзай < марзайха 'иметь крупные черты

¹ См.: Ч.С о д н о м. Указ. соч., с. 73.

² См.: Н.Б.А л д а р о в а. Об описательных антропонимах в бурятском языке. - "Вопросы бурятской филологии", вып. 2. Улан-Удэ, 1973, с. 65.

³ К.М.Ч е р е м и с о в. Русско-бурятский словарь. М., "Советская энциклопедия", 1973, с. 293 а.

⁴ G.I.R a m s t e d t. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935, S. 34 а.

⁵ См.: Н.Б.А л д а р о в а. Об описательных антропонимах в бурятском языке, с. 65.

лица', Хаптай < хабтайха 'быть плоским',¹ и т.д.

Дулгурак – восходит к бурятскому имени Дулгар, Долгор, являющемуся в свою очередь тибетским именем Sgrol – dkar'богиня Белая Тара',². В бурятском языке это имя употребляется как женское. Окончание -ак в тофаларском имени можно рассматривать как древнейший по своему происхождению тюркский уменьшительный аффикс³.

Кангырай, ср. эхиритское имя Ханхарай.

Кек Тарба. Первый элемент этого составного имени является тофаларским словом тюркского происхождения и означает 'синий', 'голубой'; 'зеленый', 'трава',⁴. Второй элемент можно сопоставить с бурятским мужским именем Тарба.

Куса – восходит к бурятскому мужскому имени Хуса, которое произошло от бурятского слова хуса 'баран-производитель'. В прошлом у бурят были распространены имена, образованные от названий домашних животных⁵.

Кусай – производное от Куса (см. выше).

Менгье – ср. бурятское мужское имя Мунхэ, восходящее к бурятскому слову мунхэ 'вечный',⁶ и хал-

¹ См.: Н.Б.А л д а р о в а. Об описательных антропонимах в бурятском языке, с. 65.

² См.: Ц.Б.Цыдендамбаев. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972, с. 506.

³ См.: "Древнетюркский словарь". Л., "Наука", 1969, с. 650 а.

⁴ В.И.Р а с с а д и н. Фонетика и лексика тофаларского языка, с. 204.

⁵ См.: И.Д.Б у р а е в, Л.Д.Ш а г д а р о в. О бурятских личных именах. – "К изучению бурятского языка". Улан-Удэ, 1969, с. 107.

⁶ См.: т а м ж е, с. III.

ха-монгольское имя Менх с тем же значением. Имя Менге бытует также в тувинском языке как мужское и женское. В тувинском языке имеется слово менге 'вечный', 'бессмертный' — как монгольское заимствование. В тюркских языках бытует сходное слово, но только в ином фонетическом оформлении: ср. тат. менге, башк. менге, др.-тюрк. мэнгу 'вечный', 'вечность'. В тувинском и тофаларском языках тоже есть слово менги, только означает оно 'вечный снег, лед в горах'. Таким образом, фонетический признак свидетельствует о монголо-бурятском происхождении тофаларского имени Менгье и тувинского Менге.

Муука — ср. бурятские имена Муухан, Мууха, восходящие к бурятскому слову муухай 'грязный', 'запачканный'; 'некрасивый' и муухан 'плохонький' < муу 'плохой'.

Муунай < бур. муухай 'некрасивый', 'грязный', 'запачканный'. Ср. халха-монгольское имя Муухай¹.

Сагаан — ср. бурятское мужское имя Сагаан, восходящее к бурятскому слову сагаан 'белый'². Мужское имя Сагаан бытует также у тувинцев. Ср. халха-монгольское имя Цагаан³.

Тобылай — можно сопоставить с алтайским мужским и женским именем Таблай. И тофаларское и алтайское имена, вероятно, представляют собой более раннее заимствование монгольского слова туулай 'заяц' в его древней форме *tawlai⁴, которая в

¹ См.: Ч.С о д н о м. Указ. соч., с. 90.

² См.: Н.Б.А л д а р о в а. Об описательных антропонимах в бурятском языке, с. 63.

³ См.: Ч.С о д н о м. Указ. соч., с. 107.

⁴ См.: Б.Я.В л а д и м и р ц о в. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929, с. 255.

процессе исторического развития монгольских языков дала: *tawlai* → *taulai* → *tulai*.

Туулай - можно сопоставить с алтайским мужским и женским именем Туулай и с хакасским мужским именем Толай. Все эти имена восходят к монголо-бурятскому слову туулай 'заяц'. Ср. халха-монгольское имя Туулай¹.

Һаазуут - представляет собой название одного из родов бурят-оленоводов Окинского аймака Бурятской АССР, непосредственных соседей тофаларов. Этот этноним записан в виде һаазуут научным сотрудником Бурятского института общественных наук БФ СО АН СССР И.Д.Бураевым, совершившим в 1966 г. экспедиционную поездку в Окинский аймак. Род хаазыт отмечен также у тувинцев-тоджинцев². С ним можно сопоставить название тофаларских родов һаӕш и сары һаӕш, а также само название хакасских качинцев - хаас. Данные фонетики убеждают в бурятском происхождении тофаларского имени һаазуут.

Һодуган - ср. эхиритское мужское имя Ходогон.

Чаъяр - можно предположительно сопоставить с монгольским этнонимом чахар - названием крупного племени у монголов. Имя Чакаар зафиксировано также у тувинцев. Ср. современное халха-монгольское имя Цахар и средневековое монгольское имя Чахар-гурген³.

Шинггильтэй - в основе лежит монгольское слово чинггелтей 'веселый', 'радостный', 'счастливый' в звуковой форме, характерной для средних веков,

¹ См.: Ч.С о д н о м. Указ. соч., с. 100.

² См.: С.И.В а й н ш т е й н. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М., Изд-во вост. лит., 1961, с. 21.

³ См.: Ч.С о д н о м. Указ. соч., с. 109.

когда везде в монгольских языках произносилась шипящая аффриката ч, давшая в тофаларском языке ш. В современных же монгольских языках на месте ч развились свистящие звуки: бур. сэнгэлтэй, халха-монг. цэнгэлтэй, калм. цэнглт 'веселый', 'радостный'. Слово восходит к общемонгольской основе ченгге- (бур. сэнгэ-, халха-монг. цэнгэ-, калм. цэнг-) - 'радоваться', 'веселиться', 'наслаждаться'. Аналогичную этимологию имеет, по-видимому, и название горы Шингэлтэ, находящейся в Хоринском аймаке¹ Бурятской АССР. О монгольском происхождении этого тофаларского имени говорит также имя известного монгольского лингвиста из Внутренней Монголии Чингэлтэя (чинггелтей). Тувинские мужские имена Сенгил и Сенгил + диг имеют в своей основе слово сэнгил < монг. цэнгэл 'радость', 'счастье', 'веселье', 'наслаждение'. Ср. современное халха-монгольское имя Цэнгэлтэй².

Ж е н с к и е

Ангыт (ср. мужское имя Ангыт) - ср.эхиритское имя Ангят.

Аянг - ср. бурятское мужское имя Аян, восходящее к бурятскому слову аян 'дальний путь', 'путешествие'. В тофаларском языке тоже имеется слово, произносящееся айан и означающее 'дальняя дорога', 'путешествие', заимствованное из монгольского языка³.

¹ По устному сообщению научного сотрудника Ин-та обществ. наук БФ СО АН СССР Д.Ш.Дамбаевой.

² См.: Ч.С о д н о м. Указ. соч., с. 108.

³ См.: В.И.Р а с с а д и н. Фонетика и лексика тофаларского языка, с. 152.

Как женское имя Аян бытует также у тувинцев. В алтайском языке тоже есть имя Аяан, но уже мужское, и значение для алтайского языка определяется как 'альпийский луг', 'лужайка'¹.

Бэъсыгынг – восходит к бурятскому слову басаган 'девочка'. Ср. халха-монгольское имя Бацган².

Дулгур – является бурятским женским именем Дулгар, Долгор (см. выше, среди мужских имен).

Санданг – ср. бурятское мужское имя Зандан, восходящее к бурятскому слову зандан 'сандал' (название ценной породы дерева). Имя Сандан как мужское употребляется также у тувинцев.

Тааышы – по утверждению тофаларов, происходит от бурятского слова тааы 'курительная трубка' (ср. зап.-бур. дааы(н) id.).

Тондук – является бурятским мужским именем Дондог тибетского происхождения.

Уука – хотя в источниках нами не найдены бурятские эквиваленты этого имени, мы относим его к бурятским на основании утверждения тофаларов о том, что это имя взято ими у соседящих с ними бурят. Ср. халха-монгольское имя Уухай³.

Һзыгээ – можно сопоставить с бурятским именем Хазагай, восходящим к бурятскому слову хазагай 'кривой', 'искривленный', 'перекошенный' – о лице⁴.

Шубууданг – в основе его лежит бурятское сло-

¹ О.Т.М о л ч а н о в а. Мотивированные личные имена у алтайцев. – "Личные имена в прошлом, настоящем, будущем". М., "Наука", 1970, с. 191.

² См.: Ч.С о д н о м. Указ. соч., с. 74.

³ См.: т а м ж е, с. 102.

⁴ См.: Н.Б.А л д а р о в а. Об описательных антропонимах в бурятском языке, с. 68.

во шубуу(н) 'птица', от которого образовано также бурятское женское имя Шубуухай (птичка)¹.

Имена, объяснимые в самом тофаларском языке

Многие из записанных нами антропонимов находят все же удовлетворительное объяснение в самом тофаларском языке, что позволяет их считать собственно тофаларскими именами. Зачастую они представляют собой просто названия различных животных и птиц. Это мужские имена: Сааскан 'сойка', Тугульчжук 'теленочек' (< тугул 'теленок'), Нартыга 'ястреб', Нөөрук 'бурундук', Нугу 'филин'; женские имена: Ак һодан 'Белый заяц', Батагана 'комар', Кара һодан 'Черный заяц', Кеэрьэн 'кедровка', Көптэгэнэ 'поползень', Кускунак 'вороненок' (уменьшит. от кускун 'ворон'), Сааскан 'сойка', Сэһаргы 'клещ', һодан 'заяц'. Аналогичные имена мы находим и у соседних народов: у алтайцев — мужское имя Уку 'филин', женское — Койон 'заяц', у хакасов — женское имя Саасхан 'сорока'. Обычай называть детей именами, связанными с растительным и животным миром, с природой², как общеизвестно, был широко распространен в прошлом у всех народов.

Ряд имен представляют собой родоплеменные названия, например, мужское имя Хаазуут (см. выше) — род хазут у окинских бурят, женские имена: Чогду — тофаларский род чогды, Чоода кызы — тувинка. Типо-

¹ См.: Н.Б.А л д а р о в а. О некоторых исконно бурятских личных именах, с. 82.

² См., например,: О.Т.М о л ч а н о в а. Мотивированные личные имена у алтайцев. — "Личные имена в прошлом, настоящем, будущем". М., 1970, с. 191; И.Д.Б у р я е в, Л.Д.Ш а г д а р о в. Указ. соч., с. 107-108.

логически подобное явление находим, например, у алтайцев: мужские имена — Казаккул 'русский мальчик', Ойрот 'ойрат', женское — Союнг 'тувинка'¹.

Встречаются имена, являющиеся названиями предметов украшения: женское имя Сырга 'серьга' (ср. алт. Сырга и хак. Ызырга — женские имена, с тем же значением); качественными прилагательными: мужское имя Беэке, означающее 'крепкий' (ср. хак. мужское имя Пеке); атрибутивными словосочетаниями: мужские имена Арык оол 'худенький мальчик', Кара оол 'черный мальчик', Семис оол 'жирный мальчик'; женские имена Чарачж уруг 'маленький ребенок', Чараш кыс 'маленькая девочка', дающие некоторую информацию о внешнем облике ребенка. Некоторые имена трудно классифицировать, например, женские имена Козунды 'отвергнутая', 'брошенная' (< коз — 'бросить', 'покинуть', 'отвергнуть' + -нды — словообразовательный суффикс существительного), Кеймер 'последыш', 'последний ребенок в семье', Уунаккыш 'крошка' (< уунак 'мелкий'; 'крошка', 'крупинка').

В то же время существуют и настоящие имена, образованные от знаменательных слов путем специальных аффиксов, служащих для создания антропонимов. Причем аффиксы эти одинаково употребляются как в мужских, так и в женских именах. Нам удалось выявить следующие аффиксы: -бан (-пан) — очень продуктивный аффикс, наблюдается в мужских именах Ангырбан (< Ангыр, см. выше), Арыкпан (< арык 'худой', 'тощий'), Чаярбан (< Чаяр, см. выше), Чурукпан (< чурук 'лоскут кожи'), Шырышпан (< шырыш 'ольха'); в женских — Арыкпан (см. выше) и Чеш-

¹ См.: О.Т.М о л ч а н о в а. Указ. соч., с. 192.

пан (< чеш 'маленький', 'новорожденный' - о ребенке). Этот аффикс встречается и у соседних с тофаларами народов: у алтайцев (редко) - мужское имя Байбан (< бай 'богатый'); у хакасов (редко) - мужское имя Тойбан (< той 'свадебный пир'); у тувинцев (употребителен) - мужские имена Ангырбан, Шырбан, Хулербен (< хулер 'бронза'), женские имена Анайбан (< анай 'козленок'), Далайбан (< далай 'море'), Мокайбан, Сонайбан; у бурят (употребителен) - мужские имена Агбаан, Ирбаан, Тубаан, Урбаан, Шойбоон;

-май (-мэй) - очень продуктивный аффикс, наблюдается в мужских именах: Һундумей (< Һунду 'почести', 'уважение'), Чэъртымай (< чэърты 'полено'), Чоотымай (< чоода 'тувинец'), Эьпшимей (< эьпши 'женщина'), в женских именах Козоомай (< коз-'отвергать', 'бросить', ср.женское имя Козунды). Этот аффикс также имеется у алтайцев (употребителен) в мужских именах: Аргымай, Барамай, Дьирмай, Очумай, Эркемей (< эрке 'нежный'), в женских именах Бакамай, Бултумай, Кызымай (< кыз 'девочка'), Саамай, Эрчимей; у тувинцев (употребителен) в мужских именах Бичемей (< биче 'маленький'), Диингмей (< диинг 'белка'), Хөвенгмей (< хөвенг 'вата'), в женских именах Аалчымай (< аалчы 'гость'), Ичингмей, Кускемей (< куске 'мышь'); у хакасов (редко) в мужском имени Кичемей (< киче 'маленький'), в женском имени Хызымай; у халха-монголов в именах (Аралмай, Мархмай, Танимай, Халзаамай^I).

-тай (в единичных случаях): мужское имя Арыктай (< арык 'худенький', 'тощий');

^I См.: Ч.С о д н о м. Указ. соч., с. 48.

-й (в единичных именах): мужские имена Сыынай (< сын 'изюбрь'), Туккуй (< тукку 'собака'). Этот аффикс встречается у алтайцев в мужских именах Уреней 'семечко' (< урен 'семя'), Дымжай 'мягонький' (< дымжак 'мягкий'), Кучукей 'щенок' (< кучук 'щенок'), в женских именах (Балай 'дитяtko' (< бала 'дитя'), Танай (< тана 'перламутровая пуговка'), Такай 'подковка' (< така 'подкова'); у хакасов в мужских именах Апсой, Кадай, Каной, Келей, Олчай (< олча 'добыча'), в женских именах Агай (< ах 'белый'), Катуй, Кодай, Маный. Аффикс -й образует в тюркских языках имена с оттенком ласкательности^I;

-ш (в единичных именах): мужское имя Эмдигеш (< эмдик 'дикий'). В других тюркских языках это употребительный аффикс, например, у алтайцев в мужских именах Калбагаш (< калбак 'ложка'), Дьаламаш (< дьалама 'ленточка'), Эркеш (< эрке 'ласковый'), в женском Танаш (< тана 'перламутровая пуговка');

-нг - образует имена от основ образных глаголов, например, женские имена Мосранг (< мосрай- 'быть круглым'), Кочжонг (< кочжой- 'торчать вверх' (о чем-либо остроконечном, или сужающемся кверху), Соьпсонг (< соьпсой- 'иметь сдвинутую вбок челюсть');

-нынай (в единичных именах): мужское Һартынай (< Һартыга 'ястреб'), женское имя Арынай (< ары 'пчела' и, возможно, от арык 'худенькая', 'тощая'). Типологически похожий аффикс наблюдается, например, в бурятских мужских именах Балтуунай

^I См.: Г.Ф.С а т т а р о в. Категория ласкательности в татарских личных именах. - "Антропони́мика". М., "Наука", 1970, с. 215.

(< балта 'молот', 'кувалда'), Борбооной (< борбой- 'быть всклокоченным'); ср. тувинское женское имя Борбаанай (< борбай- 'округлять', 'принять шарообразную форму');

-чжынг (в единичных именах): мужское имя Нарзалчжынг (< нараал 'прицел из ружья' - так называли мальчика, чтобы он вырос метким стрелком). Подобный аффикс выделяется также в единичных именах хакасов, например, в мужском имени Тарчынг (< тар 'порох'), алтайцев: женское имя Байчанг (< бай 'богатый');

-данг (в единичных именах): женское Шубууданг (< бур. шубуу 'птица'). Этот аффикс встречается также у алтайцев в мужском имени Барданг (< бар 'есть', 'имеется'); у хакасов, Айданг (< ай 'луна'), Тайданг (< тай 'жеребенок'); у бурят^I: Ангардаан, Ламаадан, Дугардаан, Мухардаан, Хорлуудан;

-чжык - по происхождению является уменьшительным аффиксом, образует единичные мужские имена: Муукачжык (< Муука - см. выше), Тугульчжук, Энгмээчжик (< энгмек 'дужка у детской люльки'). Ср. тувинское мужское имя Хунажык (< хуна 'козел'), женское имя Өргежик (< өрге 'суслик'); алтайское женское имя Сускучак 'ковшичек' (< суску 'ковш'), Таначак 'перламутровая пуговичка' (< тана 'перламутровая пуговица').

Имена неизвестного происхождения

К этому ряду имен, этимология которых остав-

^I См.: И.Д.Б у р а е в, Л.Д.Ш а г д а р о в. Указ. соч., с. 107.

ся для нас пока неясной, относятся такие мужские имена, как Аъибас, Монзокон, Чечжан, Шыпшыр, хотя имя Монзокон можно сопоставить с западно-бурятским именем Монзоо, тоже не объяснимым в бурятском языке¹, а имя Чечжан вывести от основы чеш 'молодой', 'маленький'; такие женские имена, как Неленгге (~Эленгге), Тёёку, Паясээ, Чаачча, Чаашка, Чезэжэ, Эреёе.

Ряд имен этой группы, хотя и имеет этимологически затемненную основу, все-таки позволяет выделить следующие характерные окончания, видимо, аффиксы:

-бая: мужские имена Нодугбан (ср. мужское имя с похожей основой Нодуган), Кузумен;

-май (-пай, -бай): мужские имена Буктурбай, Кууламай, Соготпай, женское имя Кыъсытпай;

-чжык: мужское имя Сыйбыльчжык, женские имена Нубульчжук, Сыпкачжык;

-аян (-ооин): мужское имя Нартчаян, женское имя Огдооин (ср. халха-монг. Огд)²;

-к: мужские имена Дэрдэйэк; Койнок, Шодок, женские имена Маймайак, Костайак;

-нг: мужские имена Кааянг, Кеъинг, женские имена Агыйанг, Оойанг (ср. хакасское мужское имя Оянг), Нуутаанг, Хоттайанг;

-данг: мужское имя Талгыданг;

-ланг: мужское имя Коънооланг (ср. хакасское мужское имя Когоонг);

-чын: мужское имя Огдачын (ср. женское имя Огдооин, см. выше);

¹ См.: И.Д.Бураев, Л.Д.Шагдаров. Указ. соч., с. 107.

² См.: Ч.Содном. Указ соч., с. 92.

-чжянг: мужские имена - Бабейчжанг, Ангыль-чжанг;

-чжунг: женское имя Өөчжөөчжунг;

-й: мужские имена Буучжей, Колсанай, женские имена Кетей (ср. халха-монг. Хэтэй)¹, Каляй (~Һа-ляй);

-яй: женское имя Карангнай (ср. хакаское мужское имя Харанг);

-лай: мужское имя Андалай, возможно, от монгольской основы анда 'побратим', ср. халха-монг. Андлай²;

-тай: мужские имена Амыстай, Киштэй, Таттай, Тууттэй;

-дай: женское имя Бульшуудай;

-кай: мужские имена Бачжавкай, Чемэккэй, Коокуй (ср. хакаское мужское имя Когэй, алтайское мужское имя Көкуй, западнобурятское мужское имя с неясной этимологией Хоогой³, халха-монгольское имя Хоохой⁴), Каяккэй (ср. алтайское женское имя Каяка), Тамыккай (ср. алтайское мужское имя Тебекей, Тимекей, тувинское мужское имя Таваккай), Тоокуй, Шипкей, Ыккый;

-туг: (аффикс прилагательного с семантикой обладания): мужское имя Уйуктуг;

-тык: мужское имя Кытлык (возможно, происходит от древнетюркского слова кутлуг со значением 'счастливый', выступавшего у древних тюрков и как

¹ См.: Ч.С о д н о м. Указ. соч., с. 107.

² См.: т а м ж е, с. 71.

³ См.: И.Д.Б у р а е в, Л.Д.Ш а г д а р о в. Указ. соч., с. 107.

⁴ См.: Ч.С о д н о м. Указ. соч., с. 105.

собственное имя¹, ср. болгарское имя Котлог²), женское имя Сандадык;

-т: мужское имя Шингит;

-ччы: мужские имена Мийгаччы, Баатыччы.

Как видно из примеров, и в этой группе имен употребляются те же аффиксы, что и в этимологизируемой группе. Новые аффиксы тоже имеют параллели в соседних языках. Так, например, широко известен аффикс -кай: алтайские имена Таскай, Ялаккай, Капчыкай, Дьимеккай, Тебеккай; тувинские имена Амдакай, Бараккай, Дамдакай, Сереккай, Уйнукай, Белеккай, Чечеккай, Чыртакай; хакасские имена Торьскай, Чолагкай, Маскай, Морхай, Топтахкай; бурятские имена Арзуухкай, Тархай, Табхай, Мархай, Башуухкай, Ангархай; халха-монгольские имена Ашихкай, Бардухай, Машхай, Өөдхэй, Эвэхэй³. Не менее распространен и аффикс -най: например, алтайские имена Кичиней (< кичи 'маленький'), Сазнай, Яжнай; тувинские имена Дажынгнай, Ортунай (< орту 'середина'), Сурунгней (< имя Сурунг), Калчанай; хакасское имя Хызынай (< хыс 'девушка'); бурятские имена Агнай (ср. имя Агбаан с той же основой аг, восходящей, возможно, к тюркскому слову як 'белый'), Аханай (< аха 'старший'), Буханай (< буха 'бык'), Борной (< боро 'серый'), Табинай (< таби 'пятьдесят'), Бужанай; халха-монгольские имена Ажинай, Булнай, Борной, Харнай, Тодной⁴. Этот же аффикс

¹ См.: "Древнетюркский словарь". Л., "Наука", 1969, с. 473.

² См.: Г.В.Ю с у п о в. Антропонимы в болгаро-татарской эпиграфике. — "Личные имена в прошлом, настоящем, будущем". М., "Наука", 1970, с. 250.

³ См.: Ч.С о д н о м. Указ. соч., с. 51.

⁴ См.: т а м ж е, с. 49.

-най считается древнейшим аффиксом, образующим мужские имена в тунгусо-маньчжурских языках, например: чжур-чженьские имена Агунай (X в.), Угунай (XI в.), Дигунай (XII в.), эвенкийские имена ХУП в. Иркиней, Ургуней, Аланей¹. Коль скоро речь зашла об эвенкийских аффиксах личных имен, следует упомянуть еще один аффикс, характерный для тунгусо-маньчжурских языков, а именно аффикс -нга², который можно выделить в тофаларском женском имени Неленгге (~Эленгге) с неясной основой. Этот же аффикс, по-видимому, следует выделить и в эхиритских мужских именах типа Бянга, Ойлонго, Унга, Бюсанга. Широко распространен также аффикс -лай: например, алтайские имена Бекелей (< беке 'кряпкий'), Кундулей (< кунду 'почести', 'уважение'), Мэнгкулей (< мэнгун 'серебро'), Эркелей (< эрке 'нежный'); тувинские имена Аржаалай, Бирлей, Даваалай, Хандылай, Шончалай; хакаские имена Апсалай (ср. имя Апсай), Кускелей (ср. имя Кускэ), Мангдалай, Самолай; бурятские имена Борлой, Ангаалай, Баглай, Батаалай, Бахлай, Пэглэй; халха-монгольские имена Машлай, Мухалай, Мөнхлэй, Тушлэй; эвенкийские имена Доголей, Тамбелей, Чакулай, Каркалей³.

Таким образом, вырисовывается какая-то типологическая общность в ряде имен эвенков, бурят, халха-монголов и тюрков Саяно-Алтайского нагорья. Анализ тофаларских имен, сохранившихся, правда, в весьма пережиточном виде и с разрушенной системой,

¹ См.: Г.М.В а с и л е в и ч. Собственные имена эвенков. - "Личные имена в прошлом, настоящим, будущем". М., "Наука", 1970, с. 227.

² См.: Ч.С о д н о м. Указ. соч., с. 47.

³ См.: Г.М.В а с и л е в и ч. Указ. соч., с. 229.

все же показывает, что и тофалары обладают той же типологией личных имен, что и указанные выше народы. Весьма перспективным, на наш взгляд, явилось бы сравнительное изучение антропонимов тюрков Саяно-Алтайского нагорья с личными именами бурят, особенно западных, сохранивших много архаичных имен, монголов и эвенков, что позволило бы пролить свет еще на одну сторону взаимоотношений этих народов.

Ниже приводим в алфавитном порядке списки тофаларских мужских и женских имен, какие нам удалось записать.

М у ж с к и е и м е н а

Амыстай	Дэрдэйэк	Кытлык
Андалай	Дулгурак	Митьишка
Ангтырбан	Йармылай	Митьоола
Ангтыт	(~Нярылай)	Мийгааччы
Ангтыльчжанг	Кааккый	Монзокон
Арык оол	Каанянг	Морьоотка
Арыкпан	Канггырай	Мемэккэй
Арыктай	Кара оол	Мөнгө
Аъибас	Кара сьънал	Муука
Баатыччы	Көъинг	Муукачжык
Бабейчжанг	Киштэй	Муунай
Бачжааккай	Көк Тарба	Мыъылай
Байынг	Кузүмен	Огдаччыын
Бардай	Койьок	Палааъа
Бөъкө	Колсанай	Петрушка
Большой	Коокуй	Пуускэ
Бораан	Көъооланг	Саяскан
Буктурбай	Куса	Сагаан
Буучжей	Кусай	Сарыг дарга
Быъттыгбай	Кууламай	Семезэн

Семис оол	Тууттэй	Чаъртымай
Сергей	Уйуктуг	Чечжан
Соготпай	Наазуут	Чоода кызы
Спиерна	Нараальчжынг	Чоотымай
Стэппаан	Нартчаан	Чурукпан
Сыйбыльчжык	Нартыга	Шинггильтэй
Сынай	Нартынай	Шингит
Талгыданг	Нодуган	Шипкей
Тамыккөй	Нодугбан	Шодок
Таттай	Нөөрук	Шыпшыр
Тобылай	Нугу	Шырышпан
Тоокуй	Нундумей	Ыйбаан
Тугульчжук	Ныккый	Эмдигеш
Туккуй	Чаънар	Эълшимей
Туулай	Чаънарбан	Эънеэндэй

Ж е н с к и е и м е н а

Аага	Кетей	Паасээ
Агыйанг	Кээрэн	Саяскан
Айанг	Козоомай	Санданг
Ак нодан	Козунды	Сандылык
Ангыт	Костайак	Саънаргы
Арыкпан	Кочжонг	Созлсонг
Арынай	Көптэгэнэ	Сыпкачжык
Баъсыгынг	Кускунак	Сырга
Батагана	Кыъсытпай	Тааышы
Бульшуудай	Маймайак	Тондук
Варваара	Мосранг	Төөку
Дулгур	Огдооття	Тугульчжук
Ийииса	Огдооин	Уука
Каллай (~налай)	Оойа	Уунаккыш
Карангнай	Оойанг	Федоос
Кара нодан	Өөчжөөчжунг	Назыгээ

Һеймер	Чарачж уруг	Шодок
Һеленггө	Чараш кыс	Шубууданг
Һодан	Чеш кыс	Эдэрһэ
Һоттайанг	Чешпан	Элэнггэ
Һубульчук	Чөчиинэй	(~Һеленггө)
Һуутаанг	Чөөчжө	Элеэнэ
Чашка	Чогду	Энгмөэчжик
Чаячча	Чоода кызы	Эрһөе .

В.И.Копылова

О НЕКОТОРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ОСОБЕННОСТЯХ БЫТОВЫХ ИМЕН СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЯ

Христианские имена, иноязычные в своей основе, функционируют в семейском говоре Забайкалья в различных бытовых вариантах, дублетных формах, обусловленных звуковыми и грамматическими особенностями говора^I. В то же время в нем наблюдаются архаические способы образования имен, прозвищ и кличек.

Возможно, реликтовым отражением старинной традиции на Руси являются бытовые имена, скорее прозвища, семейских замужних женщин, образуемые от имени мужа путем присоединения суффикса -шиха: Гаври́лиха (жена Гаври́ла), Ми́ниха (жена Ми́нзя), Явдо́шиха (жена Евдо́кима), Васи́шиха (жена Васи́лия), Ва́ниха (жена Ива́на), Л'о́ви́ха (жена Льва́), Яши́ха (жена Яко́ва), Кири́лиха (жена Кири́лла), Т'ар'о́шы́ха (жена Те́рентия) и другие.

Употребление среди старшего поколения семейского населения подобных бытовых просторечных прозвищ обусловлено долго сохранявшимися у семейских домострояскими порядками, при которых девушка, вступая после замужества в чужую семью, как лич-

^I Материалы собраны в семейских селах Заиграевского аймака Бурятской АССР и Красночико́йского района Читинской области.

ность не имела почти никаких прав, должна была беспрекословно подчиняться мужу и всем его родственникам: свекрови, свекру, золовкам и т.д.

Домостроевские порядки, поддерживаемые страхом перед уставщиком, а в его лице — перед богом, способствовали складыванию таких отношений, при которых бесправная, безликая женщина — работница при муже, в представлении окружающих воспринималась прежде всего как принадлежность мужа, который являлся для нее хозяином и опорой. Отсюда замена ее имени прозвищем, образованным от имени мужа. О подобном восприятии женщины прежде всего как чьей-либо жены, сохранявшемся еще в 30-х годах нашего века, свидетельствуют высказывания такого рода: Б'аз мужык — ка атст'алый ч'лавек; тебе вроди н'а ш'ытайут' как за ч'лавэка. Уш как заш'ытной ст'аны н'а было, то и ч'лавэка ма'ла ш'ытайут'... Мы-та б'аз мужыкоу были. Как чижо'лайя раб'ота — салдатки. У ка'во ма'ла-ма'ла мужык — таму заш'ыта...¹.

Помимо прозвищ по имени мужа, в говоре семейских бытуют разговорные формы имен, образуемых путем усечения основы официального имени. Это фамильярные имена с исходом на безударный гласный -а (исторический суффикс), которому в большинстве случаев предшествует мягкий согласный: Мар'а (Мария), Клавд'а (Клавдия), Ак'ул'а (Акулина), Мотр'а, Матр'а (Матрена); подумия с безударным суффиксом -ня: М'ан'а (Мария), Хв'ен'а (Федосья), Д'ун'а (Евдокия).

В личных бытовых именах семейского говора, как нам кажется, сохраняются некоторые черты, утрачен-

¹ Записано от Кожемякиной Марии Васильевны, 62 лет, в с. Гутай Красночичкойского района Читинской области.

ные литературным языком и другими говорами.

В ряду бытовых имен, где и → е (Анастасея, Марья и др.), представляет интерес сохранившееся у семейских женское бытовое имя Зѣна (Зѣновья). Акад. А.А.Шахматов в исследовании о Двинских грамотах XV в. дает имя Зѣновий в списке имен, в "которых звук ъ может быть доказан для общерусской эпохи и засвидетельствован памятниками, начиная с XI в."¹ Профессор Н.А.Цомакион, исследовав написание имени Зеновей в Псковской I-ой летописи, в Двинских грамотах XV в., в актах Холмогорской епархии XVI в., в мангазейских деловых документах ХУП в.², приходит к выводу о том, что имя Зеновий (а не Зиновий и Зиновей) свидетельствует о мене и и е в первом предударном слоге не только перед следующим *i(j)*, но и перед твердым согласным, что, по мнению Н.А.Цомакион, вносит коррективы в установленный А.А.Шахматовым закон севернорусского перехода и в е перед следующим *i* как в ударном слоге, так и в безударных слогах³. Наличие бытового имени З е н а в семейском говоре подтверждает данное мнение Н.А.Цомакион. Имя Зѣна (Зѣновья) существует в говоре с именем Зина (Зинаида).

Все те изменения, которым подвергаются христианские личные имена в процессе их приспособления к системе семейского говора, подчинены его исконным внутренним закономерностям.

¹ А.А.Шахматов. Исследования о Двинских грамотах XV в. - В кн.: Исследования по русскому языку, т. 2, вып. 3. СПб., 1903, с. 86.

² См.: Н.А.Цомакион. Туруханские говоры в их истории и современном состоянии. Красноярск, 1966, с. 76.

³ См.: А.А.Шахматов. Указ. соч., с.101.

Так, например, процесс развития диссимилятивного яканья в направлении к недиссимилятивному отразился в сосуществовании в семейском говоре таких пар бытовых полуимен, как Мыкъя́с – Мака́с (Максим), Выльда́ – Валада́ (Володя).

В личных именах семейских Забайкалья отражены особенности предупредного вокализма говора после мягких согласных, взаимодействие в нем двух систем: системы сильного яканья и системы иканья и эканья, проникающих, видимо, из окружающих сибирских говоров, отчего сосуществуют варианты типа: Ст'апа́н – Стипа́н, Степа́н, Яме́ля – Еме́ля, Йиме́ля, Яхи́м – Ехи́м, Явде́ния – Евде́ния (Евгения), Явля́ха – Евля́ха, Яр'ома́ – Ер'ома́, Па́тро – Петро́, Д'акса́ндра – Лекса́ндра, Хв'ядо́с'а – Хведо́с'а, Явме́ний – Евме́ний, Кыт'ари́на – Кытири́на, Ялу́п – Елу́п, Яүсте́ний – Еүсте́ний (полуимя Степа), Ер'аме́й – Ереме́й, Яхре́м – Ехре́м (Ефрем), Т'аренти́й – Теренти́й, Д'ам'я́н – Дем'я́н, Яро́ха – Еро́ха (Ермолай), Вид'ане́й – Виде́ней, М'ахо́т – Нефо́т (Мефодий), Яүте́й – Еүте́й, Сикля́тин'а – Сиклетя́ин'а, Хв'ятин'а – Хветин'а.

Характерная для семейского говора передвижка ударения к концу слова (дачка́, качка́, чайни́к, ухó, зына́ли, пыда́ли) распространяется и на бытующие в нем собственные имена (полуимена): Кат'а́, Аниса́, Гал'а́ (Анатолий), Влада́ (Володя), Мыкя́с (Максим), Лавра́ (Лаврентий), Хвиря́ (Фирс), Аниса́. Причем такая передвижка ударения наблюдается по всей парадигме склонения имен: Аниса́, к Анисе́, Анису́, у Анисы́, с Анисой, об Анисы́ (-е); Гал'а́, у Гали́, к Гали́, Гал'у́, с Гал'ой, об Гали́ и т.д.

В бытовых вариантах личных имен отражена также такая фонетическая особенность семейского говора, как утрата начального гласного: Кыт'ари́на (Ека-

терина), Кулина (Акулина), Гяхон (Агафон), Ларивон (Илларион), Фстигнэй (Евстигней), Л'аксáндра (Александр), Настáс'а (Анастасия), Лизавéта (Елизавета), Грипíна (Агриппина).

На месте литературного ф в бытовых личных именах и полуименах выступают обычно хв, х, хф, п: Пóрхил (Порфирий), Йосих (Иосиф), Хв'одър, Хв'адóс'а, Хвén'а, Хфилíп, Сòхья, Йахрém, Хвирсá (Фирс), Сахон (Сафон), Хвамайда (Фамайда), Мархúн'а (Марфун'а), Хв'óкла, Йахíм (Ефим), Харлám, Хв'ектíст (Феоктист), Хрóловна (Фроловна), Анúхрий (Онуфрий), Мáрхва (Марфа), Аграхвéна, Ирахвэй, Дарахвэй, Прóс'а (Фрося), М'ахот (Мефодий), Хвитíн'а (Фетинья), Стехвán (Стефан), Агахвон, Хв'адос, Хвадэй (Фадей), Митрахвán, Тимахвэй, Хв'акли́с. Подобная замена служит подтверждением того, что в прошлом в говоре отсутствовала фонема [ф]. Произношение же у неслогового на месте в в личных бытовых именах и полуименах свидетельствует о наличии в прошлом в говоре губно-губной артикуляции в: Аудэй (Авдей), Йаўлáха (Евлаха), Йаўдóха (Евдоха), Праскóуйа (Прасковья), Зиноўйа (Зновья), Лаўрén (Лаврен), Леў (Лев), Еўсэй (Евсей).

Чередование в собственных именах у неслогового с губно-зубным в говорит о тенденции к овладению губно-зубной артикуляцией под влиянием окружающих сибирских говоров и норм литературного языка: Аудэй – Авдей, Еўдохá – Евдохá и т.п. О наличии губно-губной артикуляции, отражающейся в написании у неслогового на месте в, свидетельствует и приказной документ 40-х годов ХУП в., где личное

имя Ефимий писалось с \dot{y} : Е \dot{y} фим^I.

На месте x' перед и в бытовых именах и полуименах выступает s' , отсюда наличие чередования $x'//s'$: Арси́п – Архип, Еси́м – Ехи́м (Ефим). Подобное чередование наблюдается и в падежных окончаниях бытовых имен и прозвищ: к Ари́си (к Арихе – Арине), к Ми́ниси (к Минихе – жене Минья); в окончаниях притяжательных прилагательных: ан' \dot{y} син внук, кири́лишина н'авэ́ска, йа́шысины дети (дети Яшихи, жены Якова).

Сохранение этого чрезвычайно интересного и очень редкого явления объясняется прежде всего фонетическими причинами: изменением мягкого $x' > s'$ через промежуточную ступень x' , осложненного легким палатальным элементом переднеязычного образования. Не последнюю роль могло сыграть в этом изменении (в виде стимула или дополнительной поддержки) литургическое (церковно-славянское) чередование $x'//s'$ в конце именных основ перед гласными переднего ряда при содействии аналогичных чередований живых белорусских говоров, с которыми краснотичкойский говор был связан на определенном этапе своей истории.

В бытовых именах отражается и такая его фонетическая особенность, как прогрессивная ассимиляция в положении после переднеязычных согласных, благодаря которой вместо сочетания согласный + j развивается сочетание двух одинаковых согласных: Акси́н':а, Хвети́н':а, Секлети́н':а, Усти́н':а, Явде́н':а (Евгения), Ехроси́н':а (Евросинья), Хари-

^I См.: Е.И.Тынтубева. Из наблюдений над ономвстикой семейских Забайкалья. – "Труды кафедр рус. яз. вузов Вост. Сиб. и Дальн. Вост.". Улан-Удэ, 1966, с. 20.

тѣн':я, Хаврон':а, Хивон':а, Палуфѣр':а (Полуфѣрья; подушмя — Вера), Ил':а, Натѣл':а, Хв'ядос':а. Звук *j* сохраняется в собственных именах в положении после заднеязычных согласных: Аг'ах'ја, Сох'ја, Лук'ја.

Бытовые имена семейского говора отражают процесс изменения *г' > д'*, *к' > т'* в положении перед гласными переднего ряда, характерный для многих средневеликорусских говоров¹: Дина́дий (Геннадий), Диво́рдий (Георгий), јавдѣн':а (Евгения), Дѣрман (Герман), Дирасѣм (Герасим), Мартѣл (Маркел), Тир'уха (Кир'уха), Митѣта (Никита). Объясняется данное явление тем, что в этой позиции наблюдалось "усиление палатализации мягких смычно-взрывных заднеязычных согласных... Заднеязычные мягкие *к'*, *г'* продвигались в своем образовании в зону средней спинки языка и совпадали в звучании с мягкими *т'* и *д'*"².

Эта черта характерна для средневеликорусских говоров и свидетельствует о воздействии на антропонимическую систему семейского говора, отражающую в основном черты южновеликорусского наречия, языковых процессов, происходящих в окружающих сибирских говорах.

Бытовые имена семейского говора имеют твердый суффикс *к* после парных мягких согласных: Ва́н'ка, Ва́л'ка, Ма́н'ка, Ва́р'ка, О́л'ка, Ду́н'ка, Га́л'ка, На́т'ка, Ма́ру́с'ка.

В связи с этим представляет интерес вариант-

¹ См.: Л.Л.К а с а т к и н. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в русских говорах. М., "Наука", 1968, с. 4.

² "Русская диалектология": Под ред. Р.И.Аванесова и В.Г.Орловой. М., "Наука", 1964, с. 75.

ное употребление подобных же бытовых имен с мягким суффиксальным к' после парных мягких согласных в говорах окружающих сибиряков. Так, например, в селе Мэнза Красночи́койского района Читинской области, где население наполовину состоит из забайкальских казаков и наполовину — из семейских, казаки произносят к' в бытовых полуименах: Ва́л'к'я, Ма́н'к'я, Ва́н'к'я, Жэ́н'к'я, Ол'к'я, Ду́н'к'я, Ма́ру́с'к'я, На́т'к'я.

Модель "мягкий согласный + к'" в собственных полуименах, связанная с прогрессивным ассимилятивным смягчением к, вызвала, очевидно, тенденцию к регрессивному ассимилятивному смягчению: ма́н'ка (манка?), ста́н'ка (стенка), ста́ро́н'ка (сторонка).

Можно отметить и другие фонетические изменения, которым подверглись имена христианского календаря на протяжении всей истории их бытования в семейском говоре:

1) в женских именах на -ия произошло выпадение редуцированного и в слабой позиции: Ма́рья, Со́хья, Луке́рья, Праско́вья, Да́рья;

2) в мужских именах и перед гласными перешло в і неслоговое или произошло отпадение начального и: Иа́ков — Иа́кью, Иере́мия — Иере́мэй, Иосиф — Ио́сиф, Осип и т.д.;

3) в ряде имен произошло стяжение гласных, устранение зияния, что привело к восстановлению русской слоговой нормы: Авра́ам — Абра́м, Дани́ила — Дани́ла, Гаври́ил — Гаври́л, Феодо́р — Хв'одэ́р, Феодо́сия — Хв'адос'а, Диони́сий — Д'анис, Феодот — Хв'адот, Хведо́т;

4) наблюдается сосуществование вариантов бытовых женских имен с суффиксами -ей (-ия), -ий (-йя): Ма́ре́йя — Мари́йя, Зинаве́йя — Зино́вьйя (реду-

цированный ш), Анастасѣя - Настасія, Агнѣя - Агнѣя, Праскавѣя - Прасковья. Наиболее употребительны варианты с народно-русским -ей в том случае, если на е падает ударение;

5) многие мужские имена на -ий потеряли конечные элементы и стали иметь основу на твердый согласный: Антоній - Антон, Дионісій - Д'аніс (Денис), Ефимій - Ефим (Ехим, Яхим, Есим), Захарій (Захар), Макарий (Макар), Софонія - Сахон (Сафон). Иногда наблюдается обратный процесс: присоединение -ий к именам на твердый согласный: Якинф - Акинфий, Кондратий, Климентий;

6) иногда в собственных именах наблюдается вставка интервокального согласного: Ларивон, Л'авон, Радивон;

7) упрощение групп согласных, нарушающих мелодику возрастающей звучности в слове, процесс живой в говоре: Евстафій - Стахей, Евмений - Меначка, Евстений - Ст'опа.

Иногда связь собственного имени с христианским календарем выражена чисто формально, что свидетельствует о появлении новых тенденций, критериев в развитии антропонимической системы говора. Например, в селе Шонуй Красночикийского района проживает мужчина по имени Январь. В его имени, возможно, выражена попытка родителей удержаться в рамках традиции, так как они знали, что раньше имя давали ребенку по календарю. За отсутствием в селе уставщика следование календарю выразилось в такой весьма курьезной форме имени, которая в бытовом общении обрастает рядом дополнительных экспрессивных оттенков: "Па уму-та јаво бы нада била празват' хиврал'", - сокрушаются старики, узнав об очередной легкомысленной выходке Января.

Образование бытовых вариантов личных имен обусловлено не только фонетическими, но и словообразовательными нормами диалекта.

Словообразовательной базой для русификации христианских календарных имен служат эмоционально-оценочные суффиксы, которые соединяются с усеченной основой имени.

Наиболее распространенным способом образования бытовых вариантов собственных имен в говоре является сложение одного слога производящей основы полного имени с эмоционально-оценочными суффиксами, возможно также сложение большего количества слогов:

1) с безударным суффиксом -ня: Хвен'я, Грин'я, Прон'я, Мин'я, Сян'я, Рон'я;

2) с безударным суффиксом -ша: Паша, Агаша, Даша, Маша, Саша, Параша, Являша, Матр'оша;

3) с ударным суффиксом -ан: Лупан (Луосан), Ст'алан, Авер'ян, Петраван, Кас'ян, Гур'ян;

4) с ударным суффиксом -уня: Маркун'я, Дашун'я;

5) с ударным суффиксом -ура, -юра: Нюра (Анна);

6) с ударным суффиксом -ута (-юта): Дашута, Мархута, Вас'ута;

7) с ударным суффиксом -ай (-яй): Мин'ай, Мит'ай;

8) с суффиксом -уха, -юха: Вал'уха, Машуха, Дашуха;

9) с суффиксом -к: М'акиска, Капитка, Аринка, Марка, Амоска;

10) с безударным суффиксом -очк (-ечк); -ичк: Есимачка, Ваничка, Леначка, Ариначка;

II) с безударным суффиксом -ушк, -юшк: Мар'юшка, Лидушка, Ван'ушка, Антипушка.

Некоторые особенности употребления суффиксов в говоре при образовании бытовых вариантов имен свидетельствуют о том, что экспрессивные суффиксы (уменьшительно-ласкательные, уменьшительно-уничтожительные) в прошлом были нейтральными, служили лишь словообразовательным средством русификации иноязычных личных имен. Об этом свидетельствует употребление уменьшительно-ласкательного суффикса -очк при образовании имен пожилых людей: дед Еси-мочка, бабушка Нюточка.

Таким образом, в личных бытовых именах семейского говора отражаются его произносительные и словообразовательные нормы, а также некоторые социальные черты бытового уклада носителей говора.

Т.М.Михайлов

ЗАМЕТКИ О ТОПОНИМАХ
УСТЬ-ОРДЫНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА

О некоторых топонимах тюркского происхождения. Учеными-специалистами немало сделано в установлении тюркоязычного пласта в топонимии Добайкаля. Но тем не менее названия целого ряда географических объектов, имеющие тюркское происхождение, остаются необъясненными или объясненными недостаточно. К числу таких мы относим, в частности, топонимы Куда, Идыга, Манхай и Байтаг.

Куда — река, правый приток Ангары. М.Н.Мельхеев выдвигает три возможных объяснения происхождения этого топонима. Во-первых, допустимо народное осмысление этого названия от бурятского слова худа 'свят' (худайн гол 'сватава долина'). Во-вторых, возможно другое толкование, согласно которому топоним К у д а возводится к названию бурятского рода худай, по имени сына Хоридоя. В-третьих, в этом названии можно усмотреть "наследие" топонимии тюркоязычного народа: кода (бурятское искажение худа) 'крутой', 'обрывистый', 'отвесный'. Именно этими чертами отличаются берега реки Куды¹.

Первые два объяснения топонима К у д а для

¹ См.: М.Н.М е л ь х е е в. Топонимика Бурятии. Улан-Удэ, 1969, с. 136.

нас не убедительны. Заслуживает внимания третий вариант этимологизации, но его следует развивать в ином плане. Выведение топонима от тюркского кода едва ли действительно, ибо такие признаки, как крутизна, обрывистость и отвесность, более свойственны берегам и долинам других рек (Ида, Оса и Лена), чем р. Куде. На наш взгляд, происхождение гидронима К у д а можно связать с древнетюркским словом кудай (худай) 'бог', которое и в настоящее время у многих тюркских народов сохраняет то же значение¹.

По наблюдениям исследователей, слово кудай нередко обнаруживается в составе этнонимов и личных имен. Ц.Б.Цыдендамбаев, рассматривая название рода худай хоринского племени, пришел к выводу, что этноним этот не этимологизируется на основе монголо-бурятских языковых данных и какие-то нити от него тянутся к тюркским языкам². И далее, аргументируя это предположение, он указывает на: 1) наличие родового ответвления кудайкул среди малой орды киргиз-казаков, 2) сходство названия одного из основных и, возможно, ранних кукуров худайского рода племени хорикудуй с родовым этнонимом алтайских тюрков кедье и 3) сведения Э.К.Пекарского о том, что у якутов в сказках упоминается местность Кудай дойду, что в Якутии есть озеро Кудай куэлэ и населенный пункт Ходой хол³.

¹ См.: "Русско-алтайский словарь". М., 1964, с. 32; "Русско-хакасский словарь". М., 1961, с. 65; "Киргизско-русский словарь". М., 1965, с. 436; В.В.Ряделов. Опыт словарей тюркских наречий, т. II, ч. 2. СПб., 1889, стб. 1735.

² См.: Ц.Б.Цыдендамбаев. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972, с. 205.

³ Там же.

Сведения Э.К.Пекарского, содержащиеся в его словаре¹, на наш взгляд, заслуживают пристального внимания, ибо они позволяют выдвинуть гипотезу о том, что якутские Кудай дойду, Кудай куэлэ и Ходой хол являются отзвуками названия первоначальной родины якутов — реки Куды, Кудинской долины и вообще Кудинского края. Такое предположение вполне согласуется с теорией южного происхождения якутской народности, прочно утвердившейся в советской исторической науке.

В приведенных Э.К.Пекарским названиях слово кудай занимает позицию определения. Следовательно, оно означает 'божественный', 'священный'. Кудинскую долину, действительно, можно рассматривать как священное место, ибо в ней расположены знаменитые в прошлом культовые места Манхай, Идыга, Байтаг и другие.

Манхай или Укыр Манхай — гора в живописной степной долине, неподалеку от окружного центра — пос. Усть-Орды. Гора знаменита, во-первых, тем, что на ней найдены захоронения бронзового и раннего железного веков и рунические надписи древнетюркского типа²; во-вторых, она считается святыней всего булагатского племени, местом захоронения материнского послета, предка булагатов³. В недалеком

¹ См.: Э.К.Пекарский. Словарь якутского языка. М., Изд-во АН СССР, 1959, стб. 1192; т. III, стб. 3435.

² См.: Э.Р.Рыгдылов и П.П.Хороших. Новые рунические надписи и знаки Прибайкалья. — "Труды БКНИИ", серия истор.-филологич., вып. 6. Улан-Удэ, 1961, с. 202-204; "История Якутской АССР", т. I. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1955, с. 193-194.

³ См.: С.П.Балдаев. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ, 1970, с. 61.

прошлом булагаты, расселившиеся по Иде, Осе и другим местам Добайкалья, ездили в долину Куды для принесения жертв на горе Манхай, считая ее обиталищем духа предков, то есть близкой, родной, священной¹.

Название горы Манхай возводимо к тюркским языкам: основа мана означает 'окружить забором', 'караулить', 'оберегать', 'охранять', а кай (бур. хай) 'скала', 'утес', 'гора', 'загородка', 'загон для маралов'².

Недалеко от горы Манхай находится улус Идыга (Ыдыгэ, Эдэгэ). На бурятской языковой основе этот топоним объяснить трудно. Имеется больше оснований выводить его от тюркского слова ыдыг со значением 'священный'. У тувинцев многие священные горы называются ыдыг-таг (букв. 'священная гора'). На них производились моления с посвящением им ыдыков (в данном случае со значением 'домашние животные'). У киргизов священное животное называлось ыйык. В древнетюркских рунических текстах встречаются названия гор с компонентом ыдык в значении 'священный'³: Тамар ыдык, ыдык Өтукен и т.д.

В якутском языке ытык означает: 1) 'жертва', 'жертвенный'; 2) 'почитаемый', 'уважаемый', 'святой', 'священный'; 3) в соединении с другими именами употребляется, как часть имени, для выражения

¹ Сведения С.П.Балдаева подтверждаются данными наших полевых исследований, проведенных в 60-х годах в Иркутской области.

² Э.К.Пекарский. Словарь якутского языка, т. 2, стб. 1513; Н.А.Баскаков. Географическая номенклатура в топонимии Горного Алтая. — "Топонимика Востока". М., "Наука", 1969, с. 70.

³ Л.П.Потапов. Очерки народного быта тувинцев. М., "Наука", 1969, с. 357, 359.

почтения: ытык хайа 'почитаемая гора'¹. По словарю В.В.Радлова, ыдык - 1) посланная от бога судьба; 2) посланный (богом), счастливый, благословенный, благой².

Улус Идыга также славится своей священной горой с одноименным названием, служившей в прошлом местом для ежегодных родовых жертвоприношений. Выражение Идэгэ Булеэн 'родной, почитаемый Булен' часто встречается в шаманских призываниях булагатов. Во время этнографической экспедиции в Эхирит-Булагатском районе осведомители сообщили нам, что Идыга является местом, откуда вышла какая-то группа монгол-бурханов (букв. монгольские бурханы), называемых часто хара (шара) монгол 'черные (желтые) монголы' и считающихся покровителями скота и домашнего благополучия. В прошлом, а в редких случаях и в настоящее время в особо тяжелых случаях (частый падеж скота, смерть детей и т.п.) в Идыгу приезжали из разных концов Эхирита, Качуга и Ольхона, чтобы поклониться "родине" монгол-бурханов. По мнению А.П.Окладникова, монгол-бурханы, то есть хара-монголы - это курыканы, предки якутов³.

Байтаг - название улуса и одной из наиболее выдающихся гор в долине р. Куды. Выведение этого топонима от тюркских слов бай 'богатый' и таг 'гора' обосновано, но нас интересует не только тюркоязычное происхождение этого топонима, но и историко-этнографические факты, связанные с этой горой.

¹ См.: Э.К.Пекарский. Словарь якутского языка, т. III, стр. 3847-3848.

² См.: В.В.Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. т. I, ч. 2, стр. 1381, 1382.

³ См.: А.П.Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937, с. 282-284.

Дело в том, что гора Байтаг – место жертвоприношения почти всех родов эхиритского племени. Ее значение для эхиритов было таким же, как значение горы Манхай для булагатов. До революции здесь устраивались грандиозные молебствия. Только на одном большом летнем тайлгане приносили в жертву до 100 лошадей и до 300 голов овец, собирались тысячи людей, праздник сопровождался массовыми гуляниями, состязаниями в борьбе и конных скачках. Гора знаменита и своими писаницами, датируемыми древнетюркской эпохой^I. К сожалению, писаницы эти уничтожены в 50-х годах в связи с добычей каменных плит для строительства.

Таким образом, имеются, на наш взгляд, достаточные основания утверждать, что Кудинская долина считалась священной еще в глубокой древности. Для тюркоязычного населения – курыканов – она, вместе с Манхаем, Идыгой и Байтагом, была такой же священной, как и для последующих его насельников – предков современных булагатов и эхиритов. Предки якутов, уйдя на север, не забыли свои прежние священные места, сохранили их названия в языке, устном творчестве. В процессе "монголизации" Кудинской долины, длившейся, вероятно, не одну сотню лет, бытовавшие прежде религиозные культы не были уничтожены, а были приспособлены к нуждам пришельцев. Постепенно, по мере формирования бурятской народности, значение тюркских апеллятивов Кудай, Манхай, Идык и Байтаг забылись местным населением, но сами эти слова сохранились как топонимы.

Изложенное нами позволяет сделать вывод о

^I См.: Э.Р. Рыгдыдон и П.П. Хорощих. Новые рунические надписи и знаки, с. 202-204.

том, что в начальной истории бурятского шаманизма определенную роль сыграли культы древнетюркского населения Прибайкалья, в частности, курыкан, и что топонимы являются одним из важных источников для изучения прошлой истории бурятского народа, его историко-культурных связей с другими народами и племенами.

Топонимы Бохан, Харатирген и Хоргилук нашли объяснение в трудах ряда исследователей¹. Но, по нашему мнению, их этимологизация все же недостаточно обоснована; поэтому мы считаем необходимым высказать свое мнение.

Бохан — рабочий поселок и центр Боханского района в долине р. Иды. По одному из вариантов, топоним этот выводится от бурятских слов бее 'шаман' и хан 'царь', 'владыка'; по другому варианту, второй компонент — хан осмысливается как модификация хун 'человек' или — хэн — суффикс женского рода. Следовательно, бее хун 'шаман-человек', бее хэн 'шаманка'. М.Н.Мельхеев, следуя за Э.Р. Рыгдылоном, находит более правильным истолкование компонента хан как суффикса женского рода — хэн, откуда Бохан в переводе значит 'шаманка'².

Объяснение начального компонента Бо от бурятского бее 'шаман' не подлежит сомнению. Спор возникает из-за второго компонента — хан. Рассмотрим

¹ См.: М.Н.М е л ь х е е в. Происхождение географических названий Иркутской области. Иркутск, 1964, с. 27-28; е г о ж е. Топонимика Бурятии. Улан-Удэ, 1969, с. II7, I71-I72; е г о ж е. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969, с. 26; Э.Р.Р ы г д ы л о н. Топонимические этюды. — "Зап. БМ НИИК, вып. XX. Улан-Удэ, 1955; е г о ж е. Топонимические этюды. Зап. БМ НИИК, вып. XXII. Улан-Удэ, 1956.

² М.Н.М е л ь х е е в. Топонимика Бурятии, с. II7.

все существующие три варианта его толкования.

I. Бохан < бур. бөө-хан 'шаман-царь'. Согласно данному варианту логично предположить, что когда-то в долине Иды, в местах расселения бурят готольского рода, жил шаман, являвшийся в то же время вождем, предводителем, ханом. Однако местный фольклор и шаманские материалы умалчивают об этом. Но в народной памяти сохранилось имя шамана Заяаша баабай Зарлиг Төөхэй (по другим вариантам, Заяаша үен или Зарник баабай), который, по устным преданиям, прибыл не то из Монголии (Баргутии), не то из Забайкалья из-за преследования со стороны лам и нашел приют у готов. После смерти он был похоронен на нынешней горе Шаманка вблизи улуса Аргахан (современного Бохана), сделался эжином — хозяином этой горы и покровителем готольских бурят. Зарлиг Төөхэй считался большим шаманом, после смерти как почитаемый дух пользовался известностью во всей Идинской долине¹. Однако нам думается, что название горы и села Бохан все же не связано с именем этого шамана.

Время, в которое жил упомянутый шаман, можно датировать ХУШ в., когда в Монголии и особенно в Забайкалье усилились преследования шаманов.

В Бурятии и также в Монголии имеется немало топонимов с окончанием -хан: Барагхан, Хугтэй-хан и т.д., которые и поныне пользуются широкой известностью и большим почитанием у верующих. В этих топонимах нетрудно заметить одну особенность: в каждом из них первый компонент означает собственное имя — Хугтэй, Бурин, Алтай и т.д. По данным преда-

¹ См.: С.П.Б а л д а е в. Избранное. Улан-Удэ, 1961, с. 183-187.

ний и мифов, владельцы этих имен были когда-то выдающимися людьми, в большинстве случаев шаманами, и после смерти стали эжинами указанных местностей, по своим функциям выходящими за родо-племенные рамки.

В названных топонимах второй компонент -хан действительно осмысливается как 'вождь', 'предводитель', 'царь'. И в целом перечисленные географические названия имеют религиозно-мифологическое (шаманское) происхождение. В дальнейшем под влиянием ламаизма произошла некоторая трансформация этих названий. Объясняется это тем, что указанные нами географические места в прошлом были крупными объектами почитания бурят и ламы в целях быстрого распространения своего влияния включили в ламаистский пантеон наиболее популярные местные шаманские культы (божества), полностью или частично изменив их названия или имена и прибавив к ним титул "хан"^I.

С топонимом Б о х а н получилась картина иного рода, так как сюда не дошло ламаистское влияние.

2. Бохан < бур. бөө-хун 'шаман-человек'. В данном случае превращение слова хун 'человек' в компонент хан может быть объяснимо лишь приспособлением данных слов к русскому произношению: өө передается через о, у через а. Но в географических названиях Бурятии нет такого аналога, где слово хун являлось бы топонимом или его компонентом.

3. Бохан < бур. бөөхэн 'шаманка'. М.Н.Мельхе-

^I Подобное же явление происходило в Монголии. См.: Э.М.М у р з а е в. Монгольская Народная Республика. Изд. 2-е. М., 1952, с. 17.

ев считает, что гора Шаманка (бее-хэн) является местом захоронения шаманки и что название горы перешло затем к селению. Основу для такого утверждения он видит в суффиксе -хэн, означающем якобы женский пол¹.

Несостоятельность такого толкования состоит, во-первых, в том, что буряты, как и монголы, никогда шаманку не называли беехэн. Для этого имелся специальный термин удаган-одегон. Во-вторых, в местных фольклорных или шаманских материалах не упоминается ни одного имени какой-либо шаманки.

Топоним Ш а м а н к а (Шаманский) широко распространен в Восточной Сибири. В Добайкалье и Забайкалье он обычно связан с культовыми местами бурят, в частности, с бариса и обо, расположенными преимущественно на перевалах, вблизи дорог, а necessarily с местами захоронения шаманов и шаманок.

Наличие суффикса -хэн (-хон, -хан), обозначающего женский пол, в бурятском языке лингвистами оспаривается. Это признает и сам М.Н.Мельхеев². Имеющийся в действительности суффикс -хан (-хон, -хэн) служит для выражения эмоциональной оценки, придавая слову уменьшительно-ласкательный оттенок. Например, Түмэр - Түмэрхэн (Түмэр - Түмэрчик), арюун - арюухан ('чистый' - 'чистенький'), дүтэ - дүтэхэн ('близко' - 'близенько'). Но отсюда вовсе не следует: бее - хэн ('шаман' - 'шаманчик' или 'шаманенок'), ибо с шаманской точки зрения такое словотворчество означало бы богохульство, оскорб-

¹ См.: М.Н.М е л ь х е е в. Топонимика Бурятии, с. II7.

² См.: т а м ж е.

ление служителя культа, на что верующие шаманисты не шли и не могли идти.

Таким образом, ни одна из рассмотренных нами этимологизаций не является приемлемой. А между тем происхождение топонима Б о х а н объясняется довольно просто, если учесть некоторые историко-этнографические и лингвистические факты.

Как уже сказано выше, рядом с селом Бохан, на северной стороне, имеется довольно высокая гора, названная русскими Шаманкой. Когда-то у ее подножия, у самого берега р. Иды, в тальнике, находился большой камень с древними изображениями, а рядом вытекал целебный источник — аршан. Камень и аршан считались святыней рода готол и служили местом поклонения и лечения. На самой горе, круто спускающейся к реке, росла густая березовая роща. Здесь выделялась одна могучая береза, на которой были развешаны снасти шамана Зарлиг Төөхэя, похороненного рядом. Береза и вся роща называлась бөөе ху-хан — (шаманская береза), подобно тому, как в других бурятских округах имелись бөөе нархан 'шаманская сосна', бөөе модон 'шаманский лес'. Гора, как место захоронения шамана, считалась священной, на ней устраивались родовые моления готолов¹.

У местных бурят существовало выражение бөөе хуянда гараха 'подниматься к шаманской березе'. У подножия горы находился улус Аргасан (Аргзыан). Топонима Бохан прежде не существовало, вместо определения "боханский" употребляли слова "идинский" или "готольский". Улус Аргасан был самым заурядным.

¹ Более подробно о культовом значении горы Шаманка и характере совершаемых в прошлом жертвоприношений см.: С.П.Б а л д а е в. Избранное, с. 183-186.

Его значение как культурно-административного центра начало подниматься со второй половины XIX в. Возвышение местных богачей Пирожковых и Трубачеевых, открытие школы, магазинов, церкви, фельдшерского пункта, установление резиденции Готольской инородной управы — все это способствовало разрастанию улуса и росту его влияния.

Вместе с тем росла популярность горы Шаманки, особенно шаманской березы — бее хуян. Каждый приезжавший в Аргасан по каким-либо делам считал необходимым посетить это культовое место, поклониться его эжину — бее хуянда гараха. Постепенно в словосочетании бее хуян произошло стяжение: в первом слове выпал йотированный е, а во втором сначала выпал ь, а затем гласный у: бее хан. После слияния этих слов название беехан распространилось на весь улус как более популярное, нежели прежнее Аргасан. В слове беехан гласный а под влиянием долгого ее стал звучать как е — беехен. Произношение слова беехен в речи западных бурят сохранилось до наших дней и слышится нередко, особенно в речи стариков. В русском произношении слово бее + хен превратилось в Бохан.

Кроме того, следует заметить, что гора Шаманка почиталась вплоть до 50-х годов, а знаменитая березовая роща, которую раньше не трогали, в годы Великой Отечественной войны почти полностью была вырублена. По словам известного улигершина А.А.Тороева (1973 г.) и местных знатоков Манжиханова из улуса Заглик и Михаханова из Улуса Тараса (1969 г.), береза, на которой висели атрибуты шамана Зарлиг Теехэй, существовала еще в начале XX в.

Все они единогласно утверждали, что происхождение названия села Бохан связано с шаманской бе-

резой - бөөе хуян.

Харатирген - улус в Боханском районе в 7 км от районного центра Бохан вверх по Иде. М.Н. Мельхеев правильно установил, что такое название имеет большое распространение и буквально означает "Черная деревня"¹. Однако в дальнейшем истолковании он допускает явную натяжку. "Улусы с таким названием располагались вблизи поселений знатных бурят: но-ионов, сайтов и богачей - тайшинских и думских центров. Они состояли из жителей, принадлежавших к низшему сословию, к трудовому, бедному и эксплуатируемому слою бурятского населения, т.е. простолюдином - хара хун. Такие улусы были вблизи Бохана, Бильчира, Алари, Корсакова и других"².

Приведенные нами слова не применимы к Харатирген улусу. Дело в том, что этот улус получил свое название не по социальным мотивам, а по тем морфологическим чертам, которыми отличалась окружающая его природа несколько веков тому назад. Улус расположился так, что с восточной стороны к нему подступала густая чаща. На южной стороне протекает река Ида, и сразу же от ее берегов возвышается высокая и почти отвесная гора, покрытая густым черным лесом, охватывающим ее юго-западную часть. С северной и северо-западной сторон, чуть подалее, улус окружали невысокие, полого спускавшиеся горы, покрытые густым сосновым лесом (тайгой). Улус, таким образом, находился на пятачке, в окружении гор, лесов и чащоб. Тойроод хуу хара модон байгаа (кругом черный лес находился), - утверждал в 1961 году

¹ М.Н. М е л ь х е е в. Толонимика Бурятии, с. 170.

² Т а м ж е.

местный 77-летний знаток старины С.Шоронов. Улус первоначально был маленьким и на общем черном фоне совершенно не выделялся. Отсюда и его название: хара тииргэн (досл. 'черное стойбище').

Улус Харатирген образовался, по-видимому, в конце ХУП - начале ХУШ вв. Об этом позволяют судить некоторые родословные данные, полученные от упомянутого нами С.Шоронова. По словам информатора, основателем улуса был Буурга, внук или правнук Готола. От Буурга идет уже девятое поколение. Богачей и нойонов типа Пирожковых и Трубачеевых тогда еще не было, а социальное расслоение в бурятском обществе не достигло такой степени, чтобы образовались селения по классовому признаку.

Если, как допускает М.Н.Мельхеев, в улусах, располагавшихся вблизи поселений богачей и нойонов, тайшинских и думских центров, проживали только бедняки и потому они получали эпитет "черный" в значении "простонародный", то такие селения, как Шунта, Хэрэтин, Заглик и Тараса, расположенные вокруг Бохана - резиденции тайши Пирожкова и других, также могли стать Харатиргенами. К тому же боханские богачи и нойоны более всего эксплуатировали жителей этих улусов, нежели жителей Харатиргена.

Хоргиллок - улус в Боханском районе в 25 км. от районного центра вверх по реке Иде. М.Н.Мельхеевым название улуса пишется: Хараелокский. Следуя за А.П.Окладниковым^I, он считает данное название искажением якутского слова Харыйаллах, обычного в топонимии Якутии и означающего 'место с елью', 'еловый остров', и допускает, что здесь могли жить предки якутов. В то же время он находит в топонимии

^I См.: "История Якутской АССР", т. I. М.-Л., 1955, с. 332.

ме созвучие с бурятским выражением Хара ялга 'черная долина', 'падь'¹.

И первое и второе объяснение представляется нам неубедительными. Автор данной статьи, будучи уроженцем этого улуса и интересуясь этнографией бурят, еще в студенческие годы, в конце 40-х годов, пытался найти ответ на вопрос: каково происхождение названия села? Улусные старики М.Балтахинов, Е.Григорьев и другие объяснили тогда очень просто, задав встречный вопрос: "ты не знаешь Хоргелогой ьальси (хоргилокский ветер)?" От названия этого ветра и образовался топоним Хоргилок, то есть от слова хорьехо- 'журчать', 'шуметь' (о воде); хорьесо улеэхэ 'с шумом дуть' (о шумном, вихрящемся ветре). Улус расположен в излучине долины Иды и окружен с восточной и южной сторон невысокими, но крутыми горами, разделенными довольно значительной падью, называемой Хоргилокской. Начиная с осени и особенно зимой, с верховьев Иды часто дует ветер, который, сделав поворот на изгибе долины, направляется прямо на улус и сталкивается с южной горой, покрытой лесом. Такой же ветер дует с Хоргилокской пади. При встрече ветров двух направлений, перпендикулярных друг другу, образуется шум, завихрение (хорьесо улеэнэ). В бурятском произношении название улуса Хорьелог переводится как 'шумный', 'ветренный'.

Улус образовался не ранее второй половины ХУП в., примерно 9 поколений тому назад. Основателем считается Хадайхан, отделившийся от своего от-

¹ См.: М.Н.Мельхеев. Топонимика Бурятии, с. 171-172.

ца Ошхэн, который жил в улусе Укыр. В прошлом, когда родовые связи были еще сильны, Хоргиллок называли Урда айл (Южная деревня), а Укыр-Хойто айл (Северная деревня). Никаких следов пребывания якутов в данной местности не обнаружено.

Ц.Б.Будаев

О НЕКОТОРЫХ ТОПОНИМАХ НОЕХОНА

Ноехон – название местности Селенгинского аймака Бурятской АССР, расположенной между притоками Селенги – Чикоем и Хилком. Основные жители этой местности являются выходцами из Тушету-хановского аймака Монголии, переселившимися в пределы Русского государства в самом конце ХУП в.¹ В качестве кочевий им были выделены Большелуг и Эе на р. Харлуне, несколько позже – на берегу Хилка². Сюда, в местность между Хилком и Чикоем, очевидно, перекочевали предки современных ноехонцев. Сородичи их поныне живут в селах Большелуг, Мурочи, Хилгантуй, Бурдун Кяхтинского и Эй (Усть-Эдуй), Харлун (Средний) Бичурского аймаков.

До Октябрьской революции на территории Ноехона было около двадцати разбросанных жалких кочевий скотоводов. После коллективизации сельского хозяйства эти мелкие стойбища кочевников постепенно были объединены в несколько крупных населенных

¹ См.: "История Бурят-Монгольской АССР", т. I. Под ред. А.П.Окладникова. Улан-Удэ, 1954, с. 101; Л.С.Пучковский. Монгольские рукописи и ксилографы Института востоковедения АН СССР, вып. I. М.-Л., 1957, с. 135; Ц.Б.Цыдендамбаев. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972, с. 238.

² См.: Ц.Б.Цыдендамбаев. Указ. соч., с. 238.

пунктов. В настоящее время в Ноехоне четыре больших села современного типа - Зурган-Дэбэ (по-местному - Дзургаан-Дэвэ), Тухум (Түхөм), Залан (Дзалаа) и Мэнгэй (Мэнгы). Но все названия прежних улусов сохранились. Во многих из них размещены колхозные отары и гурты. На территории Ноехона в данное время расположен колхоз им. XX партсъезда - одно из крупных в Селенгинском аймаке хозяйств. Центральная усадьба артели - село Зурган-Дэбэ, расположенное на живописном берегу Хилка.

Почти все географические названия Ноехона являются местными. При этом мы не включаем в топонимику этой территории названия крупных рек - Селенги, Хилка и Чикоя, которые протекают вне пределов данной местности и имеют эвенкийское происхождение (Селенга - от эвенк. сэлэ 'железо' + -нга 'железный'¹, Чикой - от эвенк. чука 'трава', 'зелень'², Хилок - от эвенк. килгэ 'точильный камень'³).

Лингвисты считают, что в монгольских языках аффикс -хан служит для образования женского рода⁴. Исходя из этого, Э.Р.Рыгдылон писал, что топоним Н о е х о н происходит от основы ноян 'князь', 'господин' и аффикса -хан (нояхан 'барышня')⁵.

¹ Б.Я.Владимирцов. Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском. - "Докл. АН СССР", серия "В", вып. 10, 1929, с. 173.

² М.Н.Мельхеев. Топонимика Бурятии. Улан-Удэ, 1969, с. 155.

³ Там же.

⁴ См.: Б.Я.Владимирцов. Следы грамматического рода в монгольском языке. - "Докл. Российской Академии наук", серия "В". Л., 1925, с. 38; Г.Ц.Цыбиков. Культ огня у восточных бурят-монголов. - "Бурятоведческий сб.", вып. III-IV. Иркутск, 1927, с. 63-64.

⁵ См.: Э.Р.Рыгдылон. Топонимические этюды. - "Зап. БМ НИИК", вып. ХУП. Улан-Удэ, 1956, с. 90.

Но допустимо и другое предположение¹. Интересующий нас топоним связан с названием горы Нойохон (< Нойохон-хаан). Она считалась основной горой, которой поклонялись верующие всей округи. По нашему мнению, название Нойохон состояло из двух самостоятельных слов: нойон, которое употреблялось здесь иносказательно, в значении 'главный', 'основной' (ср. монг. ноён орой 'пик', 'вершина', ноён нуруу 'главная верхняя поперечина крыши')² и хан, которое в данном случае означало 'дух-хранитель, хозяин этой местности'. При слиянии в дальнейшем лексических единиц нойон и хан слово нойохон (с выпадением конечного и первого слова) семантика компонентов стерлась, поэтому со временем к данному топониму добавилось слово хаан, имевшее то же значение, что и хан.

Характерно, что горы с постпозитивом хан(-хаан) обычно считались священными и на них совершались религиозные обряды "задаривания духов природы" (западнее Нойохон-хаана находятся такие же высокие горы Дэлгэр-Хаан или Ухэр-хаан, Дзалаа-хаан, которым также поклонялись жители того или иного близлежащего села). Отсюда можно предположить, что слово хан (~хаан) у древних монголов означало 'дух-хранитель' рода или жителей данной местности.

В этой связи вызывает интерес высказывание Х.Пэрлээ о том, что слово хан означало 'главный шаман - предводитель рода', а также 'дух - хранитель' рода³.

¹ При этом мы высоко оцениваем интересные и глубокие изыскания авторов названных работ.

² См.: "Монгольско-русский словарь". Под общ. ред. А. Лувсандэндэва. М., ГИС, 1957, с. 270.

³ См.: Х. П э р л э э. Монголын нийгэмлэгийн эртний хэдэн нэр томъёоны тухай. Улаанбаатар, 1956, с. 8, 9.

Халхасцы Тушету-хановского аймака к приходу в Ноехон, очевидно, были буддистами, так как буддийская религия в форме ламаизма распространилась в Монголии в XVI-XVII вв.¹ Но буддизм, как известно, использовал в своих интересах и элементы предшествовавшей ему шаманской религии, как поклонение "духам природы", устройство жертвоприношений духам-покровителям (тайлаганы).

В топонимике Ноехона преобладают названия, которые присвоены географическим объектам по каким-либо их приметам, признакам, свойствам, например, по цвету: Улаан хада 'красная гора', Цагаан арал 'белый остров'; по внешней форме, очертанию объекта: Хавчиг 'сжатый с боков',² (о горе), Хэлгэты 'наклонный', 'косой'³ (остров); по месту обитания зверей: Согоото 'изюбриное' (вокруг села высятся лесистые горы, где водятся изюбри); по наличию в данной местности какой-либо растительности, озера и т.д.: Моностоэ 'черемуховое' (недалеко от села растет черемуха), Булаг 'ключ' (рядом с селом течет родник), Хон-чулуута (< Хонин чулуута) 'местность с камнями, похожими на овец' (на восточной стороне улуса расположена невысокая гора с крупными камнями; издали кажется, будто там пасутся овцы). Некоторые населенные пункты названы по какому-либо заметному объекту, возле которого они расположены: Дзалаа (село) — по названию одноименной горы, у подножия которой находится населенный

¹ См.: БСЭ, т. 6. Изд. 2-е. М., 1951, с. 230.

² См.: "Монгольско-русский словарь", с. 495: хавчиг — 1) 'сплюснутый с боков'; 2) 'узкий'.

³ Т а м ж е, с. 586: хэлтгий 'покривившийся набок', 'покосившийся'.

пункт; Табхары ара 'северная сторона возвышенности с плоской поверхностью'¹ (бывшее кочевье), Ухаа увэр 'южная сторона возвышенности на равнине'² (бывший летник).

Часть топонимических названий связана с личными именами: Магваны угульджеэ 'зимнее стойбище Магбана' (от эпонима Магван), Бухын даваа 'горный перевал Буха' (за перевалом находилось кочевье семьи Буха), Хабтаан арал 'остров Хаптан' (владение потомков Хаптана).

Отдельные топонимы связаны с названиями родов и их ответвлений. Так, в местности Доодо нёго до недавнего времени находилось три обособленных друг от друга летних стойбища, называвшиеся Шарээдхан 'шарайты', Пээлитан 'палиевы' и Баанаэтан 'банавы'. Первое стойбище, видимо, было названо по одному из II хоринских родов — шарайт, представители которых издавна живут вместе с палиевцами и банавцами, являющимися ответвлениями монгольских родов; так, палиевцы — представители монгольского рода хорчид. Возможно, и название села Мэнгы связано

¹ См.: "Монгольско-русский словарь", с. 383: тавхар 'плоский', 'с плоской вершиной'.

² См.: т а м ж е, с. 383: ухаа 'холм', 'возвышенность на равнине', Слово ухаа в приведенном значении сохранилось лишь в данном топониме. В связи с этим можно отметить, что значение ряда слов, активно употребляющихся в исходном, халхаском диалекте, ныне забыто селенгинскими цонголами. Такие слова как ухаа, хабчиг, цаадам и другие в указанных выше значениях уже не используются в повседневной речи ноехонцев. Они сохранились в топонимах (с забытой семантикой) и в исходном диалекте. Эти и другие примеры показывают, что в лексике говора селенгинских цонголов (ноехонцев) после его отпочкования от халхаского диалекта произошли некоторые изменения.

с этнонимом мэнгэй, являющимся кукуром хоринского рода хальбин¹, так как ближайшими соседями ноехонцев с давнего времени являются хоринцы, живущие на правом (по течению реки) берегу Хилка.

Ноехонские топонимы образованы различными способами. Часто встречаются составные термины атрибутивной конструкции, то есть определение и определяемое (Улаан хада 'красная гора', Хара осо² 'черная вода'). Разновидностью данной конструкции является сочетание существительных в родительном и именительном падежах (Нойохоны ара³ 'северная сторона горы Ноехон', Модны дзаха⁴ 'опушка леса'). Следует отметить, что имеется тенденция к выпадению аффикса родительного падежа - ы, в результате чего сочетания последнего типа превращаются в фразеологически связанные (Нойохон ара, Модон дзаха).

Часть географических названий образовалась от нарицательных имен, выступающих в качестве собственных: Дэвэ 'бугорок', Нёго 'луг', Булаг 'ключ' (населенные пункты), Сохоз 'заболоченное место с травяными зарослями' (остров)⁵, Гурвалджин 'трост-

¹ См.: Ц.Б.Цыдендамбаев. Бурятские исторические хроники и родословные, с. 205.

² Название острова.

³ Название летнего стойбища.

⁴ Небольшой населенный пункт.

⁵ Слово сохоз в настоящее время в речи ноехонцев не употребляется. Оно сохранилось лишь в приведенном названии острова. Между тем оно находится в активном употреблении в западно-бурятских говорах. Ср. нижеуд. сокээ, ад.-унг. сохээ 'заболоченное место с кочками'. Очевидно, слово сохоз, как и название реки Чикой (бур. Сүхэ, цонг. Цүхэ) восходит к тунгусо-маньчжурским языкам: нег. чоха, эвен. (камч.) чукаг 'травяные заросли у воды', нан. чока, эвенк. чука 'трава'. Но название сохоз перешло в ноехонский топоним непосредственно из халхаского диалекта, а не из тунгусо-маньчжурских языков. Ср. халх. и ноех. с (сохоз) // тунг.-маньчж. ч (чоха, чбка, чука).

ник обыкновенный' или 'осока' (остров, находящийся рядом с предыдущим). Слово гурвалджин в значении 'тростник' зафиксировано в старописьменном монгольском и бытует в современном монгольском языке (монг. гурвалджи)¹. Слово образовалось, по-видимому, от основы гурва 'три' и составного аффикса -дджи(н) - досл. 'треугольный', так как у этих трав "стебли трехгранные"². Они растут преимущественно на влажных, болотистых местах и по берегам водоемов³. Кстати, на острове Гурвалджин имеется довольно большое озеро, вокруг которого обильно произрастает тростник (осока)⁴. Слово гурвалджин в указанном выше значении в речи жителей Ноехона отсутствует. Оно сохранилось только в данном топониме.

Некоторые топонимы образованы аффиксальным способом: Эмэгэнтэ (гора), Согоото, Моностоэ (улу-сы) - от именных основ эмэгэн 'старуха', согоо 'самка изюбря', монос 'черемуха' и аффикса -та (-тээ); Пазлитан (летнее стойбище) - от основы пазли (ответвление монгольского рода) и аффикса собирательного значения -тан; Шарээдхан⁵ (летнее стойбище) - от основы шарээд (хоринский род) и аффикса

¹ См.: Л.В.Д м и т р и е в а. Названия растений в тюркских и других алтайских языках. - "Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков". Л., "Наука", 1972, с. 222.

² БСЭ, т. 31, с. 318.

³ Т а м ж е.

⁴ Названия таких растений, как тростник, камыш и осока в монгольских и других языках нередко переплетаются между собой.

⁵ Шарээдхан < Шарээдхан или Шарээдаархан (выпало окончание родительного падежа -ы или орудного падежа -аар - шарайты).

собираетельного значения -хан, характерного для цонгольского говора (ср. бур. лит. -хин). Аффиксы -тан, -хан обозначают здесь группу людей, объединенных по принадлежности их к одному роду или его ответвлению, и по общности места их жительства.

Почти все топонимы на территории Ноехона имеют монгольское происхождение: Моностоэ - от основы монос 'дерево черемухи', Согоото - от основы согоо 'самка изюбря', Тухем 'котловина', Хотогор 'лощина', Дабхар 'ряд', Дээлаа 'кисть на шапке', Цагаан ярал 'белый остров', Дээдэ дэвэ 'верхний бугор', Хэлтэги 'кривой', 'боковой' (остров) и т.д.

Лишь в единичных случаях обнаруживаются географические названия немонгольского происхождения: Цаэдам (село) < тиб. ца 'соль', дам 'грязь' (цай - определение к дам) - досл. 'соленая грязь'; Бунхан (гора) < тиб. спунгс-кханг 'гробница', 'усыпальница'. Надо думать, что эти слова были заимствованы монгольским языком из тибетского до откочевки части халхасцев в пределы России. Заимствования Цайдам, Бунхан употребляются в монгольском языке и сейчас¹. Эти отдельные иноязычные заимствования проникли в топонимику Ноехона вместе с лексикой исходного, халхаского диалекта, носителями которого первоначально были предки современных ноехонцев. Пока не поддаются этимологизации лишь отдельные топонимы, например, названия сел Тагалсар²,

¹ См.: "Монгольско-русский словарь": цайдам 'солончак', 'солончаковая местность'; бунхан - 1) 'гробница'; 2) 'часовня'.

² Видимо, от нарицательного имени тагалсар // тагалтар - тунк. 'двухлетний изюбрь', закам. 'трехлетний изюбрь'.

Мэргэстэ¹, Царам², кочевья Удзеелэз³ и острова Цороон⁴.

Таким образом, следует предположить, что рассмотренная топонимика данной местности создана ноехонцами в ходе ее освоения. Кроме приведенных выше монголизмов, сказанное можно подтвердить и такими диалектными данными, как оканье типа осо 'вода' – в названии острова Хара осо – досл. 'черная вода', н'ого 'луг' – в топониме Доод н'ого 'нижний луг', оформление родительного падежа аффиксом -ы (модны – в топониме Модны дзыха – досл. 'опушка леса'; ухаагы – в названии стойбища Ухаагы увер – досл. 'южная сторона холма на равнине') и другими, что так присуще для речи селенгинских цонголов-ноехонцев. Ср. хор.-бур. уьан 'вода', нуга 'луг'⁵, модоноэ 'дерева'; халх. ус(ан), нуга – то же⁶.

Местный характер топонимических названий Ноехона свидетельствует о том, что к моменту заселения современными жителями данная территория была свободной, необжитой. Основной причиной этого явилось, очевидно, неудобное географическое положение

¹ Может, от основы мэргэсэр 'трехлетний кабан' (с выпадением конечного слога) и аффикса -тэ.

² Данное название сравнимо со словом сарам, зафиксированном в значении 'болотистая поляна в лесу' (бур. сарам соответствует цонг. царам).

³ Возможно, от основы удзееен(монгольский род) и аффикса -лээ.

⁴ Остров расположен между протоками Хилка.

⁵ Оканье в говоре соседних тугнуйских бурят типа оюо 'вода', хоюо 'береза' связано с языковым влиянием на него со стороны ноехонцев.

⁶ Отсюда видно, что в фонетике говора ноехонцев за время его самостоятельного бытования произошли отдельные изменения, например, оканье вместо уканья в халхаском диалекте (уканье характерно для собственно бурятских говоров и т.д.).

данной местности: она изолирована от внешнего мира с трех сторон крупными реками Селенгой, Чикоем и Хилком. Это обстоятельство крайне мешало транспортно-экономическим связям местных жителей, особенно в то далекое время, когда возможности преодоления подобных водных преград были весьма ограничены (отсутствие мостов, паромов и т.д.).

Изучение топонимики Ноехона показывает, что в говоре селэнгинских цонголов за время его самостоятельного бытования произошли некоторые фонетические, грамматические и лексико-семантические изменения.

Д.Г. Дамдинов

О ТОПОНИМИКЕ БАСЕЙНА РЕКИ ОНОН

Одним из широко известных топонимов в Забайкалье является название р. Онон, бассейн которой, по признанию историков, в средние века занимали монголы.

В древних летописях и исторических сочинениях монголов часто упоминаются названия местностей, рек и гор, расположенных в бассейне р. Онон. Многие географические названия, упоминаемые в летописях и других произведениях, не сохранились. По-видимому, часть из них была заменена другими названиями.

О более ранних периодах истории обитателей бассейна р. Онон мы располагаем лишь отрывочными данными, базирующимися частично на легендах и археологических находках. Эти скудные данные не позволяют правильно и всесторонне уяснить в отдаленной исторической ретроспекции топонимику р. Онон.

Географические названия бассейна р. Онон в большинстве своем древние и поэтому являются своего рода историческими памятниками, хотя их первоначальное звучание несколько изменилось, приблизившись к звучанию слов живых монгольских языков и диалектов. Топонимические данные этих мест помогают установить границы былой общности этнических групп, которая позднее разрушалась.

Главные события, о которых повествуется в

"Сокровенном сказании" и частично в "Алтан тобчи", разворачиваются на берегах р. Онон. Это и понятно, потому что здесь в древности жили монголы. Но теперь в этих местах живут буряты, в том числе ононские хамниганы и русские.

В упомянутых сочинениях встречаются топонимы, сохранившиеся до сего времени, например: Онон мурэн — река Онон, Дэлжун болдог — Дэлжун-Болдок (букв. 'селезенка-бугор'), Экэ арал — Икарал (букв. 'мать-остров'), Бальджу(н) арал 'остров Бальджина' и другие.

Топоним О н о н этимологизации не поддается, и не известно, кем создано это слово. Местные буряты и хамниганы, живущие по берегу р. Онон, в своих песнях и других жанрах фольклора часто обращаются к ней почтительно со словами: Онон хатан (букв. 'Онон-царевна'), Онон хатан-эхэ (букв. 'матушка — царевна Онон'). Такое почтительное, возможно, культовое обращение к р. Онон, по-видимому, дошло до наших времен из далекого прошлого, ибо еще в "Сокровенном сказании" встречаются выражения типа экэ Онону эрги дээрэ 'на берегу матушки-Онон'. Это отчасти, должно быть, связано с тем, что Онон — река горная, с бурным течением, а в дождливое время очень свирепа, выходит из берегов, сметает и уносит с собой все, что попадает на ее пути. Поэтому люди были бессильны перед бушующей рекой, им оставалось только молиться и просить у нее пощады с другой стороны, как свидетельствует "Сокровенное сказание", р. Онон служила кормилицей для немощных — еще в то время люди ловили в ней рыбу для пропитания. Кроме того, на берегу Онона, на Бурхан Халдуне и других горах, поросших лесом, люди укрывались от врагов, или, наоборот, сама река стано-

вилаась труднопреодолимой преградой для врага.

Употребление почтительного обращения еке (ма-тушка) по отношению к р.Онон, как полагает Н.П.Шасти-на, относится к древнему дошаманскому культу¹. Правда, точно не установлено, к какому народу, пле-мени или роду относится этот дошаманский культ.

А.П.Окладников пишет, что, по сообщению Плано Карпини, древние монголы делились на две группы: "Йека-монгол", то есть великие монголы, и "Су-мон-гол", то есть водяные монголы, сами же себя они именовали татарами от некоей реки, которая течет через их страну и называется татар... Вполне воз-можно, что эти загадочные "речные монголы" началь-ного периода монгольской истории, обитавшие в райо-не Онона и Керулена, являются потомками жителей этих мест, оставивших свои могилы около ст.Оловян-ной и в местности Бурхотуй"².

В среднем течении р. Онон, напротив центра Ононского района с. Нижний Цасучей, между двумя рукавами р. Онон, расположен большой остров Экэ арал (букв. 'мать-остров'), в местном русском про-изношении - Икирал. Позже русские поселенцы основали деревни, одна из которых, недалеко от с. Нижний Цасучей, получила название этого остро-ва - Икирал.

Видимо, размеры острова (ширина - около 10 км и длина - почти 20 км) послужили основанием при-своения острову названия Экэ арал (букв. 'мать-ост-

¹ См.: Лубсан Д а н з а н. Алтан тобчи (Золо-тое сказание). Пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н.П.Шастиной. М., "Наука", 1973, с. 320.

² См.: А.П.О к л а д н и к о в. Бурхотуйская культура железного века в юго-западном Забай-калье. - "Тр.БКНИИ СО АН СССР", серия востоковед., вып. 3. Улан-Удэ, 1960, с. 28-29.

ров' или, возможно, большой остров). На этом же острове, самом большом из всех островов на р. Онон, находится урочище Дэлун-Болдок. По "Сокровенному сказанию", основатель монгольской государственности Чингис-хан родился в местности с таким же названием. Это урочище расположено на острове, ближе к левому рукаву, недалеко от с. Кункур Агинского района, в нескольких сотнях метров выше брода через Онон¹.

П.Б.Балданжапов писал, что, по преданию, Чингис родился в Дэлун-Болдоке, ниже Экэ-Араля, в урочище Алтан-Улгы². Топоним Алтан-Улгы (букв. 'Золотая люлька'), как кажется, не имеет отношения к истории Чингиса, ибо ни в какой летописи об этом не упоминается. Или, может быть, это образно-почтительное название местности Дэлун-Болдока, где родился Чингис.

К тому же в "Алтан тобчи" вполне определенно сказано, что Чингис родился на острове. В этой летописи говорится: "Во время пребывания в Дэлигун-Болдаге на Ононе в год черной лошади (или 1162г.), в первый летний месяц, в полдень шестнадцатого дня родился Чингис-хаган... После того прошло семь дней со времени рождения Темучина посредине островка на море..."³. Хотя здесь применена гипербола (река превратилась в море), но все же речь идет об

¹ О месторасположении урочища Дэлун-Болдок рассказал нам Г.Н.Найданов, 1903 года рождения, пенсионер, бывший учитель географии, проживающий в пос. Агинском.

² См.: П.Б.Б а л д а н ж а п о в. Заметки о топонимике Забайкалья. — "Этнографический сборник", вып. 1. Улан-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1960, с. 89.

³ Лубсан Д а н з а н. Алтан тобчи, с. 65, 66.

острове, защищенном со всех сторон естественной преградой — рекой.

Н.П.Шастина читает и переводит это выражение как *dalai-yin qoyu* 'морской островок'. "Оно часто встречается и в фольклорных произведениях и в данном случае указывает на легендарность всего рассказа"¹. Отсюда видно, что в памяти народной сохранились названия острова и урочища на нем, но многие факты, связанные с рождением Чингиса, приобрели легендарный характер.

Следует отметить, что в отношении местонахождения интересующей нас местности мнения ученых несколько расходятся. Так, обобщая высказывания русских и советских ученых: Г.Н.Потанина², И.А.Юренского³, Г.Е.Грумм-Гржимайло⁴, В.Васильева⁵, проф. С.В.Киселев писал: "...урочище Делюн-Болдок находится на правом берегу реки Онон, в 5 км выше с. Верхний Цасучей Ононского района Читинской области"⁶. Выходит, урочище расположено с правой стороны р. Онон почти напротив горы Батор, а не на острове Эке арал (по нашему мнению, урочище распо-

¹ Лубсан Д а н з а н. Алтан тобчи, с. 314.

² См.: Г.Н.П о т а н и н. Очерки Северо-Западной Монголии. Материалы этнографические, вып. IY. СПб, 1883, с. 806.

³ См.: И.А.Ю р е н с к и й. Местность Делюн-Болдок на берегах реки Онон. — "Зап. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва", т. II, ч. III, 1856, с. 5.

⁴ См.: Г.Е.Г р у м м - Г р ж и м а й л о. Западная Монголия и Урянхайский край, т. П. Л., 1926, с. 64, 65.

⁵ См.: В.В а с и л ь е в. История и древности Восточной части Средней Азии от X до XIII века. — "Труды вост. отд. археол. о-ва", ч. IY. СПб., 1839, с. 140.

⁶ С.В.К и с е л е в. Древние города Забайкалья. — "Сов. археол.", 1958, № 4, с. 113.

ложено на острове). Две вершины горы Батор связаны, по преданию, с именем Чингиса. На одной из них имеется углубление, которое называется "чашка Чингис-хана", а на другой происходили камлания бурятских шаманов в честь Чингиса¹.

Монгольские ученые (О. Жамьян, Инжиннаш, Х. Пэрлээ, Ц. Доржсурэн) придерживаются другого мнения. В частности, Ц. Доржсурэн пишет, что "в верховье реки Онон, на стыке его с речкой Бальджин, расположены три небольших озера. Более ста лет назад на месте этих озер была кочковатая низина, а к северу от них расположен увальчик. Среднее озерко имеет в середине небольшой остров, похожий на дэлиун 'печень'. Поэтому в XIII веке могли назвать остров Дэлиун-Болдаг².

Следовательно, по мнению монгольских ученых, место рождения Чингиса находится в верховьях р. Онон, а, согласно мнению советских ученых, — в ее средней части. Расстояние между этими местами — 300—400 км. Таким образом, вопрос о точном определении местности Дэлиун-Болдок остается открытым. Но, как нам кажется, имеется больше аргументов в пользу мнения советских ученых.

В пойме р. Онон находится множество других безымянных островов. В "Сокровенном сказании" упоминается один из островов под названием Бальджунарал на Ононе³. На наш взгляд, название это дошло до нас в виде Бальджин арал (букв. 'остров Бальджи').

¹ См.: Ц. Д о р ж с у р э н. Чингис хааны төрсөн Дэлиун болдог хаана байна. — "Studia archaeologica", т. I, fasc. 2. Улаанбаатар, 1960, с. 3.

² Ц. Д о р ж с у р э н. Указ. соч., с. 14.

³ См.: С. А. К о з и н. Сокровенное сказание, т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, с. 81.

В "Сокровенном сказании" встречается упоминание о Тэргунэ ундур¹ (букв. 'высота быстрой'). Ныне в Кыринском районе Читинской области есть село Турген и реки Западный Турген и Восточный Турген. Эти речки берут начало с Тургеновской горы. Вполне возможно, что именно об этой горе идет речь в "Сокровенном сказании", ибо по звучанию схожи и, как свидетельствует генетив слова тургэн, гора получила свое название от названия речек.

В "Сокровенном сказании" слово керу означало 'бор за горой'² (монг. керу 'лес на северном склоне'). Нам представляется, что названия долины и речки Кыра, а затем названия села Кыра и Кыринского района Читинской области восходят к этому слову.

Дело в том, что в долине Кыра ландшафт гор именно таков: все горы до вершины покрыты лесом с северной стороны, тогда как солнечная сторона их совершенно голая.

Многократно упоминаемая в старинных летописях знаменитая гора Бурхан-Халдун расположена на территории МНР в верховье р. Онон³.

Многие топонимические названия по р. Онон, упомянутые в летописях, как-то: местности Тобучагундур, Хорхоняк, речка Кимурга, местность Хорцахурбоддок на мысе Бэдэр, Тава горохан, местность Бутоган-болхурчи, урочище Хара-чжируген по речке Сэнхур, озеро Аргалита (букв. 'озеро горного козла'), гора Цагарай-хан, круча Джалман хама - остаются

¹ См.: С.А.К о з и н. Указ. соч., с. 92.

² Т а м ж е, с. 526.

³ См.: Ц.Д о р ж с у р э н. Указ. соч., с. 9.

лишь летописными названиями, ибо нам пока неизвестно, где они находятся. В "Сокровенном сказании" говорится: "... они сразились в Далан-Бальджуте. Чингис-хаган бежал в ущелье Джерене (в "Алтан тобчи" - Джаргана) на Ононе"¹. Такого ущелья мы также не обнаружили.

Р. Онон при слиянии с р. Ингодой образует р. Шилку, которую в старину, видимо, называли Кан-мурен. В "Сокровенном сказании" сказано: "... при впадении в Эргуне (бур. Үргэнэ - Аргунь) реки Кан-мурен"². Отсюда видно, что р. Аргунь (или Үргэнэ) сохранила старое название, а р. Шилка - не сохранила.

В настоящее время в составе микротопонимов Онона встречаются названия, образованные от соответствующих этнических наименований. Так, например, названия современных сел Узон, Токчин, Гунуй происходят от соответствующих названий родов узон, токчин, гунуй.

Мы предполагаем, что и название с. Мангут также возводимо к названию какой-то монголоязычной этнической группы.

В бурятском языке имеется слово мангад со значением: в фольклоре - 'чудовище страшной силы', а в разговорном языке - 'русские'. Этнотопоним М а н г у т, на наш взгляд, представляет собой название древних жителей этой местности, а с течением времени по мере забывания основного значения это слово обрело другое содержание. Случаи использования этнических названий в качестве названий

¹ См.: С.А.К о з и н. Сокровенное сказание, с. II2.

² Т а м ж е, с. II6.

населенных пунктов встречаются у многих народов нашей страны. "В топонимии того или иного района находят отражение не все этнонимы данной территории, однако в составе географических названий могут сохраниться древнейшие этнические имена (племенные названия), давно забытые потомками их носителей"¹. Так, по-видимому, получилось со словом мангут, ибо в "Сокровенном сказании" и "Алтан тобчи" перечисляются многие родо-племенные названия, среди которых есть племенное название "мангут"².

В с. Мангут в свое время был пограничный караул. Некогда там проживали только русские. Поэтому, как свидетельствует народная этимология, оронские хамниганы до сих пор называют ее Мангад хараул (букв. 'Мангут-караул'). На самом же деле русские казаки, по-видимому, называли свое поселение по этнониму живших там местных людей.

Название ныне существующего бурятского улуса Боржигонтай, по-видимому, также восходит к древнему названию монгольского рода - борджиг, который считается родом Чингис-хана, и образовано от него с помощью весьма продуктивного суффикса -нтай аналогично тому, как собственное имя Борджигидай образуется от этой же основы посредством суффикса -дай³.

Можно было бы связать с той же основой микро-топоним Борзя - название речки (по-бурятски Бооржын гол). Однако, как довольно убедительно доказал В.А.Казакевич, Бооржо восходит к "борджин (бор-

¹ Дж.Л а т ы н о в. Этнотопонимы Маргилана. - "Сов. тюркология". Баку, 1974, № 5, с. 51.

² С.А.К о з и н. Сокровенное сказание, с. 83; Лубсан Д а н з а н. Алтан тобчи, с. 104.

³ См.: Лубсан Д а н з а н. Алтан тобчи, с.305.

дзон)" 'солончаковая грязь', 'болото'¹. И, действительно, как мы могли убедиться на месте, местность там солончаковая.

Культовое почитание гор характерно для монгольских народов. Как пишет В.П.Дарбакова, "характер ландшафта Монголии (страны гор) породил у монгольских народов особое отношение к возвышенностям, созданным природой. На многих из них возводились культовые сооружения — овоо, которые складывались из камней или рогов горного козла. Любое естественное, искусственное возвышение, поднятое над "земным", наделяется сверхъестественной силой"². Точно так же горы почитались у бурят и олонских хамниган.

Период самостоятельной жизни бурят в бассейне р. Онон исчисляется несколькими столетиями, в течение которых им, конечно, приходилось защищать эти места от вражеских нашествий. О памятных местах, где происходили сражения, слагались легенды и предания, которые передавались из поколения в поколение. Так, например, недалеко от с. Будалан, расположенного немного выше острова Экэ арал, по левой стороне р. Онон, возвышается гора Батор. Как гласит предание, данная гора носит имя народного бурятского богатыря Бабажи-Барас-батора.

Когда-то в давнее время с правой стороны Онона на горе остановилось вражеское войско. Об этом известили Бабажи-Барас-батора. Немедленно вооружившись луком и доспехами, он выехал на гору с ле-

¹ См.: В.А.К а з а к е в и ч. Современная монгольская топонимика. Л., Изд-во АН СССР, 1934.

² В.А.Д а р б а к о в а. Орхонимия МНР. — "Ономастика". М., "Наука", 1969, с. 199.

вой, противоположной от врага, стороны Онона. Криком поздоровались два богатыря. Бабажи-батор первым стал угощать гостя табаком. Для этого он привязал кисет из сыромятной кожи к стреле и выстрелом отправил его на правую сторону. Получив кисет, богатырь вражеского войска закурил и затем, также привязав кисет к стреле, выстрелил из лука. Стрела с кисетом, не долетев до той горы бурятского богатыря, упала в воду. Не выдержав первого испытания, богатырь вражеской стороны со своим войском убрался восвояси. С тех пор та гора, на которой стоял бурятский богатырь, стала называться Батором, а противоположная гора с правой стороны, где стояло вражеское войско, именуется Гэдэргэ, что по-бурятски означает 'назад' или 'обратно',¹.

Гора Батор является господствующей высотой в радиусе нескольких десятков километров. На расстоянии 5-6 км к северу от нее раскинулся сосновый бор, где вековые сосны соседствуют с молодой порослью сосняка на площади около 10 га. Сосновый бор в середине необозримой агинской степи - такое не встречается в других местах. Этому бору также посвящено предание.

Бабажи-батор со своими воинами под натиском превосходящей силы маньчжуров вынужден был отступить к р. Онон. Войско его подошло к реке засветло, переправилось и остановилось на ночь в сосновом бору. Под покровом ночи разожгли много костров между деревьями бора и стали бегать вокруг этих костров, чтоб создать видимость "многочисленности"

¹ Приведенное предание см.: Ж.Б а л д а н-ж а б о н. Шэлэгдэмэл зохёолнууд. Улан-Удэ, 1958, с. 127-128.

своего войска. Преследовавшее маньчжурское войско подъехало к р. Онон к вечеру с правой стороны и остановилось там до утра. Увидев в лесу на противоположной стороне множество костров и "огромное количество" войска вокруг этих костров, маньчжуры здраво рассудили о невозможности дальнейшего продолжения войны и темной ночью убрались обратно на свою сторону.

Узнав утром об отступлении врага, Бабажи-батор понял, что война закончена и, выражая свою радость, стал говорить, что "на родной земле даже лес и камни помогают побеждать врагов". С тех пор тот сосновый бор именуется Сэрэг Нарьян (букв. 'войско-сосны')¹. Прошло с того времени много лет, а название степного соснового бора сохранилось.

Данное предание по своему содержанию напоминает историческое предание из "Сокровенного сказания", согласно которому войска монголов в 1204 г. выступили против найманов. Остановившись в степи Саари-кеере, стали совещаться, как быть дальше. Тут Додай-черби внес Чингис-хану такое предложение: "Наших-то мало. А сверх того, что мало, уже изрядно утомились. Давайте же широко развернемся и постоим в этой степи Саари-кеере, пока не войдут в тело кони. А тем временем пусть по ночам у нас, у каждой живой души, у каждого ратника зажигается по пяти костров сразу в различных местах. Будем наводить на неприятеля страх множеством костров. И коней своих откормим". Чингис-хан одобрил это предложение и тотчас отдал по войску приказ зажигать костры. Ночью, с высоты у истоков Канхархи, най-

¹ См.: Ж. Б а л д а н ж а б о н. Указ. соч., с. 128-130.

манские дозорные увидели множество огней и говорят: не сказывали ль нам, что монголов мало? А костров-то у них больше, чем звезд"¹. Сюжет этих двух преданий почти одинаков, в них только действуют разные лица. Может ли название горы Батор на Ононе также восходить ко времени "Сокровенного сказания"? Дело в том, что Чингис-хан сражался с тайчиудцами Аучу-Батора и Хадун-Орчина, которые сначала стояли на другой стороне Онона². Во всяком случае, нам кажется, что это не случайное совпадение. Возможно, что буряты приспособили старинное предание ко времени [действия] своего Бабажи-батора.

Бассейн р. Онон является горным краем — река течет по долине между гор. В теплое время года открывается взору прекрасная картина красот его пейзажа. Один из первых ученых-натуралистов П.С.Паллас, побывавший здесь в XVIII в., с восхищением писал: "Я не знаю, можно ли что-нибудь великолепное представить, как сии крутые по Онону и безлесные горы, коих полуденная сторона цветами сибирского черносливу тонущая; и цветущий "рододендрон даурский" сверху до подошвы вишнево-пурпуровым цветом одевались. Во всю мою дорогу я подобного сему, будто вымышленного, места не видывал"³. Большинство этих гор имело свое название. Среди них имеются не только отдельные горы, но и горные массивы по правой или левой стороне р. Онон.

Изучая топонимию Монголии, В.А.Казакевич за-

¹ С.А.К о з и н. Сокровенное сказание, с. 144-150.

² См.: т а м ж е, с. 117.

³ П.С.П а л л а с. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, половина I-я, 1772 и 1773 годов. СПб., 1788, с. 273-274.

метил, что "монголы в редчайших случаях обозначают длинную горную цепь или горный массив одним именем, а обычно присваивают каждой вершине, входящей в состав этой цепи и массива, отдельное название. Русские же и европейские исследователи чаще всего переносили название самой крупной вершины на весь массив. Таким образом, две горы Йэхэ Хэнтэ и Бага Хэнтэ, находящиеся в юго-восточной части этой горной группы, дали свое название всему массиву¹. Также и вся цепь гор, протянувшаяся с берега Онона на восток на протяжении 20-30 км, имеет одно название Адон-Челон (бур. Адуун Шулууун - букв. 'Табункамень'),

Прочно удерживаются те названия гор, которые издревле почитались бурятами почти на всем протяжении бассейна реки. Если гора священна и располагает своими духами, тогда к ее собственному названию добавляется слово уула - высокая горная гряда или отдельная гора, выделяющаяся своей массой, величиной среди окружающих ее гор. Например, в долине р. Онон к северо-западу от с. Будалан в 10 км располагается одна из таких гор Будалан уула (Будалан-гора). Культ этой горы обширен, к ней съезжались буряты многих окружающих сел, можно сказать целого района. На этой горе по определенным религиозным праздникам совершались церемонии жертвоприношений животных со всеми их ритуалами. Такая же "священная" гора Хан уула (Хан-гора) расположена в долине р. Онон, а в Агинском округе имеется Цогто уула (Цогто-гора).

Если гора менее крупная и менее "священная",

¹ В.А.К а з а к е в и ч. Современная монгольская топонимика, с. 8.

то на ней также проводятся религиозные церемонии местных групп бурят, то к собственному названию той горы прибавлялось слово обоо 'куча', 'груда', 'насыпь', 'курган': Шандалиян обоо – обо Чиндалея, Цагаан хундын обоо – обо Цаган хундуйя, Хабчилай обоо – обо Хабчила (букв. 'обо Теснины или Ущелья'), Адагалигай обоо – обо Адагалика и т.д.

На священных горах на Ононе бурятами и ононскими хамниганами проводились только религиозные церемонии, а погребение и сожжение умерших там не практиковалось. "Культ гор как мест, где обитают души предков (где и погребали мертвых), известен у ряда монгольских племен. К нему восходит и сооружение обо (округлых каменных насыпей) как жертвенника, где приносили жертвы предкам (онгод тахих), которые почитались в качестве хозяев данной местности (газрын зээд)"^I. Такой, более ранний обряд захоронения умерших, по-видимому, забыт бурятами сравнительно давно.

С распространением ламизма в состав сложных географических названий стали вводиться тибетские слова. Например, Лусадай хара уса – озеро Лусат (лусад 'дракон водяной'), Пиранлайн нуур – озеро Пиранглая (пиранглай 'деяние', 'судьба').

История заселения Забайкалья, в том числе бассейна р. Онон, наложила свой отпечаток на своеобразие топонимики этого региона. Начиная с ХУП в., этот край заселяют русские, с чем связано появление русских топонимов. Правда, их немного. Так, на-

^I Л.Л.В и к т о р о в а. Этно-культурные связи монгольских племен в древности и раннем средневековье. – "История и культура Востока Азии" (Центральная Азия и Тибет), т. I. Новосибирск, "Наука", 1972, с. 66.

пример, от слова олово было образовано название железнодорожной станции Оловянная. Слово олово было взято для образования нового названия не случайно. Дело в том, что в районе нынешней станции Оловянной имелись месторождения олова и медных руд, на базе которых литейным делом истари занимались монголы, а впоследствии русские. "Изготовление художественных изделий из металла - давнее занятие монголов. Богатство недр этой обширной территории и прилегающих к ней районов были известны еще киданям, которых многие исследователи относят к протомонголам. В киданьской империи Ляо наряду с другими ремеслами была развита и плавка металла"¹.

Русские люди, заселявшие бассейн Онона для охраны границ, основали казачьи станицы, которые именовались, как правило, по исконным названиям этих местностей: Чиндэнт Первый, Цасучей, Хубухай, Старый Дурунгуи, Курунжа, Могойтуй, Усть-Иля, Акша, Нарясун, Мангут, Кыра и Алтан. "Многие поселенцы приехали со своими семьями и были записаны сразу в казаки"².

Эти бывшие казачьи станицы были основаны одновременно. Так, например, Акшинский караул, основанный на берегу р. Онон в 1756 г., с 1872 г. становится городом (ныне районный центр Акша). Казачье поселение Чиндэнт в 1816 г. представляло собой крепость с фортштадтом из пяти улиц. В 1859 г.

¹ И.В.А с е е в. Два бронзовых зеркала из Чиндэнтского могильника. - "Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири". Новосибирск, 1972, с. 63, 64.

² "Русские старожилы Сибири (историко-антропологический очерк)". М., "Наука", 1973, с. 56.

отставными солдатами из тамбовского дисциплинарного батальона^I был основан поселок Ульхунский (ныне деревня Ульхун-Партия).

Встречаются составные топонимические названия, состоящие из бурятского и русского слов. Например, название с. Ульхун-Партия составлено из бурятского слова улхан 'наплыв на дереве' и русского - партия (то есть партия поселенцев-казаков). Ульхуном называлась гора, около которой была основана деревня. Данное слово, по-видимому, издавна употреблялось со значением 'гора', ибо еще в "Сокровенном сказании" имеется слово ульхун - одинокая гора, холм.

К этому надо добавить, что по левой стороне р. Онон возвышаются три одиноких горки посреди степи. Все они имеют одинаковое название Ульхун, которое уточняется словами, указывающими направление их расположения: самая дальняя, возвышающаяся у самой границы СССР с МНР, называется Верхний Ульхун (рядом с ней - одноименная деревня), и самая ближняя, недалеко от деревни Нарасун Акшинского района - Нижний Ульхун, а между ними находится Средний Ульхун, рядом с которым расположена деревня Ульхун-Партия.

В бассейне р. Онон в деревне Билютай Кыринского района проживают русские - старообрядцы. Название Билютай представляет собой монголо-бурятское название от слова билуу 'осалок', 'брусок'; билуутэ 'оселочный'.

В том же Кыринском районе появились современные топонимические названия населенного пункта Га-

^I "Русские старожилы Сибири (историко-антропологический очерк)", с. 57.

вань, рабочего поселка Халчеранга, населенного пункта и ТЭЦ Мордой. Семантика всех трех слов трудно объяснима. Можно лишь сказать, что рабочему поселку Халчеранга присвоено название одноименной пади. Вполне возможно, что оно восходит к эвенкийскому языку. Кетати сказать, такого рода топонимические названия с аффиксом -нга встречаются на территории Бурятии, например, Халчеранга - название пади в Мухоршибирском аймаке, Удэнга - название речки и местности в Селенгинском аймаке и т.д.

Отдельные населенные пункты по долине р. Онон приобрели названия по характерным признакам ландшафта определенной местности. Причем, судя по фонетическому облику отдельных слов, эти названия были присвоены, возможно, в то время, когда язык бурят еще не обрел самостоятельного пути развития. Например, Кункур - название села (от хунхар и кункэр 'впадина', 'ложбина', 'излучина реки', 'низкий овраг'); Ортуй - название местности (от урта 'длинный', 'долгий'); Нурын булам (Нуринск) - название села (от нурын 'обвалившийся' и булам и будун 'излучина'; 'изгиб реки', 'залив'; основное значение - 'угол', 'кривизна').

Топонимика р. Онон во многом состоит из прозрачных по семантике монголо-бурятских слов. П.Б.Балданжапов правильно подметил, что "большинство топонимов обозначает физико-географические особенности местности"¹. Кроме того, географическим объектам могут быть присвоены названия флоры и фауны, представителей животного мира, птиц и т.д. Примеры: падь Улваалдзагана (букв. 'красная смородина'), долина и населенный пункт Тарбалджи (букв.

¹ П.Б.Б а л д а н ж а п о в. Указ. соч., с.93.

'белоголовый орел'), долина и населенный пункт Тарбагатай (букв. 'содержащая тарбаганы'), долина Мангирта (букв. 'имеющая дикий лук'), падь Мойлто (букв. 'черемуховая'), падь Хабшуу // Хабчуу (букв. 'тесный', 'узкий'), речка, падь Харгуйта (букв. 'дорожная'), речка Хабирга (букв. 'ребро', 'бок'), долина Хатан (букв. 'царевна', 'княжна'), полуостров Хэлтэгэй (букв. 'наклонный'), остров на р. Онон Тэмээтэ (букв. 'верблюжья'), падь Булагта (букв. 'ключевая' и т.д.

Многие топонимы состоят из двухкомпонентных атрибутивных словосочетаний, например, долина Бутуу сибэр (букв. 'густая чаща'); гора Харгуйтын Ики (букв. 'дорожное начало'); падь Кукү алаг (букв. 'полосато-синяя'); падь Екэ сибэр (букв. 'большая чаща'); падь Бухын хунды (букв. 'бычий полый или пустой'); остров Ехэ арал (букв. 'большой остров'); остров Бага арал (букв. 'малый остров'); местность Улаан ганга (букв. 'красный яр', 'обрыв', 'высокий крутой берег', 'овраг'); падь Наран булаг (букв. 'солнце-ключ', 'источник', 'родник'); падь Эрдэнин ама (букв. 'рот драгоценности'); падь Нарин хунды (букв. 'узкий', 'тонко-пустой', 'полый'); местность Баян дэлгэр (букв. 'богатый', 'просторный'; 'обширный', 'широкий', 'открытый'); местность Уулзарай булан (букв. 'встречный угол'); местность Гангын гуу (букв. 'ладанка обрывистого яра'); падь, перевал Хамар дабаа (букв. 'нос-перевал') и т.п.

В оронимии бассейна р. Онон встречаются сложные названия, второй компонент которых составляет такие нарицательные синонимичные слова с общим значением 'гора', как, например: хада (Тарбагатайн хада - букв. 'гора тарбаганья'); уула (Баян уула -

букв. 'богатый горный край'); толгой (Гол толгой - букв. 'главная гора'); үндэр (Обоной үндэр - букв. 'высота обо', 'возвышенность обо'); шэлэ (Хусатын шэлэ - букв. 'березовый затылок', 'загривок'); дабаа (Тарбалджиин дабаа - букв. 'горный перевал белоголового орла').

В сложных оронимах определениями могут являться слова, обозначающие стороны направления и горизонта: Баруун хада (букв. 'западная гора'); Зүүн хада (букв. 'восточная гора'); Хойто хада (букв. 'северная гора'); Урда хада (букв. 'южная гора'); Дээдэ улхан (букв. 'верхняя одинокая гора'); Дунда улхан (букв. 'средняя одинокая гора'); Доодо улхан (букв. 'нижняя одинокая гора').

Подобные же слова употребляются и в сложных гидронимах: Зүүн нуур (букв. 'восточное озеро'); Дунда нуур (букв. 'среднее озеро'); Баруун нуур (букв. 'западное озеро'); Доодо гол (букв. 'нижняя речка'); Дээдэ гол (букв. 'верхняя речка').

В сложных гидронимах вторым компонентом могут являться слова: с общим значением типа уян 'вода', нуур 'озеро', гол, гориху 'речка', например: озеро Хара уса// уян (букв. 'черная вода'), озеро Бууралай нуур (букв. 'озеро седовласого'), речка Хуралгын гол (букв. 'речка Хурулгуя'), речка Амагаланай гориху (букв. 'речка, ручей спокойствия').

Иногда сложные топонимы бывают трехкомпонентными: Зүүн Наран булаг - падь (букв. 'восточный солнечный родник'); Баруун Наран булаг - падь (букв. 'западный солнечный родник').

Имеется много топонимических названий, образованных посредством суффикса обладания -та (-тэ, -то) и -тай (-тэй, -той), например, Нарьата - падь Нарасатуй (букв. 'сосновый'); Тэмээтэ - остров Тэ-

метуй (букв. 'верблюжья'); Тарбагатай – падь Тарбагатай (букв. 'имеющий тарбаганов'); Дабаата – гора Дабатуй (букв. 'перевальный'); Хайлааста – пади Хайластуй (букв. 'имеющий ильмы, вязы'); Шабартай – падь Шабартуй (букв. 'глинистый') и другие.

Редко встречаются топонимические названия, образованные аффиксом -ша (-шэ, -шо): Хуёеешэ – падь Кусочи (букв. 'имеющий каменные плиты для могильников'); Улаачи – речка, падь и деревня Улачи (букв. 'подводчик' или 'возница'); Такеэчи – речка, падь и деревня Такечи (букв. 'разводитель кур').

В топонимии бассейна р. Онон характерным фактом является именование одним и тем же названием разных объектов (горы, реки, села, долины). Например: по названию гор Дээдэ, Дунда и Доодо Улхангууд именуется деревни Верхний, Средний (или Ульхун-Партия) и Нижний Ульхуны; по названию реки Кыра – долина, а также районный центр с. Кыра; по названию горы Нарасун – деревня Нарасун; по названию горы Улей – река, долины и деревня Улей; по названию р. Иля – местность и деревня Усть-Иля (по-хамнигански Илээгэй адаг); по названию реки Могойто – долина, а также деревня Могойтуй; по названию реки Онон – долина, а также Ононский район с центром в с. Нижний Цасучей, овцесовхоз – Ононский с центром в с. Борджигантуй, колхоз "Онон" Токчинского сельского совета, Дульдургинского района, районная газета "Ононская правда", железнодорожная станция Онон, населенные пункты Онон, Ононское и Усть-Онон.

Надо полагать, что названия населенных пунктов, особенно русских, давались в новое время по мере пребывания переселенцев и присваивались по характерному топонимическому объекту этой местнос-

ти (гора, река, долина и др.). Некоторые топонимические названия, по-видимому, перенесены сюда из других мест. Так, часть саяно-алтайских и западно-монгольских племен перекочевала сюда во времена смут Галдан-Бошокту-хана и перенесла некоторые названия Западной Монголии и Алтая. Гидронимы Иля и Тарбагатай, названия местности и села Алтан, пади Улясутуй перенесены отсюда в район распространения ононских хамниган представителями родов сартул, урянхай, хатакин, узон и других.

Отдельные населенные пункты с 30-х годов переименовываются по названиям колхозов, к которым они стали относиться. Таким образом появились деревня Большевик в Ононском районе, деревня Единение и бурятский улус Улан-Цацык в Оловянинском районе.

Редко встречается совпадение микротопонимов разных мест, например, Кушуур// Кусжур - другое название с. Ульхун-Партия Кыринского района и Кушуур - местность в Ононском районе. В этих местностях жили ононские хамниганы. Данное название могло быть перенесено ими из одной местности в другую.

В топонимике бассейна р. Онон встречаются названия с аффиксами, характерными для эвенкийского языка, например, выше говорилось об аффиксе -нга (Халчеранга). Кроме того, встречается еще аффикс -хаан: Бальджихаан - название местности и речки; Агуцухаан - название речушки - левого притока речки Агуцу. Однако основы этих слов, на наш взгляд, восходят к монгольским языкам. Так, название Бальджихаан образовано от собственного имени Бальджи(н), Агуцу - возможно, от компонентов Ага и уцу. Слово ага, по-видимому, - древнее монгольское слово, одно из значений которого - "общее название

женщин в роде"¹. Этим словом, как думается, называли более крупную реку, отличая их от других мелких речек. Реки Агуца и Ага в Агинском районе, действительно, больше, чем другие речушки, впадающие в них.

Г.М.Василевич пишет, что "в лексике эвенкийского языка можно выделить пласт, общий для тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языков. Этот пласт представлен древнейшими понятиями - словами, например, эвенк. тала 'солонец в долине', маньч. тала 'степь', 'долина' и др."².

В бассейне р. Онон, наряду со словами тала - 'степь', 'долина' и худжир 'солонец', встречается слово таала со значением 'солонец'. От последнего образован топоним Таалачи (Солончаковая падь); возможно, это название восходит к слову тала со значением 'солонец', как и в эвенкийском языке.

Тунгусские топонимы распространены в районе р.Агуца - левого притока р.Онон около горы Сохондо, вокруг которой, а также в верховьях Чикоя и Ингоды когда-то, по преданиям, жили так называемые бродячие тунгусы (эвенки). Потому, возможно, в этом районе встречаются топонимы тунгусского происхождения.

Со времени заселения края русскими появились русские топонимы, например, Яма (небольшая падь), Ямын булан (изгиб суши, выступающий в форме полуострова) от слова яма, Михайло-Павловское (село), по преданию, образован от имен обрусевших братьев-

¹ Т.А.Б е р т а г а е в. Лексика монгольских языков. Докт. дис. М., 1948, с. 241.

² Г.М.В а с и л е в и ч. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, с. 664.

цонголов Михаила и Павла.

Отдельные топонимы этого края пока не поддаются этимологизации, например, Тутхулта (падь), Шандали//Чиндали (речка, падь Чиндалей), Турхэнэг (гора), Онон (река), Зудхэли (речка, падь).

В бассейне р. Онон встречаются естественные пещеры, каждая из которых имеет свое название. Например, известная ученым и путешественникам пещера, на стене которой раньше была монгольская надпись, называется Мангутской; около с. Будалан имеется Абаргайн нүхэн (букв. 'нора', 'грот удава'); на горе Адон-Челон сохранились Хээтэйн нүхэн (букв. 'нора', 'грот сестры') и Харшанай нүхэн (букв. 'нора, грот людоеда'). Пещера Хээтэйн нүхэн расположена недалеко от с. Уртуй, на горе, с правой стороны р. Онон.

Многие топонимы бассейна р. Онон сохраняют архаичное произношение, например:

	ст.-монг.	онон.хамн.	бур.
с.Цасучей	цасу + чи	цасу + чи	цаъа + ша
с.Такечи	такия + чи	такеэ + чи	тахья + ша
с.Икирал	Эке арал	Экэ арал	Эхэ арал
с.Кыра	кэру	кэру	Хэрэ
гора Ульхун	улхун	улхун	улхан
с.Кункур	кункур	Кункур	Хүнхэр
падь Хабирга	хабирга	Хабирга	хабъан
падь Хабчу	хабчуу	Хабчуу	Хабшуу

Таким образом, топонимика бассейна р.Онон – в основном монгольского и бурятского происхождения. Поэтому целый ряд топонимов поддается этимологизации. Долина р. Онон имеет сложную историю заселения, начиная с древнейших времен и до наших дней. Здесь жили не только аборигены – монголы, но и другие народы, двигавшиеся по территории всего Забайкалья. Поэтому в этом регионе встречаются топонимы тунгусо-маньчжурского и тюркского происхождения.

Г.Э.Базарова, С.А.Гурулев

К ИСТОРИИ НАЗВАНИЯ ОЗЕРА БАЙКАЛ

Этимологией гидронима Б а й к а л занимались многие исследователи. Его возникновение связывали с языками разных народов — тюрков, монголов, тибетцев. В.В.Бартольд в "Энциклопедии ислама" высказал мнение, что название "Байкал" происходит от названия народа байирку (байегу, баюрку), обитавшего, по сообщениям китайских летописей, в Прибайкалье в УП в.¹ Это объяснение оспаривается многими исследователями. Не удовлетворяет также широко распространенная версия о том, что слово Байкал происходит от тюркских слов бай и куль, означающих 'богатое озеро', ибо оно не опирается на какие-либо исторические источники², являясь "плодом ложной этимологизации"³.

Нельзя признать успешными и попытки этимологизировать название, исходя из монгольского или бурятского языков. Ф.К.Дриженко, один из первых исследователей глубин озера, полагал, что его название происходит от бурятских слов бай'стойбище',

¹ См.: Н.В.К ю н е р. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., Изд-во вост. лит., 1961, с. 35.

² См.: В.В.Б а р т о л ь д. Сочинения, т. 3. М., "Наука", 1965, с. 349.

³ М.Н.М е л ь х е е в. Топонимика Бурятии. Улан-Удэ, 1969, с. 13.

'стояние' и гал 'огонь' и должно переводиться как 'стоящий огонь'¹. Это мнение более, чем другие, под- держивал Г.Н.Румянцев, основываясь на сообщениях баргузинских летописей о том, что якобы на месте Байкала некогда существовала огнедышащая гора, ко- торая впоследствии провалилась и на ее месте воз- ник Байкал². Против этого мнения высказывается Х.Пэрлээ³, но он, к сожалению, не обосновывает сво- их возражений.

Б.Р.Буянтуев переводит слово Байгал с бурят- ского языка как "природный, естественный, натураль- ный, существующий"⁴. Но с таким объяснением не со- гласны монголоведа. Например, Г.Н.Румянцев резко возражает против такой этимологизации и считает, что она игнорирует "законы монгольских языков"⁵.

Несколько иначе к этимологизации слова Байкал подошел Э.Р.Рыгдылон, полагающий, что в основе это- го слова лежит тюрко-монгольская форма байгал 'большой водоем', 'множество воды'. В основе тако- го подхода лежит факт существования в лексиконе якутского языка слов баягал или байагал, переводи- мых как "обилие, богатство вод; большая, глубокая вода; море"⁶.

¹ Ф.К.Дриженко. Лоция озера Бай- кал. СПб., 1908.

² См.: Г.Н.Румянцев. Баргузинские ле- тописи. Улан-Удэ, 1956, с. 56.

³ См.: Х.Пэрлээ. Нууц товчоонд гардаг газар усны зарим нэрийг хайж олсон нь. Улаанбаатар, 1958, с. 7.

⁴ Б.Р.Буянтуев. К вопросу о происхож- дении названия "Байкал". - "Изв. АН СССР", серия геогр., 1951, №5, с. 51.

⁵ Г.Н.Румянцев. Русские источники ХУП в. о Байкале. - "Краевед. сб.", вып. III. Улан- Удэ, 1958, с. 5.

⁶ Э.Р.Рыгдылон. О названиях "Байкал" и "Ангара". - "Изв. АН СССР", серия геогр., 1953, № 5, с. 76-78.

Историю гидронимов Байкал, Иссык-куль рассмотрели Э.М.Мурзаев и С.У.Умурзаков¹. Они полагают, что эти гидронимы относятся к числу культовых географических названий, возникших под влиянием религии. В частности, бурятскую форму названия озера Байгал далай они считают "тавтологическим образованием: море + море". И далее исследователи пишут: "Но в монгольских языках далай имеет еще значения "необозримый, вселенский; верховный, всевышний". В данном случае мы видим заимствование из тибетского. Ср.: далай-лама "верховный, всевышний лама, живой бог на земле", букв. "лама-океан", т.е. лама, великий как океан, необозримый и всевышний, великий"². Э.М.Мурзаев и С.У.Умурзаков присоединяются к предположительному мнению В.А.Никонова о том, что Байкал означает "Святое море", поскольку его так называли "раньше русские поселенцы" и что, "возможно, это калька дорусского названия"³.

В рассуждениях Э.М.Мурзаева и С.У.Умурзакова не все представляется ясным. Совершенно нельзя говорить о заимствовании слова далай из тибетского языка. У тибетцев это слово появилось только в 1578 г., когда монгольский Алтан-хан пожаловал титул "далай" верховному ламе одной из буддистских сект Соднаму Джамцо. Считается, что далай представляет перевод на монгольский язык тибетского слова

¹ См.: Э.М.Мурзаев, С.У.Умурзаков. Гидронимы Иссык-куль и Байкал. — "Изв. АН СССР", серия геогр., 1974, № 6.

² Там же, с. 94.

³ В.И.Никонов. Краткий топонимический словарь. М., "Мысль", 1966, с. 39-40.

джамцо, означающего 'море'¹. Следовательно, если придерживаться рассуждения указанных исследователей, речь должна идти о соотношении слов б а й г а л и л а м а. Видимо, именно это и имеют в виду авторы статьи, потому что они ссылаются на тот факт, что дескать аналогично тибетскому название "Байкал" существовало у эвенков в виде Ламу².

Выведение слова байгал из тибетского лама не выдерживает критики. Этимологически это сделать невозможно. Во-первых, в тибетском языке отсутствует слово байгал. Во-вторых, ламаизм из Тибета проник в Монголию сравнительно поздно и стал господствующей религией только в конце XVI в.³ Еще позже получил распространение тибетский язык, который "делается как бы вторым литературным языком монголов XVII и XIX вв., отводя монгольскому письменному языку второстепенное место. В Монголии не только буддийское духовенство начинает старательно изучать тибетский язык, писать на нем, вести богословские диспуты, но и светское общество обращается к этому языку, монгольские князья и чиновники, — вообще все, кто только стремится стать образован-

¹ Е.И.Кычанов; Л.С.Савицкий. Люди и боги страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. М., "Наука", 1975, с. 79.

² Э.М.Мурзаев и С.У.Умурзаков приводят неправильное эвенкийское название озера — Лама, основываясь, возможно, на первых русских источниках об этом названии. На самом деле эвенки называют озеро — Ламу (см.: "История Сибири", т. I. Л., "Наука", 1968, с. 400; А.С.Шубин. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XII-XIX вв.). Улан-Удэ, 1979, с. 50-51.

³ См.: "Монгольская Народная Республика". М., "Наука", 1971, с. 67.

ными, начинают изучать тибетский язык¹. Этот факт распространения тибетского языка в Монголии только в XIII в. входит в противоречие с тем, что русские о названии "Байгал" получили сведения еще в начале XII в., то есть за столетие до этого². В-третьих, этимологизация ранними русскими поселенцами названия Байгал далай как "Святое море" могла произойти в результате слабого в то время знания народов Прибайкалья и их языков.

Первое название озера — Ламу — было принято и употреблялось в русских документах с 1640—1641 гг. по 1664 г.³ Постепенно, ознакомившись с бурятским народом, русские оставили эвенкийское название озера и перешли на бурятское Байгал, трансформировавшееся почти сразу в Байкал. Эвенкийское же название могло быть принято за бурятско-монгольское слово лама 'священник', заимствованное, конечно, из тибетского языка. В результате произвольной, но ложной этимологизации русские поселенцы могли называть озеро Святым морем.

Эти причины не позволяют согласиться с мнением о том, что название Святое море является калькой дорусского названия озера. Тем более нельзя согласиться с утверждением, что слово Байгал заимствовано из тибетского языка.

Предпринимаемые попытки этимологизации названия Байкал, в том числе и рассмотренная версия Э.М.Мурзаева и С.У.Умурзакова, имеют, к сожалению, как раз тот недостаток, на который, как мы отмети-

¹ Б.Я.Владимирцов. Монгольский сборник рассказов из Pancatantra. Пг., 1921, с. 51.

² См.: Г.Н.Румянцев. Русские источники ... , с. 4.

³ См.: А.С.Шубин. Указ. соч., с. 21.

ли выше, обращал внимание В.В.Бартольд, а именно: они не подкрепляются историческими источниками.

В последнее время попытку подойти к выяснению древних и средневековых названий озера Байкал, основываясь на историческом летописном материале (монгольские летописи), предпринял один из авторов данной статьи¹. Оказывается, в средневековых монгольских летописях "Сокровенное сказание" и "Алтан тобчи" упоминается "внутреннее" море, именуемое Тенгясом или Тенгис-далаем. В монголоведческих исследованиях² это море рассматривается как Байкал, хотя языковая принадлежность названий не определяется. Анализ событий, связанных с "внутренним морем", и взглядов различных исследователей позволил высказать мнение о том, что название Тенгис является древним тюркским названием озера, а название Тенгис-далай — его средневековым монгольским названием. Тюркское происхождение этих названий подтверждается также лингвистическими исследованиями³. Все это позволяет высказать предположение, что название Байгал появилось позднее середины XIII в. (дата написания "Сокровенного сказания"), но не позднее начала XIV в., поскольку к моменту прихода русских буряты называли озеро либо Байгалом, либо

¹ См.: С.А.Г у р у л е в. О древних и средневековых названиях Байкала. — "Изв. СО АН СССР", серия обществ. наук, 1974, № II, вып.3, с.102-107.

² Лубсан Д а н з а н. Алтан Тобчи (Золотое сказание). Пер., введ., коммент. Н.П.Шастиной. М., 1973; I. de R a s h e w i l t z. The Secret History of the Mongols. Papers on far Eastern History. Depart. of far East. Hist. the Austr. Nation. Univer., Canberra, 4, 1971, p. 153.

³ См.: Ц.Б.Ц ы д е н д а м б а е в. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972, с. 481.

Байгал-далаём.

Интересно было бы проследить по историческим документам, когда произошла смена средневекового названия Тенгис-далай на более позднее Байгал. Но, к сожалению, это сделать невозможно по причине скудости исторического документального материала, относящегося на период между XIII и XIV вв. Можно только лишь отметить такие факты. В "Алтан тобчи" Мэргэн-гэгэна, датированной 1765 г. и повторяющей исторические эпизоды "Сокровенного сказания", вместо Тенгис употребляется Байгал, а вместо далай - мурэн (река)¹. Х.Пэрлээ отмечает, что в маньчжурских документах XIX в. название Тенхис заменяется названием Байгал-далай². В копии "Сокровенного сказания", снятой в 1928 г. Г.Ринчино с улан-батырской копии летописи, вместо Тенгис всюду стоит Байгал³, но время замены одного названия другим вряд ли возможно установить по улан-батырским копиям, потому что они многократно переписывались.

Из-за отсутствия надежной исторической основы может быть поставлен вопрос о привлечении к анализу происхождения названий озера Байкал собственных имен древней и средневековой истории монголов. Собственные имена людей, бытовавшие у разных народов, населявших Прибайкалье и близлежащие районы, отражали в определенной мере внешний окружающий мир, в том числе и названия крупных, запоминающихся своей самобытностью географических объектов.

Название Тенгис впервые появляется в "Сокро-

¹ См.: П.Б.Б а л д а н ж а п о в. Алтан тобчи. Улан-Удэ, 1970, с. 137.

² См.: Х.П э р л э э. Указ. соч., с. 7.

³ РО БФ СО АН СССР, инв. № 214 М-1.

венном сказании" применительно к "внутреннему" морю. Однако устанавливается, что это слово было и раньше и в лексиконе как монголоязычных, так и тюркоязычных народов. Оно употреблялось, по-видимому, гуннами. Об этом, в частности, свидетельствует древняя и средневековая ономастика.

Прежде всего следует отметить версию о том, что имя Чингис-хана происходит от слова тенгиз'море', 'океан'. Эту версию, например, поддерживают и защищают Н.Н.Козьмин¹, Рамстедт и Пеллио². Основанием для этой версии служит тот факт, что арабский путешественник середины XIV в. Ибн-Батута называл основателя монгольской империи Тенгисханом, а также возможность перехода т в результате палатализации в дж и ч: тенгиз-тингиз-джингиз-чингиз³. Следует отметить, что этой версии противостоит иная, выводящая имя Чингис из монгольского слова чинк 'сильный', 'крепкий'⁴.

В период создания "Сокровенного сказания" довольно широко употреблялось имя Тенгис (Денгиз, Тенгиз). Например, Рашид-ад-дин⁵ излагает родословную эмира тысячника Денгиза. В богатой родословной Чингис-хана Рашид-ад-дин неоднократно упоминает также Тенгиз-гургэна, имевшего родство с Кутуха-беки — предводителем ойратов, входивших в состав "тюркских племен, которые в настоящее время

¹ См.: К.Д.О с с о н. История монголов. Иркутск, 1937, с. 77.

² См.: P. Pelliot. Notes sur l'Histoire de la Horde d'Or. Paris, 1950, p. 27.

³ Там же.

⁴ К.Д.О с с о н. Указ. соч., с. 77.

⁵ См.: Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. I. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1952, с. 109.

называют монголами"¹; указывает, что Тенгиз-гурган однажды участвовал в разборе завещания Абага-хана, на престол которого претендовало несколько человек².

Имя Тенгис встречается и в более поздней монгольской истории, вплоть до середины ХУП в. Так, А.Позднеев отмечает деятельность предводителя Сунитского аймака Восточной Монголии Тингиса в тот период, когда страна попала под власть маньчжурского императора. В 1646 г. Тингис объявил свое владение независимым. К нему присоединились и другие мелкие правители сунитов - его младший брат Тэ-нҕитей, а также тайчжи Убантай, Дорчжиска, Мангус и другие. Тингису помогали войсками некоторые предводители соседних аймаков³. Восстание монголов против маньчжуров изложено также в "Мэньгу-ю-му-цзи", где главный герой носит имя Тенгис⁴.

По происхождению имя Тенгис не было первично монгольским. Монголы заимствовали его у тюрков, а последние, в свою очередь, - у хуннов. О таких заимствованиях свидетельствуют следующие факты. Рашид-ад-дин пишет, например, что у Огуза, одного из предводителей древних тюрков, было шесть сыновей: Кун (солнце), Ай (луна), Юлдуз (звезда), Кок (небо), Так (гора), и Денгиз (море)⁵. Имя Денгиз упо-

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. I, с. 120.

² См.: там же, т. III, с. 20, 21, 110, 112.

³ См.: А. Позднеев. Монгольская летопись "Эрдэнийн эрихэ". СПб., 1883, с. 58, 137; Ш. Б. Чимитдоржиев. Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа (ХУП-ХУШ вв.). Улан-Удэ, 1974, с. 21-22.

⁴ См.: Мэнь-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. СПб., 1895, с. 3, 37.

⁵ См.: Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. I, с. 76, 86, 90.

треблялось еще ранее хуннами. Так, например, известно, что государство западных хуннов достигло наибольшего могущества при Атилле, у которого был сын Денгизих¹.

Намечается, следовательно, общая тенденция заимствования лексики: монголами — у тюрков, тюрками — у хуннов. Эту тенденцию доказывают как общая историческая смена народов в той же последовательности, так и целый ряд исторических фактов, из числа которых можно указать следующие. Во-первых, в языке поздних народов наблюдаются многочисленные заимствования из языка народов, расцвет которых приходился на предыдущие исторические эпохи; так, у монголоязычных народов наблюдаются в языке тюркизмы. Трудно сказать о взаимоотношении тюркского и хуннского языков, поскольку последний неизвестен, но вряд ли справедливо мнение А.Н.Бернштама о том, что хунны говорили по-тюркски², а скорее, наоборот, тюркский язык во многом может быть хуннским. Во-вторых, у древних монголов, тюрков и хуннов высшим божеством считалось Тенгри (небо), "почитание которого уходит корнями в хуннскую эпоху"³. В-третьих, у хуннов, тюрков и монголов были одинаковыми имена, что мы проследили выше на примере имени Тенгис.

¹ См.: А.Н.Б е р н ш т а м. Очерк истории гуннов. Л., 1951, с. 166.

² См.: А.Н.Б е р н ш т а м. Указ.соч., с.166.

³ Л.П.П о т а п о в. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных. — "Тюркологический сборник — 72". М., "Наука", 1973, с. 265.

Обратимся теперь к имени Байгал. Это имя появляется впервые в "Алтан-тобчи" Мэргэн-гэгэна (1765 г.). Его носил среди далеких потомков Чингис-хана сын Будаши дзасагту¹. Близким к имени Байгал было имя Байсхал или Баисхал. Но оно, по всей видимости, имело иное смысловое значение. Об этом свидетельствуют как некоторые различия в написании имен на старо-монгольском языке, так и то, что имя Байсхал носил второй сын Будаши дзасагту, то есть брат Байгала². В связи с этим можно отметить, что имя Байсхал носили два правителя Хорчинского аймака Халхи, родившиеся в 1510 и 1646 г. и связанные, видимо, родством³. Время рождения Байгала, сына Будаши дзасагту, по "Алтан тобчи" Мэргэн-гэгэна определить, к сожалению, невозможно, но можно полагать, что оно приходится на начало ХУП в.

В первой половине ХУП в. имя Байгал носит также посол Алтын-хана Омбо Эрдени, владевшего северо-западными районами Монголии. Монгольское посольство, которое возглавлял Байгал-бакша, вело в Томске переговоры о взаимоотношениях Алтын-хана с русским царем⁴.

Появление имени Байгал в монгольской истории в период только позднего средневековья, по нашему мнению, обусловлено тем, что у монголов к этому

¹ См.: П.Б.Б а л д а н ж а п о в. Указ. соч., с. 162.

² См.: т а м ж е.

³ См.: Лубсан Д а н з а н. Указ. соч., с.294, 295.

⁴ См.: Материалы по истории русско-монгольских отношений (1636-1654 гг.). Сост. М.И.Гольман, Г.И.Слесарчук. М., "Наука", 1974, с. 19, 34, 36, 37, 256.

времени произошла смена раннесредневекового названия озера Тенгис-далай на Байгал-далай. Имена персонажей монгольской истории отображали названия крупных географических объектов, и появление имени Байгал свидетельствует о происшедшей смене названий озера.

Таким образом, на основании анализа имен Тенгис и Байкал по историческим источникам можно сделать следующие выводы:

1. Имя Тенгис прослеживается с наидревнейших времен до позднего средневековья. Оно перешло от хуннов к тюркам, от последних — к монголам. Имя Тенгис отображало название озера Байкал, существовавшее у этих народов в древние века и в раннем средневековье, — Тенгис или Тенгис-далай.

2. Имя Байгал появляется у персонажей монгольской истории только в поздние века, по-видимому, в XVI—XVII вв. Время появления этого имени в монгольской истории в общих чертах совпадает со временем смены средневекового монгольского названия Тенгис-далай на Байгал-далай или Байгал-мурэн. Это совпадение представляется неслучайным.

3. Анализ времени появления имен Тенгис и Байгал как отображений в человеческой истории названий Байкала указывает со всей очевидностью на первично монголоязычное происхождение этого гидронима. Этимологию слова Б а й г а л нужно искать в языках монгольской группы, но, несомненно, ее нужно проводить в сочетании с доказательствами исторических источников.

М.Д.Симонов

ТИПОЛОГИЯ ЭВЕНКИЙСКИХ ГИДРОНИМОВ БУРЯТИИ
(на материале названий рек Баунтовского аймака)

Задача исследования. Этимологическое изучение топонимии определенного языкового ареала может дать ценный материал для сравнительно-исторического исследования по данному языку, особенно, если этот язык не имеет письменной традиции. Как известно, топоним в сложившемся виде только маркирует объект и никакой другой семантики и экспрессии не содержит. Поэтому одновременно с установлением однотипности фонетического оформления топонимов определенного ареала и лексики какого-либо языка необходимо реконструировать первоначальную семантику топонимов, то есть семантику нарицательных имен, на базе которых эти топонимы возникли.

Чтобы сделать этимологизацию топонимов более достоверной, при реконструировании их первоначальной семантики необходимо придерживаться ряда ограничений.

Прежде всего надо постараться определить ту группу слов языка, из которой черпались топонимы данной местности. Какая именно часть словаря послужила источником топонимов, в каждом случае зависит от того: 1) на каком языке говорили создатели топонимов; 2) на какой территории они обитали;

3) в какое историческое время^I создавали те или иные топонимы; а также, по нашему мнению, от того, 4) какая разновидность топонимов (гидроним, ороним и т.п. рассматривается и 5) к какому словообразовательному типу данные топонимы относятся.

Назовем каждое из пяти перечисленных условий конкретизатором топонимической семантики. Высказывается предположение, что топонимы, отобранные из общего числа географических названий с помощью всех пяти конкретизаторов, обязательно имеют одно (иногда два-три) общеродовых значения, то есть их основы всегда можно расклассифицировать на небольшое число однородных семантических групп. Данная гипотеза помогает реконструировать семантику топонимических основ. Действительно, - если с помощью конкретизаторов отобрана формально однородная группа топонимов (например, новейшие эвенкийские гидронимы Бурятии с аффиксом **-кэн -кэр**), то на основании того, что целый ряд этимологически прозрачных основ этой группы обозначает участок, место (алан- 'горный перевал', байча- 'скала', тала- 'узкая долина с солеными источниками' и т.д.), делается предположение об аналогичной семантике и у других, этимологически более трудных, слов данной группы. Например, для Жемпу- предполагается значение 'пастбище оленей' (ср. современное эвенкийское демку *id.*), а не 'голод' (ср. демму), так как

^I См.: А.К.М а т в е е в. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизирования субстратных топонимов. - "Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии. Тезисы докл.". М., 1966, с. 37; Ю.А.К а р п е н к о. История этимологического метода в отечественной топонимике. - "Развитие методов топонимических исследований". М., "Наука", 1970, с. 13-14.

только первое из этих значений можно включить в категорию слов, обозначающих 'участок', 'место'.

В настоящей статье, в соответствии с темой исследования, приняты следующие значения конкретизаторов: 1) язык - эвенкийский; 2) территория - Баунтовский аймак Бурятской АССР; 3) хронологические рамки - новейшее время; 4) разновидность топонимов - потамонимы (гидронимы, обозначающие линейные водные объекты: реку, ручей, ключ); 5) словообразовательные типы - производные имена с аффиксами -кйт, -дйк, -кян, -кта, -лй, -гда, -нгда, -чй и непр производные существительные и прилагательные.

Потамонимы (316 наименований) взяты с карты "Плая закреплений охотугодий за хозяйствами Баунтовского аймака Бур. АССР" (масштаб 1:300000) и проанализированы. Хронологические рамки выделены, исходя из этимологической прозрачности гидронимов. Для рассмотрения мы брали, во-первых, названия рек, которые используют, согласно ныне действующим словообразовательным моделям, лексические и морфологические средства только современного эвенкийского языка, во-вторых, гидронимы, имеющие основу, формально и семантически несколько отличную от современной (в том числе распространенную уже исчезнувшими из языка аффиксами), но тем не менее этимологически все еще довольно прозрачную (например, Инанджэк < *ингя-н-дэк 'место, где много песка, гальки', ср. эвенк. ингя 'песок на отмели', 'галька'; Ашигла < *Ашиг-лй 'ельниковая', ср. эвенк. асёг 'ельник' и т.п.). И тех и других названий оказалось 83, то есть примерно 26% от общего числа баунтовских потамонимов.

Наряду с восстановлением первоначальной се-

мантики гидронимов нужно определить, хотя бы приблизительно, их эвенкийское произношение в момент заимствования русским населением. Для этого нужно учитывать два фактора: а) русскую адаптацию эвенкийских потамонимов; б) обусловленность их графической передачи русской орфографией. Реконструировав первоначальную форму и значение гидронимов, можно переходить к установлению фонетических соответствий между гидронимами данного ареала и лексикой современного эвенкийского языка. Так как мы рассматриваем географические названия новейшего периода, то эти фонетические соответствия сводятся просто к характерным для эвенкийского языка междialeктным звуковым чередованиям типа тэгэ // тэвэ // тэбэ 'народ'; си // хи // ши 'ты' и т.д.

Итак, задача настоящей статьи сводится к следующему:

1. Наметить типы и виды адаптации эвенкийских топонимов;

2. выявить необходимые для данной работы междialeктные звуковые соответствия в эвенкийском языке;

3. определить, к каким семантическим классам относится каждый словообразовательный тип новейших эвенкийских потамонимов Баунтовского аймака Бурятской АССР;

4. на основе всего этого определить этимологию привлеченных к исследованию потамонимов.

Специальному исследованию гидронимы Бурятии не подвергались. Однако некоторые из них рассмотрены в топонимических работах более общего характера. Из таких работ в первую очередь следует назвать монографию М.Н.Мельхеева "Топонимика Буря-

тий"¹ и статью Г.М.Василевич "Топонимика Восточной Сибири"².

К сожалению, в обеих работах нет четко сформулированной программы действия. В частности, не определяется совокупность операций, которые нужно совершить, чтобы получить искомые этимологии. Вообще последовательный эксплицитный поиск этимологий, начинающийся с выявления типов адаптации иноязычных топонимов и кончающийся реконструкцией значения нарицательного имени, легшего в основу топонима, не является нормой для современной топонимики, хотя в отдельности каждый из названных этапов хорошо известен топонимистам. Ср., например, статьи по адаптации иноязычных географических названий³, взгляды о целесообразности использовать фонетические соответствия при этимологизации топонимов⁴, распределение топонимов по семантическим⁵ и словообразовательным⁶ группам.

Занимаясь этимологией, многие вообще не на-

¹ М.Н.Мельхеев. Топонимика Бурятии. Улан-Удэ, 1969.

² Г.М.Василевич. Топонимика Восточной Сибири. - "Изв. Всесоюз. геогр. о-ва", т. 90, вып. 4, 1958.

³ Т.И.Тепляшина. Русская адаптация удмуртских топонимов. - "Топонимика Востока. Материалы и исследования". М., "Наука", 1969.

⁴ См., например: Ю.А.Карпенко. Указ. соч., с. 10.

⁵ См.: М.Н.Мельхеев. Указ. соч.; А.И.Рудных. Семантические модели в гидронимике. - "Вопросы топонимистики", № 6. Свердловск, 1970 и другие.

⁶ М.Н.Мельхеев. Указ. соч.; Г.М.Василевич. Топонимика Восточной Сибири и другие.

кладывают никаких ограничений на лексику, которая может быть источником топонимов¹. Разумеется, при таком подходе появление ошибочных этимологий неизбежно.

Остановимся на гидронимах Баунтовского аймака (или омонимичных им из других аймаков Бурятии), которые, на наш взгляд, неверно этимологизируются М.Н.Мельхеевым. Амундакая возводится к эвенк. Ымут (амундо) 'озеро'². Слово амундо в эвенкийском языке нет вообще, зато во многих говорах известно амунда 'наледь'³, уменьшительной формой которого несомненно и является гидроним Амундакан. Икат возведено к эвенк. икоат 'место остановки для кормления оленей'⁴. Слово икоат в лексикографических источниках по эвенкийскому языку не значится. Баунтовскими эвенками этот гидроним произносится как Икэт.

М у я считается производным от эвенк. му 'вода' (измененное муя)⁵. Скорей всего, это все-таки субстратный топоним⁶.

Ц и п а возводится к эвенк. чэпэ 'озеро с крутыми берегами'⁷. Отражение в топониме эвенкий-

¹ О.Т.Молчанова. Топонимия древнего Алтая - источник древней истории Южной Сибири. - "Ономастика". М., "Наука", 1969; М.Н.Мельхеев. Указ. соч.; Г.М.Василевич. Топонимика Восточной Сибири и другие.

² См.: М.Н.Мельхеев. Указ. соч., с. III.

³ См.: Г.М.Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., ГИС, 1956, с. 29.

⁴ См.: М.Н.Мельхеев. Указ. соч., с. 129.

⁵ Там же, с. 143.

⁶ Аналогичной точки зрения придерживается и Г.М.Василевич. См.: Г.М.Василевич. Топонимика Восточной Сибири, с. 330.

⁷ См.: М.Н.Мельхеев. Указ. соч., с. 177.

ского э в виде и весьма сомнительно по фонетическим соображениям.

Все этимологии, предложенные Г.М.Василевич для интересующей нас группы гидронимов, представляются правильными, за исключением этимологии названия реки Бугарикта. В этом гидрониме Г.М.Василевич выделяет корень буга- 'земля' и аффикс -рикта 'только' (суммарное значение: 'исключительная местность')¹. На наш взгляд, морфологическую границу нужно провести в другом месте: бугар(и)- 'гарь' и -кта - распространитель основы со стершимся значением (ср. Сигикта, Марикта и т.п.).

Типы адаптации эвенкийских топонимов

Устная адаптация

Некоторые эвенкийские звуки не имеют аналогий в русском языке. Поэтому при усвоении русскими эвенкийских географических названий данные звуки должны были замещаться в русском произношении другими, наиболее к ним близкими. Используя наблюдения над эвенкийским произношением, проведенные нами экспериментально-фонетическим методом, а также показания других авторов², составим таблицу предполагаемой адаптации эвенкийских звуков русскими поселенцами.

¹ См.: Г.М.В а с и л е в и ч. Топонимика Восточной Сибири, с. 327.

² Г.М.В а с и л е в и ч. Грамматический очерк эвенкийского языка. - "Эвенкийско-русский словарь". М., ГИС, 1958, с. 656-664; О.А.К о н с т а н т и н о в а. Эвенкийский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т. У. Л., "Наука", 1968.

Предполагаемая адаптация в русском произношении звуков эвенкийских топонимов¹

Эвенкийский звук	Русский аналог	Примеры. Первый - в орфографии карты, второй (после знака <)-предполагаемый прототип в современной эвенкийской орфографии
д̄ь	ж // дж	Арбажанкит < Арбадянкит̄, Аланджак < Аландяк
ч	ч // ц	Ковачи < Кэвэч̄и, Ципикан < Чипик̄ан
у	г	Сигикта < Сиг̄икта
н̄г	н // нг	Инянджэк < Инг̄анджэк, Нерунгда < Нирунгда
л	л // ль	Алакар < Алак̄ар, Уюльчи < Уюлч̄и
э	о // ы // а ²	Буктокочи < Буктэкэч̄и, Кавыкта < Кэвэктэ (ср. Кавокта < Кэвэктэ)
о	о // ы // а	Олдында < Олдондо, Арекиткан < Орэк̄итк̄ан
и	и // ы	Марикта < Марикта, Ашиглы < Ашиглӣ (ср. Ашигли < Ашиглӣ)
н̄гн	н	Аунакит < Аунгнакит

¹ Для эвенкийских звуков в настоящей статье приняты следующие буквенные обозначения: д̄ь - среднеязычный, смычный, звонкий; ч - среднеязычный, смычный, глухой; н̄г - заднеязычный, смычный, носовой; э - гласный среднего ряда, среднего подъема, слабо огуленный.

² Гласный э в зависимости от диалектных особенностей, фонетических условий и т.п. напоминает либо русский о, либо русский а. Кроме того, надо учитывать фактор ударения. Вместо присущего эвенкийскому слову тонального контура в русском произношении при адаптации топонимов появляется силовое ударение. Обычно, если в эвенкийском прототипе предпоследний слог закрытый, то ударение падает на гласный этого слога, если открытый - то на гласный последнего слога. При этом оказавшееся в безударном положении о (из о или из э) закономерно переходит в а.

По правилам русской орфографии безударный *а* может быть передан буквами *а* или *о* (ср. самовар), безударный *я* – буквами *и* или *е* (ср. семинар), *г* перед звонким согласным – через *г* или *к* (ср. Гжатск и также). Поэтому бытующие в устной традиции у русских топонимы, содержащие данные звуки, на письме могут быть отражены двояким образом. При этом этимология топонима в большинстве случаев уже не известна и орфографическая норма опирается только на традицию. Возможны также колебания. Ср. написания Багдарин и Богдарин (< эвенк. багдарин 'белый') и т.п.

Приведем примеры гидронимов на каждый из трех названных случаев: 1) этимологический *а* > *о* (на письме): Самокит < Сам^акит 'место, где шаманят'; 2) этимологический *я* > *е* (на письме): Марегда < Мар^ягда 'марниковая', 'протекающая через марник (поросль березы на торфянике)'; 3) этимологический *г* > *к* (на письме): Джекдакани < Дег^гдэкэни – уменьшительная форма от дегдэ 'гарь'.

Междиалектные звуковые соответствия

В эвенкийском языке широко распространено историческое чередование звуков. Вследствие этого одна и та же основа варьирует по диалектам. Например, тэгэ // тэвэ // тэбэ 'народ'; буга // бува // буа 'небо'; эвлэн // эвлэн 'поляна', 'луг' и т.п.¹ При

¹ См.: Г.М.В а с и л е в и ч. Эвенкийско-русский словарь. М., 1953, с. 416, 63, 14, 544.

этом нужно иметь в виду, что для каждого типа чередований лишь небольшое число основ представлено во всех допустимых вариантах. Например, для г // в // б такой основой будет тэгэ // тэвэ // тэбэ 'народ'; агду // авду // абду 'стадо' и т.п. Другие же основы, относимые к данному типу чередований, в языке отмечены только в некоторых вариантных формах. Например, для значений 'ходить', 'бродить' есть формы агикта // авикта¹, но нет *абикта.

Выпадение из языка какой-то одной чередующейся формы данной основы и сохранение другой может быть объяснено только случайностью, а поэтому наличие в топонимике основы в форме, не известной в настоящее время, но связанной характерным для эвенкийского языка чередованием с другой, известной, формой этой основы, вполне допустимо, а сама возможность связать топонимическую основу с реальной языковой посредством регулярного чередования служит, на наш взгляд, достаточным доказательством генетического родства обеих основ.

Ниже мы приводим перечень необходимых для данной работы междиалектных соответствий (чередований), установленных на базе "Эвенкийско-русского словаря Г.М.Василевич².

1) п~к (не в начале слова). Ср. лок- 'спустить' (петлю) // лоп- 'снять одежду'; кукчу- // купчу-

2) Vги // V³ (не в первом слове). Ср. описание аффикса количественных числительных -г̄и у Г.М.Василевич. "В числительных илан 'три', дыгин 'четы-

¹ См.: Г.М.Василевич. Указ. соч., с. 16, 14.

² См.: Г.М.Василевич. Указ. соч.

³ V - любой эвенкийский гласный.

ре', туннга 'пять', нюнгун 'шесть', надан 'семь', дяпкун 'восемь' ... суффикс -гй̄, попадая рядом с гласным, стягивается с ним в один гласный $\bar{й}$ // $\bar{ё}$: ил̄итын 'третий', дыг̄итын 'четвертый', туннг̄итын 'пятый', нюнг̄итын 'шестой', над̄ытын 'седьмой', дяпк̄итын 'восьмой' ...^I.

3) авV// $\bar{а}$: ср. авам// $\bar{ам}$ 'широкий'; хав $\bar{а}$ // $\bar{х\bar{а}}$ 'работа'.

4) с~ш: ср. си//ши'ты', сэвэкӣ//шэвэкӣ 'идол', ас̄й//аш̄й 'женщина'.

5) с~ч: ср. бакса//бакча 'подставка', 'свая'; $\bar{у}кс\bar{э}$ // $\bar{у}кч\bar{э}$ 'лебедь'.

6) ч~т: ср. д̄о̄кч̄э//д̄о̄кт̄э 'двое'; якча//якта 'ключ', 'ручей'.

7) м~нг: ср. чумур//чунгур 'катиться' чумуру//чунгур 'пупок'.

8) нг~н: ср. иннги//инни 'язык' (анат.); иннгир//иннир 'узел', 'связака'; иннгэктэ//иннэктэ 'черемуха'.

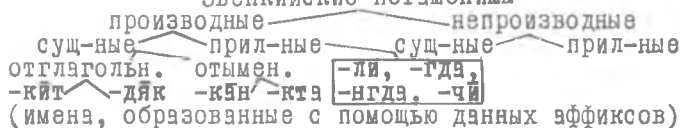
Словообразовательные типы гидронимов

С х е м а

Распределение по словообразовательным типам новейших баунтовских потамонимов

эвенкийского происхождения

Эвенкийские потамонимы

^I Г.М.В а с и л е в и ч. Суффиксы и частицы.- "Эвенкийско-русский словарь". М., ГИС, 1958, с.750.

Непроизводные топонимы содержат аффиксы, непродуктивные для географических названий данного района. Например, **-ма** в гидрониме тукалама. Разумеется, это не значит, что и в языке данные аффиксы должны быть также непродуктивны. Ср. тот же **-ма**, который в эвенкийской морфологии является довольно регулярным словообразовательным средством (тукалама 'песчаный' < тукала 'песок', **мома** 'деревянный' < **мо** 'дерево' и т.д.).

Характеристика гидронимов по словообразовательным типам

Производные гидронимы

Отглагольные существительные на **-кит** и **-дяк**

В эвенкийском языке аффиксы **-кит** и **-дяк** служат для образования имени существительного (возможно, герундия) от глагольной основы¹. Из 15 баунтовских потапонимов с финалями **-кит**, **-дяк** мы отобрали 13, содержащих, на наш взгляд, именные аффиксы **-кит** и **-дяк** и глагольную эвенкийскую основу. Полученные основы разделили на 3 семантические группы функционирования²:

¹ См.: Г.М.В а с и л е в и ч. Суффиксы и частицы, с. 756, 762.

² Одновременно с распределением основ по семантическим группам мы проводим их этимологизацию. Для этого строятся этимологические цепочки, в которых отдельные формы связаны знаком <. На первом месте в цепочке стоит гидроним в том виде, как он представлен на карте. Если орфографическое оформление искажает его первоначальное русское произношение, то это произношение дается в скобках. На втором месте находится эвенкийский прототип данного гидронима с указанием морфологических границ и семантики.

Ф у н к ц и о н и р о в а н и е (о человеке)

Аланджак < алан-дьяк 'место, где переваливают через горный хребет', от алан- 'переваливать через горный хребет'.

Ареkitкан < орē-кйт-кән 'место, где трубят в звукоподражательную трубу (подражая крику самки изюбря)', от орē- 'трубить в звукоподражательную трубу'¹.

Арекичи < орē-кйчи² 'место, где трубят в звукоподражательную трубу', от орē- 'трубить в звукоподражательную трубу'.

Аунаkit и Аунаkit нижний < аунгна-кйт 'место ночлега' (если современное а́нгнэ- 'ночевать', 'провести ночь' < *аунгна-). Ср. также орок. Аунда³; нан. аонгго- 'ночевать'.

Гулакит < гулэ-кйт 'место ночевки, жилья'. В этом гидрониме выделяем не существующую ныне основу *гулэ- 'жить', 'ночевать' (ср. глагол гулатэ- 'жить' (в доме), связанную отношением конверсии с современным существительным гулэ 'изба', 'хижина', 'зимний дом', 'зимовье'. Это правдоподобно, так как конверсия широко распространена в эвенкийском языке.

Самоkit (смаkit) < самā-кйт 'место, где шаманят', от самāн- 'шаманить'.

¹ Глагол орē- имеет и второе значение: 'реветь (о звере)'. Если исходить из этого значения, то данный гидроним нужно отнести ко второй семантической группе функционирования: о животных.

² Мы считаем -кйчи древней, сохранившейся в топониме, формой аффикса -кйт, еще не утратившей конечного и. В позиции с другими аффиксами -кйт и сейчас встречается в форме -кйчи. Ср. би-кйчи-н 'место его проживания'.

³ См.: Г.М.В а с и л е в и ч. Эвенкийско-русский словарь, с. 32.

Уакит < уа-кйт 'место, по которому перетаскивают на себе груз' или < в̄а-кйт 'место охоты (уа- 'тащить на себе'; в̄а- 'убивать' (охотясь)).

Ф у н к ц и о н и р о в а н и е (о животном)

Аликит < али-кйт 'место, где перекочевывает ходовой зверь', от алин- 'перейти', 'перекочевать' (о белке, соболе).

Анякит (две одноименные реки) < аня-кйт 'место, где толкаются лоси', от утраченного ныне значения аня- * 'толкаться перед спариванием' (о лосях). Ср. аням 'лось перед спариванием', анямдяк 'место, где водятся лоси'. В современном языке аня- означает 'толкать'; 'двигать'; 'передвигать'.

Ф у н к ц и о н и р о в а н и е (о реке)

Арбажанкит < арба-дьян-кйт 'мелководное место'. Основа *арбадьян- 'обмелеть'. От арба- с помощью аффикса -дьян могла образоваться глагольно-именная форма *арбадьян- 'обмеление'^I, которая путем конверсии перешла в глагол 'обмелеть'.

Инанджёк < инг̄ан-д̄ёк 'место, где много песка, гальки' от реконструируемой основы *инг̄а(н)- 'откладываться', 'наноситься' (о песке), образованной от инг̄а 'песок на отмели', 'песчаная или мелкокаменистая отмель', 'речная коса', 'галька', 'камень'.

Этимологизированию не поддаются только два потемонима с финалем -кит или -дяк: Гукит и Делиндяк.

^I Описание аффикса -дьян см.: Г.М.В а с и л е в и ч. Суффиксы и частицы, с. 756.

Отмеченные существительные на -кян

В эвенкийском языке аффикс -кян образует у имен уменьшительно-ласкательную форму. В топонимике он употребляется, видимо, для того, чтобы формально противопоставить нарицательному имя собственное. Ср. использование в русском языке для этой цели множественного числа: мост, но деревня Мосты.

На нашей карте представлено 24 потапонима с финалем -кян. Из них поддается этимологизированию 17. Разобьем их на 3 группы:

1. Названия, обозначающие место (участок, поверхность чего-то или характерный для данной местности предмет)

Алакар < ала-кар - уменьшительная форма от 'перевалы' (ср. алан). В данном случае для маркировки топонима дополнительно использовано еще и множественное число (в единственном было бы ала-кян).

Байчакан большой < байча-кян - уменьшительная форма от байча 'скала'. В эвенкийском языке сейчас слова *байча нет. Есть только родственное ему байту 'скала'; 'утес'. И то и другое несомненно монгольского происхождения. Ср. бур. байса, монг. байц. Гидроним Байчакан можно объяснить двояко. Либо это уменьшительная форма от некогда заимствованного эвенками и ныне уже утерянного монгольского слова байча (в этом случае название реки дано эвенками), либо это эвенкийская уменьшительная форма от непонятого эвенкам названия реки Байча, данного монголами (ср. Витимкан - уменьшительная форма от субстратного Витим).

Буктокочи < буктэ-кэ-чи 'с наледью' (в уменьшительной форме).

Буктэ 'наледь', 'родник с наледью', -чй - аффикс принадлежности: 'с чем-либо'.

Джекдакани (Джегдакани) < Дегдэ-кэни - уменьшительная форма от дегдэ 'пожар', 'гарь'; -кэни в данном случае предстает в более древней форме с конечным и (ср. выше -кйчи при нормальном -кйт).

Жемпукан < демпу-кэи - уменьшительная форма от *демпу 'пастбище для оленей'. Опираясь на чередование п//к (см. выше), мы сопоставляем *демпу с современным демку id.

Сивакан < сивэ-кэи - уменьшительная форма от сивэр 'заболоченная лужайка в тайге, где растет хвощ' (выпадение р перед -кэи закономерно). Ср. название реки того же корня, по данным Г.М.Василевич: Сивэг^I.

Талакан < тала-кэи - уменьшительная форма от тала 'солонец-лизень' (узкая долина с солеными источниками).

Шовокикан < шэвэки-кэи - уменьшительная форма от шэвэки 'идол'. При этом значение 'идол' передается и той местности, на которой этот идол находится.

2. Названия, представляющие из себя герундий от глаголов со значением 'журчать',²

Киндикан < кингди-кэи - предполагаемая именная форма с уменьшительным аффиксом от глагола кингди- с утерянным ныне значением *'журчать', 'шуметь' (соврем. 'звенеть'). Семантически значе-

^I См.: Г.М.В а с и л е в и ч. Эвенкийско-русский словарь, с. 349.

² Выделение данной группы весьма проблематично.

ния 'звенеть' и 'шуметь' для эвенкийского языка вполне совместимы. Ср. янггуна- 'шуметь', 'звенеть'.

Оргагикан (аргагикан) < аргаги-кән. Предполагается, что в данном случае -кән присоединен к именной форме, образованной путем конверсии от глагола *аргаги- 'журчать'. Этот глагол мы сопоставляем с современным эвенкийским аргй- 'журчать' (о ручье), 'шуметь' (о реке на порогах).

3. Субстратные названия рек

От гидронимов субстратного происхождения, которые нельзя этимологизировать средствами современного эвенкийского языка, с помощью уменьшительного -кән эвенками образуются названия мелких рек, обычно того же речного бассейна (Витимкан - в бассейне Витима, Ципикан - в бассейне Ципы и т.д.).

1. Витимкан < витым-кән или витым-кән (ср. р. Витим).

2. Имакан < имэ-кән (ср. р. Има).

3. Имакон < имэ-кән (ср. р. Има)^I.

4. Усмукан < усму-кән или усму-кән (ср. р. Уш-мун. Чередование с // ш широко распространено в эвенкийском языке (см. выше).

5. Цинокан (Цинокан, либо Цинакан) < чина-кән, либо чинэ-кән (ср. р. Чина).

6. Ципикан < чили-кән или чипи-кән (ср. р. Ципа). Различие во втором гласном (и в Ципикан и в Ципа) можно объяснить за счет русификации гидронима Ципа. Первоначальное *чипи с нехарактерным для

^I Имакан и Имакон реконструируются в форме *имэкән, так как только наличие в основе Э может объяснить появление при русской адаптации в этих двух, несомненно общего происхождения, словах в одном случае -кан, а в другом - -кон.

русских гидронимов конечным и со временем получило более "естественную" форму на я. Ср. Волга, Ока, Лена, Ангара, Шилка и т.п.

7. Чинокан(Чинакан) < чина-кѣн, либо чинэ-кѣн (ср. р. Чина). Гидронимов, не поддающихся этимологизированию, с финалом -кан больше, чем с -кит или -дяк: Аневиркан, Воймакан, Мудирикан, Окушикан, Сукоиндикан и Хайдокон.

Отыменные существительные на -кта

С той же целью: отделить топоним от нарицательного имени - в эвенкийской гидронимике употребляется, видимо, и аффикс -кта. Значение этого, ныне уже непродуктивного, аффикса с трудом поддается определению. Скорее всего, он не имел собственной положительной семантики и выполнял роль просто распространителя именной основы.

Основы всех зафиксированных нами гидронимов с аффиксом -кта относятся к одной семантической группе: место (участок, поверхность чего-либо).

Бугарикта (4 одноименных гидронима) < бугари-кта. Основа бугар- 'гарь'.

Кавокта < кэвэ-кта. Основа кэвэр 'луг', 'болото'. Ср. также кэвэкта 'широкое открытое пространство, покрытое сфагновым мхом'. Гидроним кэвэкта зафиксирован в словаре Г.М.Василевич¹.

Кавыкта < кэвэ-кта.

Маректа (Марикта) < мари-кта. Основа мар- 'марник'.

Маректа нижняя.

Марикта < мари-кта.

¹ См.: Г.М.Василевич. Эвенкийско-русский словарь, с. 227.

Сигикта < сигй-кта. Основа сигй- 'чаща', 'лес'.

Сиикта < сий-кта. Основа сий- 'чаща'.

Улюкта < улу-кта. Основа улу- 'обрыв', 'яр', 'крутой берег'. Ср. также Улукта.

Из потамонимов с финалем -кта (или -хта) 6 не поддаются этимологизированию: Булихта, Валекта, Гукапакта, Илькохта (2 реки) и Хандагакта.

Отыменные прлагательные на -нгда

Согласно Г.М.Василевич, аффикс -нгда // -нгна // -нгра образует названия рек, озер, гор. Например, сурй 'сиг' - Сурйнгна 'Сиговая'^I.

Судя по примеру, -нгда выполняет роль адъективатора существительных.

Основы всех баунтовских потамонимов на -нгда мы разделили на две семантические группы:

Рыбы, обитающие

в данной реке

Джилинда < делй-нгда. Основа делй- 'таймень', 'лосось сибирский';

Майгунда < майгу-нгда. Основа майгу 'ленок' (вид форели);

Нерунгда (Нирунгда) < ниру-нгда. Основа ниру- 'хариус';

Олдында левая < олды-нгдо. Основа олды- 'рыба';

Танянда < тана-нгда или танга-нгда. Ср. тана // танга 'осетр';

Шуринда < шурй-нгда. Основа шурй- 'сиг';

^I Г.М.Василевич. Суффиксы и частицы, с. 780, 781.

Флора побережья реки
Дектонда (Диктонда) < диктэ-нгдэ. Основа дик-
тэ- 'ягода', 'голубика', 'черника';

Диктонда < диктэ-нгдэ;

Ирокинда < ирэки-нгдэ. В этом гидрониме мы реконструируем основу *ирэ-ки- 'лиственница': опираясь на современные ирэ-ктэ 'лиственница' (-кта - семантически пустой распространитель именной основы) и ирэ-г 'лиственничный бор' (-г - аффикс собирательности), можно восстановить первоначальную основу *ирэ- 'лиственница', от которой посредством распространителя именной основы -ки, функционально аналогичного -кта, и было, видимо, образовано слово *ирэки 'лиственница'.

Сегечанда (сигичанда) < сиги-чэ-нгдэ. -нгдэ добавлено к фамильярно пренебрежительной форме на -чэ(н) от основы сиги- 'чаща', 'лес'.

Для II гидронимов с финалем -нда (или -нна) мы не могли найти убедительных этимологий: Аченда, Бомбандо, Бугунда, Игунда, Миндунна, Немнянда, Судунда, Тенинда, Чикинда правая, Читкинда левая.

Отыменные прилагательные на -чи

Аффикс -чи означает обладание: 'с чем-либо'. Все зафиксированные нами основы с этим аффиксом мы отнесли к одной семантической группе: топографическая характеристика русла и берегов реки.

Буктоочи < буктэ-кэ-чи 'имеющая наледь'. -чи добавлено к уменьшительной форме на -кэн от основы буктэ- 'наледь', 'родник с наледью' (о гидрониме буктоочи см. выше).

Иначе (иначе) < ингэ-чи 'с песком' - от ингэ 'песок на отмели', 'песчаная или мелкокаменная отмель'.

Ковачи < кэвэ-чй̄ 'луговая', 'болотная' от кэвэр 'луг', 'болото'.

Уюльчи < уюл-чй̄ 'с водоворотами' от уюл 'водоворот'. Не этимологизируются: Колбачи, Орогочи.

Отыменные прилагательные на -лй̄

Аффикс -лй̄ так же, как и -нда, выполняет, на наш взгляд, роль адъективатора имен существительных. Ср. значение адъективности, которое дает -лй̄, присоединяясь к глагольной основе: ембу- 'ослабеть' > ембу-лй̄ 'ослабевший'. Вместо -лй̄ Г.М.Василевич рассматривает аффикс -гль̄, образующий, по ее словам, названия рек: ингā 'камень' > ингāгль̄ 'каменистая'¹. Нам кажется, что в -гль̄ Г.М.Василевич объединяет два аффикса: -г, обозначающий собирательность, и -лй̄, обозначающий адъективность. Это подтверждается употреблением в гидронимике -лй̄ без предшествующего г. Например, тала-лй̄. Однако всего четыре встретившиеся нам гидронима на -лй̄ не позволяют особенно настаивать на этой точке зрения. Мы предполагаем ее только как вероятную (наряду с точкой зрения Г.М.Василевич, а не вместо нее).

Все гидронимы с аффиксом -лй̄ мы отнесли к одной семантической группе: место (участок, поверхность чего-то).

Ашагли < ашй̄-г-лй̄ 'ельниковая' от *ашй̄-г 'ельник', образованной от *ашй̄ 'ель'. Ср. соврем. ашй̄-кта 'ель' и асē-г 'ельник'.

Ашиглы < ашиг-лй̄. См. выше.

Талали < тала-лй̄ 'солонцовая' от тала 'солонец-лизень' (узкая долина).

¹ Г.М.Василевич. Суффиксы и частицы, с. 752.

Улиги < ули-г-ли, где *ули 'сибирская яблоня' (ср. ули-кта 'сибирская яблоня' - тот же корень ули, но с распространителем основы -кта, -г - аффикс собирательности.

Не этимологизируются: Сапоули, Кодали.

Отгненные прилагательные на -гда

В современном языке -гда не употребляется. Его значение адъективатора имен существительных мы выводим из семантики фонетически сходного с ним аффикса прилагательных -гда^I. Формы -гда // -гды, видимо, можно рассматривать как чередующиеся. Ср. чередования аффиксов -ка // -ки, -да // -ды и т.п.

Все топонимические основы на -гда мы отнесли к одной семантической группе: растения.

Актрагда < актрэ-гда 'еловая' или 'лиственничная' от *актрэ 'ель' или 'лиственница'. Ср. акрэ 'лиственничная древесина' (подкорье). Срединное т сохранилось ныне в слове хактрэ 'полоз ручной нарты', 'лыжа-голица' (чередование х // ю для согласных в анлауте - обычное явление). Семантика слова 'ель' сохранилась в слове чакрэ (чередование анлаутных ч // х также является закономерным). Чакрэ также значит 'еловая доска для изготовления лыж'. Отсюда понятна связь значений у хактрэ 'лыжа-голица' и *актрэ 'ель'.

Марегда (маригда) < мари-гда от мар 'марник' (поросль березы на торфянике).

Никаких других потапонимов на -гда на нашей карте не значится.

^I См.: Г.М.В а с и л е в и ч. Суффиксы и частицы, с. 750.

Непроизводные гидронимы

Имена существительные

Здесь четко можно выделить только одну семантическую группу: имена, обозначающие линейный водный объект или топографические особенности речного русла.

Амнунда < амнунда 'наледь', 'выносы камней на устье горной реки'.

Аян большой и Аян малый < аян 'старица', 'протока', 'курья'.

Якша < *якша 'ручей с заболоченными берегами', 'ключ'. В современном языке имеется слово с тем же значением якта. *Якша и якта сопоставимы на основе чередований ш//с; с//ч; ч//т (см. выше).

Якша старая < *якша.

Остальные имена семантической классификации не поддаются:

Алтан, Алтан правый, Алтан левый < алтан 'золото'.

Жальбан < дялбан 'береза'.

Уракачо < *урэкэчэ. Ср. соврем. урэкэчэн 'небольшая горка'. Отсутствие конечного н в слове *урэкэчэ мы объяснить не можем.

Орон < орон 'олень'.

Имена прилагательные

Первые два из приведенных ниже гидронимов характеризуют реку по цвету, третий — по характеру речного русла.

Багдарин < багдарин 'белый'.

Конморин < *конгморин 'черный'. Ср. соврем. конгморин id. О чередовании м//нг и нг//н см. выше.

Тукалама < тукалама 'песчаная', 'ив песка'.

БИБЛИОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО БУРЯТСКОЙ ОНОМАСТИКЕ

Антропонимика

А л д а р о в а Н.Б. Бурятский именовослов. — "Байкал", 1973, № 6, с. 134–138.

А л д а р о в а Н.Б. Об описательных именах в бурятском языке. — В сб.: Вопросы бурятской филологии, вып. П. Улан-Удэ, 1973, с. 63–78. [Иркутск. гос. пед. ин-т. Бурятск. гос. пед. ин-т им. Д.Банзарова].

А л д а р о в а Н.Б. О некоторых исконно бурятских личных именах. — В сб.: Вопросы бурятской филологии, вып. П. Улан-Удэ, 1973, с. 79–86. [Иркутск. гос. пед. ин-т. Бурятск. гос. пед. ин-т им. Д.Банзарова].

Б а л ь ж и р о в а Г. Буряад нэрэнүүд тухай нэгэ хэдэн үгэ. — "Усть-Ордын үнэн", 1962, 19 июня.

Б у р я е в И.Д. Новый быт и личные имена бурят. — В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири (Тезисы докл. науч.-практич. конф.), вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 78–80. [АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурятский фил. Ин-т обществ. наук].

Б у р я е в И.Д., Ш а г д а р о в Л.Д. О бурятских личных именах. — "К изучению бурятского языка". Улан-Удэ, 1969, с. 106–116. [Тр. Бурятск. ин-та обществ. наук БФ СО АН СССР, вып. 6].

Буряад нэрэ, фамили тушаа.- "Буряад үнэн", 1962, 15 августа.

Бурятские имена. - В кн.: Справочник личных имен народов РСФСР. М., "Советская энциклопедия", 1965, с. 83-109.

Рец.: Н.Н а м д а к о в а. Ямар нэрэ үгэбэл зохистойб? - "Буряад үнэн", 1966, 3 сентября.

Д а р б е е в а А.А. К вопросу о социальной сущности личных имен в монгольских языках. - В сб.: Ономастика. М., "Наука", 1969, с. 46-53.

Д а р б е е в а А.А. Параллельные формы личных имен бурят. - В сб.: Антропонимика. М., "Наука", 1970, с. 205-211. [АН СССР. Ин-т языкознания].

Н а м с а р а е в Б. Гуримшуулхаар болоо(буряад нэрэ, фамилинууд тухай). - "Буряад-Монголой үнэн", 1956, 25 декабря.

Н а й д а к о в Р. Как называть Вас? Ты и твое имя. - "Красная Селенга", 1966, 24 августа.

Л и н х о в о и н Лодон. Буряад нэрэ, фамилинууд тухай. - "Буряад үнэн", 1962, 23 июня.

Л у б с а н д о р ж Д. Русская фамилия тибетского происхождения. - "Сов. этногр.", 1973, с. 135-136.

Ф и л и п п о в а Н.И. Собственные имена персонажей якутского олонхо и бурятского улигера. - В сб.: Вопросы языка и литературы народов Сибири. Новосибирск, 1974, с. 151-155.

Х а д а л о в П. Происхождение и значение бурятских имен. - "Знамя Ленина" (Усть-Орда), 1967, 9 апреля.

Топонимика

Б а л а б а н о в В.Ф. Об изучении топоними-

ки Забайкалья. - В сб.: Проблемы краеведения, вып. I (Мат-лы к I Забайкальск. краевед. конф.). Чита, 1966, с. 34-38.

Б а л а б а н о в В.Ф. Русская топонимика на карте Читинской области. - В сб.: Проблемы краеведения, вып. 2, 1966, с. 69-74.

Б а л а б а н о в В.Ф. Некоторые вопросы топонимики Забайкалья в XVIII веке. - "Забайкальский краеведческий ежегодник". Чита, 1969, № 3, с. 109-119.

Б а л а б а н о в В.Ф. Материалы по топонимике Забайкалья XIX века. - "Зап. Забайкальск. фил. геогр. о-ва СССР" (Проблемы краеведения, вып. 4). Чита, 1970, вып. 39, с. 57-65.

Б а л д а е в С.П. Некоторые вопросы топонимики Восточной Сибири. - В кн.: Б а л д а е в С.П. Избранное. Улан-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1961, с. 154-177.

Б а л д а н ж а п о в П.Б. Заметки о топонимике Забайкалья. - В кн.: Этнографический сборник, вып. I. Улан-Удэ, 1960, с. 89-95. [АН СССР. Сиб. отд-ние. БКНИИ].

Б а ш к у е в Б.В. О географических названиях Предбайкалья и Забайкалья. - "Изв. Всесоюз. геогр. о-ва", т. 97. Л., 1965, вып. 4, с. 346-352.

Б а ш к у е в Б.В. Система географических названий. - В кн.: "Предбайкалье и Забайкалье". М., "Наука", 1965, с. 17-19.

Б е р т а г а е в Т.А., Л ь в о в А. Баргузин (о происхождении слова "баргузин"). - "Огонек", 1955, № 24, с. 31.

Т о ж е. - "Бурят-монгольская правда", 1955, 31 июля.

Б е р т а г а е в Т.А. Об этимологии слов

"баргуджин", "баргут" и "тукум". - В кн.: Филология и история монгольских народов. Памяти Б.Я.Владимирцова. М., Изд-во вост. лит., 1958, с. 173-174.

Б о я р ш и н о в а З.Я. О происхождении и значении слова "Сибирь". - "Науч. докл. высш. школы. Ист. науки". М., 1959, № 3, с. 101-110.

Б у я н т у е в Б.Р. К вопросу о происхождении названия "Байкал". - "Изв. АН СССР", серия геогр., 1951, № 5, с. 51-52.

В а с и л е в и ч Г.М. Топонимика Восточной Сибири. - "Изв. Всесоюз. геогр. о-ва", т. 90. Л., 1958, вып. 4.

В и н о г р а д о в Г. Географическая народная номенклатура. - "Сибирская Советская энциклопедия", т. I. Новосибирск, 1930, с. 633-636.

В я т к и н а К.В. К вопросу о термине "Сибирь". - "Сов. этногр.", 1936, № I.

Г у р у л е в С.А. О древних и средневековых названиях Байкала. - "Изв. Сиб. отд-ния АН СССР", серия обществ. наук, № II. Новосибирск, 1974, вып. 3, с. 102-107.

Е г о р о в В.Л. Русско-бурятский словарь географических терминов и названий с кратким толкованием. Верхнеудинск, Бургосиздат, 1934, 99 с.

К а з а к е в и ч В.А. Современная монгольская топонимика. - "Тр. Монг. комис.", № 13. Л., 1934. 29 с.

К а р а е в С.К. К этимологии топонимов "Шибер" и "Сибирь". - "Обществ. науки в Узбекистане". Ташкент, 1966, № 7, с. 72-75.

К у д р я в ц е в Ф.А. О происхождении слова "Сибирь". - "Вост.-Сиб. правда", 1945, II января.

К у з ь м и н а Г.Г. Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в бурятских

географических названиях. М., 1969. 74 с. [Гл. упр. геодезии и картографии при Совете Министров СССР].

Куликов Б.С. и Балабанов В.Ф. О происхождении названий и времени основания городов и поселков Читинской области. - "Забайкальский краеведческий ежегодник", № 1. Чита, 1957, с. 68-74. [Забайкальск. фил. Геогр. о-ва СССР].

Мартынов П.И. Эвенкийские названия в районе озера Байкал на географической карте. - "Краеведческий сборник", вып. 5. Улан-Удэ, 1960, с. 167-170.

Мельхеев М.Н. Местные географические термины Восточной Сибири. - "Тр. Иркутск. гос. ун-та", серия геогр., т. 24, 1958, вып. 1, с. 67-97.

Мельхеев М.Н. Топонимия и задачи топонимических исследований. В кн.: Мат-лы I-го науч. совещ. географов Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1959.

Мельхеев М.Н. Некоторые закономерные черты формирования и развития топонимики Восточной Сибири. - "Краткие сообщ. Иркутск. ун-та о науч.-исслед. работах за 1959 г.". Иркутск, 1961, с. 73-75.

Мельхеев М.Н. Географические имена. Топонимический словарь. Пособие для учителей. М., Учпедгиз, 1961, 99 с.

Мельхеев М.Н. Языковые ареалы топонимии Иркутской области. - "Сб. кратких науч. сообщ. геогр. фак. Иркутск. ун-та". Иркутск, 1962, с. 5-7.

Мельхеев М.Н. Историко-этнографическое значение топонимики Восточной Сибири. - "Мат-лы 2-го науч. совещ. географов Сибири и Дальнего Востока", вып. 5. Владивосток, 1962.

Мельхеев М.Н. О топонимике побережья озера Байкала. - "Краткие сообщ. о науч.-исслед.

работах Иркутск. ун-та". Иркутск, 1962, с. 97-99.

М е л ь х е е в М.Н. Происхождение географических названий Иркутской области. (Словарь). Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1964. 90 с.

М е л ь х е е в М.Н. Материалы по вопросу о названии "Байкал". - "Краткие сообщ. и докл. о науч.-исслед. работах за 1962 г. Иркутск. ун-та". Иркутск, 1964, с. 176-177.

М е л ь х е е в М.Н. Топонимические свидетельства географических условий прошлого (на примерах топонимики юга Восточной Сибири). - В кн.: Всесоюз. конф. по топонимике СССР. Тезисы докл. и сообщ. Л., 1965, с. 231-234.

М е л ь х е е в М.Н. Географические названия Восточной Сибири, Иркутской и Читинской областей. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969, 120 с.

М е л ь х е е в М.Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1969. 186 с.

М и т р о ш к и н а А.Г. К этимологии топонимического суффикса *-кан*. - "Тр. Иркутск. гос. ун-та", т. 73, серия "Языкознание", 1970, вып. 5, с. 184-190.

М и т р о ш к и н а А.Г. Явления фонетической адаптации монгольской (бурятской) топонимии в русском языке. - В кн.: РОК - IV, с. 32-34.

М и т р о ш к и н а А.Г. Методика собирания ономастического материала в Западном и Восточном Прибайкалье. Отв. ред. проф. Г.В.Тропин. Иркутск, 1971, 28 с. [Иркутск. гос. ун-т им. А.А.Жданова].

М и т р о ш к и н а А.Г. Бурятские антропонимические модели. - В кн.: XIe congrès International des Sciences onomastiques (Sofia, 28 juin - 4 juillet 1972). Resumes des communications. Sofia, 1972, в. 264.

М и т р о ш к и н а А.Г. Из опыта изучения бурятской топонимии. — В кн.: Исследования по топонимике. Мат-лы Топонимич. комис. 1972/73 гг. М., 1974, с. 29-32. [Геогр. о-во СССР. Моск. фил.].

М и х а й л о в Н.И. К истории появления и распространения названия "Сибирь". — "Учен. зап. МГУ", вып. 170. М., 1954.

М у р з а е в Э.М. Заметки о географических названиях Монголии. — "Современная Монголия", 1940, № 5-6, с. 119-126.

М у р з а е в Э.М. Монгольские топонимы в Курдистане. — В кн.: Топонимика Востока. М., "Наука", 1964, с. 212-216.

М у р з а е в Э.М. Южносибирские топонимические элементы в Монголии. — В кн.: Вопросы географии. Сб. 70. Изучение географических названий. М., Географгиз, 1966, с. 47-51.

М у р з а е в Э.М. Очерки топонимики. М., "Мысль", 1974. 382 с.

М у р з а е в ы Э. и В. Словарь местных географических терминов. М., Географгиз, 1959, 302 с.

Н и к о н о в В.А. Введение в топонимику. М., "Наука", 1965. 179 с.

Н и к о н о в В.А. Краткий топонимический словарь. М., "Мысль", 1966. 509 с.

Н и м з е в Д.Д. Микротопонимия села Ташир Селенгинского района Бурятской АССР. — В кн.: Исследования по топонимике. Мат-лы Топонимич. комис. 1972/73 гг. М., 1974, с. 33-35. [Геогр. о-во СССР. Моск. фил.].

Откуда пошло название "Байкал". — "Вокруг света", 1952, № 3, с. 80.

П л а с т и н и н Л.А. Географические назва-

ния юга Восточной Сибири. - "Геодезия и картография", 1963, № 10.

П л а т о н о в Л. Географические названия Сибири. - В сб.: В помощь учителю, № 4. Иркутск, 1940.

П о т а н и н Г.Н. О происхождении географического имени "Сибирь". - "Сибирский сборник", 1890, вып. I. Иркутск, с. 179-190.

Р ы г д ы л о н Э.Р. О названиях "Байкал" и "Ангара". - "Изв. АН СССР", серия геогр., № 5. М., 1953, с. 75-78.

Р ы г д ы л о н Э.Р. Топонимические этюды. I. - "Зап. БМ НИИК", вып. 20. Улан-Удэ, 1955, с. 155-162.

Р ы г д ы л о н Э.Р. Топонимические этюды. II. - "Зап. БМ НИИК", вып. 22. Улан-Удэ, 1956, с. 89-96.

Р ы г д ы л о н Э.Р. Что значат слова: Байкал, Ангара, Братск. - "Вост.-Сиб. правда", 1957, 2 февраля.

С о б о л е в Н.П. К топонимике Забайкалья. - В сб.: Проблемы краеведения, вып. I. Материалы к I Забайкальской краеведческой конференции. Чита, 1956, с. 39-41.

Ц ы д е н д а м б а е в Ц.Б. Историческое место бурятских географических названий в топонимике Прибайкалья. - В кн.: XIe congres International des Sciences onomastiques (Sofia. 28 juin - 4 juillet 1972). Resumes des communications. Sofia, 1972, с. 42-45.

Ц ы д е н д а м б а е в Ц.Б. Историческое место бурятских географических названий в топонимике Прибайкалья. - В кн.: Actes du XI-e Congres International des Sciences onomastiques, t. 1.

Sofia, 1974, s. 197-201.

Ш о с т а к о в и ч В.Б. Историко-этнографическое название рек Сибири. - В кн.: Очерки по землеведению и экономике Восточной Сибири. Иркутск, 1926, с. 115-130. [Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва, т. XLIX, вып. 2].

Э т и м о л о г и я и т о п о н и м и к а. - В кн.: Д у г а р о в Н.Б. Библиография литературы по бурятскому языкознанию. Улан-Удэ, 1964, с. 83-84.

Этнонимика

А с а л х а н о в И.А. О бурятских родах в XIX веке. - "Этнографический сборник", вып. I. Улан-Удэ, 1960, с. 68-83. [АН СССР. Сиб. отд-ние. БКНИИ].

Б а л д а е в С.П. Предания о расселении кударинских и кабанских бурят. - "Зап. БМ НИИК", 1958, с. 152-177.

Б а л д а е в С.П. Материалы о бурятских племенах и родах. - "Этнографический сборник", вып. 2. Улан-Удэ, 1961, с. 129-133. [АН СССР. Сиб. отд-ние БКНИИ].

Б а л д а е в С.П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. I. Булагаты и эхириты. Улан-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1970. 363 с.

Б е р т а г а е в Т.А. Об этнонимах Кермучин и Курамчин. - В кн.: Этнонимы. М., "Наука", 1970, с. 127-129.

Б е р т а г а е в Т.А. Об этнонимах бурят и курикан. - В кн.: Этнонимы. М., "Наука", 1970, с. 130-132.

Д о л г и х Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в ХУП в. М., 1960. 621 с. [Тр. Ин-та этногр. им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР", новая

серия, т. LУ].

Д о л г и х Б.О. Племена и роды коренного населения Забайкалья и южного Прибайкалья в ХУПв. — "Краткие сообщ. Ин-та этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР", вып. ХУП. М., Изд-во АН СССР, 1972, с. 29-39.

Д у л ь з о н А.П. Этнический состав древнего населения Сибири по данным топонимики. М., 1960.

З о л о т а р е в а И.М. Некоторые данные по этнической антропологии населения Забайкалья. — "Зап. БМ НИИК", вып. ХХIV. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1957, с. 203-240.

М а н ж и г е е в И.М. Янгутский бурятский род. (Опыт историко-этнографического исследования). Улан-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1960. 232 с.

Л и н х о б о е в Г.Л. Легенды и предания о прошлом оронгойских бурят. — "Зап. БМ НИИК", вып. ХХI. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1956, с. 121-131.

О к л а д н и к о в А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (ХУП-ХУШ вв.). Л., Соцэкгиз, 1937. 428 с.

Р у м я н ц е в Г.Н. К вопросу о происхождении хори-бурят. — "Зап. БМ НИИКЭ", вып. УШ. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1948, с. 116-162.

Р у м я н ц е в Г.Н. Предания о происхождении аларских бурят. — "Этнографический сборник", вып. 2. Улан-Удэ, 1961, с. 115-128. [АН СССР. Сиб. отд-ние. БКНИИ].

Р у м я н ц е в Г.Н. Аларская летопись. — "Зап. БМ НИИКЭ", вып. IX. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1949, с. 34-37.

Р у м я н ц е в Г.Н. Летопись рода Согол селенгинских бурят-монголов. — "Сб. трудов по филологии", вып. 2. Улан-Удэ, 1949, с. 133-175. [АН СССР.

Сиб. отд-ние БМ НИИКЭ].

Р у м я н ц е в Г.Н. К вопросу о происхождении хори-бурят. - "Зап. БМ НИИКЭ", вып. УШ. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1948, с. 116-162.

Р у м я н ц е в Г.Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, Бургиз, 1962. 265 с. [АН СССР. Сиб. отд-ние. БКНИИ].

Р у м я н ц е в Г.Н. Родоплеменной состав верхоленских бурят. - "Зап. БМ НИИК", вып. ХП. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1951, с. 78-108.

Р у м я н ц е в Г.Н. Родоплеменной состав верхоленских бурят. (Продолжение). - "Зап. БМ НИИК", вып. ХУ. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1952, с. 53-80.

Р у м я н ц е в Г.Н. Селенгинские буряты. (Происхождение и родоплеменной состав). - "Мат-лы по истории и филологии Центральной Азии", вып. 2. Улан-Удэ, 1965, с. 87-117. [Труды БКНИИ СО АН СССР, вып. 16, серия востоковед.].

Х а п т а е в П.Т. Предания о бурятских родах эхиритского племени. - "Бурятоведческий сборник", вып. УІ. Иркутск, 1930, с. 43-53.

Ц ы д е н д а м б а е в Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1972. 662 с. [АН СССР. Сиб. отд-ние. Бур. фил. Ин-т обществ. наук].

Составил Н.Б. Дугаров

СОДЕРЖАНИЕ

Общие вопросы ономастики

Ц.Б.Цыдендамбаев. Изучение ономастики Бурятии и исторически связанных с ней регионов - одна из актуальных задач современного бурятоведения	3
М.Н.Мельхеев. Топо-, этно- и антропонимические связи в ономастике	23

Антропонимы

А.Г.Митрошкина. Морфологическая структура исконно бурятских личных имен и семантика их апеллятивов	46
Н.Б.Алдарова. Из охранных имен бурят	69
К.Д.Басяева. Современные тенденции в употреблении личных имен у бурят	85
Л.Д.Шагдаров. К принципам унификации слов и названий из восточных языков при передаче их на русском языке	93
В.И.Рассадин. Антропонимы у тофаларов	
В.И.Копылова. О некоторых фонетических и словообразовательных особенностях бытовых имен семейских Забайкалья	111
	141

Топонимы

Т.М.Михайлов. Заметки о топонимах Усть-Ордынского национального округа	152
--	-----

Ц.Б.Б у д а е в. О некоторых топонимах Ноехона	168
Д.Г.Д а м д и н о в. О топонимике бассейна реки Онон	178
Г.Э.Б а з а р о в а, С.А.Г у р у л е в. К истории названия озера Байкал	202
М.Д.С и м о н о в. Типология эвенкийских гидронимов Бурятии (на материале названий рек Баунтовского аймака)	214

Библиография

Н.Б.Д у г в р о в. Библиография литературы по бурятской ономастике	237
--	-----

Ономастика Бурятии

(Труды Бурятского института общественных наук
БФ СО АН СССР, вып. 26)

Редактор ред.-изд. отдела С. С. И м и х е л о в а
Технический редактор Д. Б. Б а т о ц ы р е н о в а
Корректор С. С. З о л т о е в а

Подписано к печати 25.VI 1976 г. Формат 84x108^I/32.
Объем в усл.п.л. 13,12. Уч.-изд. л. 9,95. Бум.тип.
№ 1. Тираж 1000. Н - 04628. Заказ № 485.
Цена 1 р. 55 к.

Отпечатано по оригиналу-макету БФ СО АН СССР.
Цифрография Управления по делам издательств, поли-
графии и книжной торговли Совета Министров БурАССР,
г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 21.

Цена 1 р. 55 к.